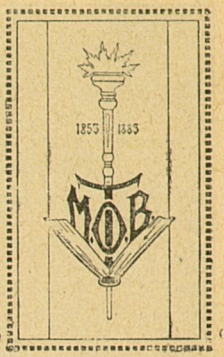
Л. Чарская

Вечера Княжны Джавахи

Проверено


1855
1885
MOB

Старая Барбалэ начала свой разсказъ...

ВЕЧЕРА КНЯЖНЫ ДЖАВАХИ

■ ■ ■

СКАЗАНІЯ СТАРОЙ БАРБАЛЭ

■ ■ ■

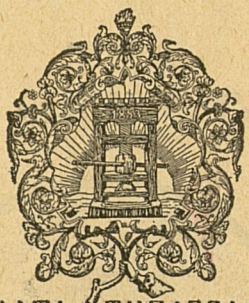
Л. А. ЧАРСКОЙ

СЪ РИСУНКАМИ И. ГУРЬЕВА, Н. КАРАЗИНА И ДР.

■ ■ ■

ГОС. Публичная Б-ка в Ленинграде

ИЗДАНІЕ
ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ
С.-ПЕТЕРБУРГЪ • МОСКВА
1911



ПЕЧАТЬ ТИПОГРАФІИ
Т-ва М·О·ВОЛЬФЪ
С-ПЕТЕРБУРГЪ · ВАС· ОСТР· 16 ЛИНІЯ СОБ· ДОМЪ
1911

ВМѢСТО ВСТУПЛЕНІЯ.

— Тссс! — шепчутъ густыя темныя чинары въ большомъ, тѣнистомъ, заглохшемъ саду,—тссс! Не шумите, вѣтры, не плещи, рѣка, подъ горою, не стоните, гулкіе обвалы, въ далекихъ горахъ... Тссс! затихни, природа, и внимай сладкому голосу ночного пѣвца. Поетъ буль-буль *) сладкоголосый, поетъ чудесную пѣсню на черномъ отъ мрака розовомъ кустѣ. Тише, вѣтры, тише, Кура темноводная, тише, далекія горы,—слушайте всѣ пѣсню буль-буля, короля задумчивой восточной ночи, слушайте внимательно!

И замолкаютъ чинары, а, вмѣсто шопота ихъ, звенитъ голосистая пѣснь.

Не то быль, не то сказку поетъ задумчивый крылатый пѣвецъ ночи. И весь Гори **), весь сонный Гори, съ его ароматными садами и зелеными виноградниками,

*) Буль-буль—по-грузински соловей.

**) Гори—небольшой городъ Тифлисской губ.

съ его грязнымъ базаромъ и узкими улочками, слушаетъ его.

Слушаетъ сонный, затихшій Гори... Поетъ сладко крылатый пѣвецъ въ заглохшемъ саду забытой усадьбы.

Его дѣдъ, такой же, какъ и онъ, пѣвецъ восточной ночи, передалъ сыну эту пѣснь... Сынъ научилъ ее пѣть своего сына... И поетъ ее молодой задумчивый соловей...

— Здѣсь, въ этомъ забытомъ гнѣздѣ надъ Курой, въ предмѣстьѣ Гори, — звенитъ его пѣснь, — жилъ когда то знатный грузинскій батоно *). Князь Георгій Джаваха-оглы-Джамата звался батоно. Онъ былъ смѣлый, храбрый офицеръ. Пускался въ далекія Дагестанскія горы, усмирялъ возставшіе аулы **) и дружилъ съ покоренными лезгинами, какъ свой братъ-кунакъ ***). И сердце свое отдалъ черноокой лезгинкѣ-магометанкѣ изъ аула Бестуди, сдѣлалъ ее своей женой и увезъ въ свою усадьбу.

Старый отецъ дѣвушки, Хаджи-Магометъ, долго не примирялся съ дочерью, измѣнившей вѣрѣ отцовъ и принявшей христіанство... И только рожденіе внучки, княжны Нины, вернуло гордому старику угасшую было любовь къ дочери.

Какъ цвѣтокъ весенній, какъ роза Алазанской долины, росла дѣвочка Нина, христіанское дитя, съ душой

*) Батоно — господинъ по-грузински.
**) Аулъ—селеніе горцевъ на Кавказѣ.
***) Кунакъ—другъ, пріятель.

свободной, какъ горы Дагестана, и смѣлой, какъ у кавказскаго орла...

Малюткой еще была княжна, когда умерла ея мать, тосковавшая по родному аулу, по суровому отцу и далекой родной саклѣ,—и осталась осиротѣвшей птичкой въ домѣ отца красоточка Нина...

А годы неслись непрерывной чередой... Поднималась, росла юная княжна, удивляя окружающихъ людей своей смѣлостью, ловкостью и неслыханною удалью. Она скакала по горамъ на своемъ конѣ, джигитовала *) на диво, карабкалась, какъ дикій джайранъ **), по утесамъ. А какія пѣсни она пѣла со своей молоденькой теткой, сестрой матери, Бэлой, пріѣзжавшей къ ней въ гости, въ Джаваховскій домъ, изъ родного аула Бестуди!.

По вечерамъ слушала она разсказы старой Барбалэ, вѣрной, доброй служанки, выняньчившей черноокую Нину. Мастерица была старуха разсказывать. И, словно птичка по осени, затихала юная княжна, внимая словамъ старушки...

Любовно, восторженно слушала она ее. Слушала и у дымящагося бухара ***), и на кровлѣ Джаваховскаго дома при лунномъ свѣтѣ, и подъ тѣнью утеса въ горахъ, и въ саду, подъ навѣсомъ густого каштана...

---

*) Джигитовка — искусное наѣздничество, распространенное между кавказскими горцами.

**) Джайранъ—видъ антилопъ, которыя водятся въ Закавказьѣ.

***) Бухаръ—каминъ.

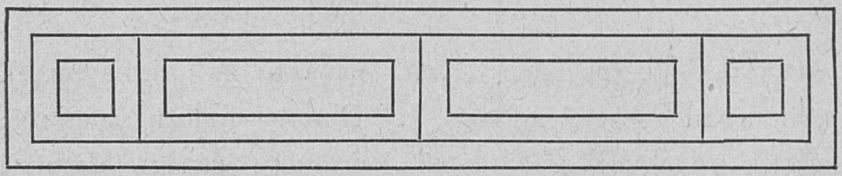
Но не долго продолжались разсказы Барбалэ: увезли княжну учить въ далекій сѣверный городъ... Заточили вольную пташку въ сѣрыя стѣны института. Не ужилась въ нихъ Нина, зачахла черная роза Грузіи, тоскуя по родному краю, какъ зачахла когда-то ея мать, тоскуя по родному аулу...

Небо Петербурга, холодные люди, врожденный недугъ и отсутствіе пестрой сказки цвѣтущей родины сдѣлали свое дѣло. Умерла Нина. Умерла далеко... А черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ и отецъ ея *). Скончалась скоро и старая Барбалэ, но сказки вѣрной, преданной служанки, перемѣшанныя съ былью, ея разсказы, лившіеся изъ ссохшихся устъ, ея сказанія изъ далекаго прошлаго Кавказа не умерли, нѣтъ: пережили они и старую Барбалэ, и юную, безвременно погибшую, княжну...

Нѣтъ старушки Барбалэ давнымъ-давно на свѣтѣ, а сказки ея рѣютъ въ воздухѣ, какъ птицы, нашедшія гнѣзда въ одичавшемъ тѣнистомъ саду Джаваховскаго дома. Ихъ шепчетъ Кура многоводная, ихъ сказываютъ густыя чинары, ихъ повторяютъ одичавшія розы, ихъ поетъ горійскій буль-буль съ сѣрыми крылышками въ тихія, нѣжныя, благовонныя лѣтнія ночи...

□ □ □

*) См. повѣсти того же автора: «Княжна Джаваха», «Записки институтки» и «Люда Влассовская».



Первое сказаніе старой Барбалэ.

УМОРИЛАСЬ за день старая Барбалэ. Утомилась. Пекла для гостей абрикосовые и каштановые пироги, варила шербеты *). То-то было дѣла.

Пріѣхали съ батоно-княземъ пять товарищей-офицеровъ изъ полка, пріѣхалъ изъ аула дѣдушка Хаджи-Магометъ съ дочкой Бэлой, младшей сестрой покойной княгини. Пили, ѣли, лезгинку плясали...

И всѣхъ больше отличалась ясочка черноокая, десятилѣтка-красоточка Нина-княжна.

Дѣвочка цвѣтетъ какъ персикъ, полная, свѣжая, какъ ангелъ красива, а ужъ пляшетъ-то, пляшетъ!... Отродясь не видѣла такой пляски старая Барбалэ. Потомъ самъ

*) Шербеты — лакомства и прохладительные напитки изъ яблокъ, лимоновъ и сахара.

князь-батоно, хозяинъ дома, игралъ на чіунгури *), всѣ пѣли пѣсни хоромъ, а Нина — всѣхъ звончѣе, всѣхъ заливчатѣе. Старый денщикъ, казакъ Михако, сморгнулъ на сѣдой усъ скупую слезу, слушая свою маленькую госпожу-джанъ **); а молодецъ-наѣздникъ Абрекъ, сѣдлая въ конюшнѣ офицерскихъ коней, говорилъ, сверкая черкесскими глазами:

— Аллахъ взялъ жену отъ батоно-князя въ рай Магомета, зато княжной-соловушкой, дочкой-пѣвуньей вдоваго мужа осчастливилъ...

Къ ночи только разъѣхались гости.

Хаджи-Магометъ, старый, вольный татаринъ, тесть князя Георгія Джаваха, уѣхалъ къ себѣ, въ горы. Дочку Бэлу гостить у внучки, у княжны Нины, оставилъ. Офицеры въ лагерь умчались.

Барбалэ управилась въ кухнѣ, прилегла у себя въ каморкѣ на тахтѣ. Думала о суетливомъ днѣ, о добромъ князѣ-батоно, о лезгинкѣ и пѣніи маленькой княжны.

Вдругъ въ окно раздался стукъ.

— Тукъ-тукъ! Къ тебѣ пришли мы, старая Барбалэ, открывай, старушка!

— Кто вы?

— Я, твоя Нина-джанъ, да Бэла-горянка — птичка

*) Чіунгури — любимый музыкальный инструментъ у грузинъ, родъ гитары.

**) Джанъ, джанымъ—по-татарски душа, душенька; очень распространенное ласкательное слово на Востокѣ.

залетная изъ Дагестанскихъ ауловъ... Открывай, роза сердца моего!

Голосокъ звенитъ и рвется. Видно смѣшно самой старую, уродливую Барбалэ называть розой. Но отъ души это. Не видитъ старыхъ морщинистыхъ щекъ Барбалэ молоденькая десятилѣтняя княжна Джаваха; видитъ только вѣрную, преданную Джаваховскому роду, любящую душу. И сама любитъ, ой, какъ любитъ свою старую служанку Барбалэ!

— Открывай, звѣзда моего неба, открывай!

Отскочила задвижка. Дверь распахнулась.

Стоятъ обѣ дѣвочки, тетка и племянница: пятнадцатилѣтняя джигитка Бэла въ своемъ національномъ, изъ пестрыхъ цвѣтовъ, костюмѣ, и красоточка-княжна, со смоляными кудрями, въ бѣломъ бешметѣ *). Обвили головы одной чадрой **), смотрятъ бойко, улыбаются лукаво и моляще.

— Зачѣмъ пожаловали, баловницы-пѣвуньи?

— Сказку, сказку намъ, старая Барбалэ!

— Проказницы, ночь скоро. Вишь, луна встала. Спитъ Гори... Соловьи поютъ, а вамъ сказку... Кш... кш... кш... прочь отсюда!.. Покой дайте старой Барбалэ!...

Засмѣялась, подпрыгнула грузиночка-княжна, по-

*) Бешметъ — кафтанъ.

**) Чадра — покрывало, которое набрасываютъ на себя женщины-мусульманки, совершенно закрывая имъ лицо отъ взоровъ посторонних мужчинъ.

висла на шеѣ у старухи, въ то время какъ товарка Бэла растерянно метнула изъ-подъ чадры газельими глазами.

А Ниночка ластится, воркуетъ, вьется вьюномъ, лепечетъ, жарко цѣлуя морщинистыя щеки Барбалэ:

— Ну, солнце солнца моего, ну, бирюза души моей, ну, сердце мыслей моихъ, ну, драгоцѣнное сокровище моихъ желаній, звѣзда полночная, восходъ багряный, цвѣтокъ душистый, сладкая роза мысли моей, разскажи намъ сказку, старая, милая, добрая Барбалэ!

И цѣлуетъ, цѣлуетъ безъ конца закорузлую черную кожу служанки.

Ну, какъ тутъ устоять передъ такою ласкою, передъ мольбою, передъ чарующимъ обаяніемъ всего существа красоточки-княжны?

И забыты вмигъ дневная суета, хлопоты, усталость, заботы по дому и кухнѣ... Все ушло, отодвинулось куда-то далеко...

— Садитесь ужъ, коли пришли, полунощницы, — ворчитъ Барбалэ, опускаясь на тахту, — будетъ вамъ сказка... Ладно ужъ, въ послѣдній разъ... Только не простая сказка, что люди выдумали на досугѣ, а старинное сказаніе, которое дѣды разсказываютъ внукамъ, а тѣ опять своимъ внукамъ, въ сакляхъ и аулахъ, по всему Кавказу... Садитесь, сейчасъ начну разсказывать...

Взвизгнула Ниночка-княжна. Козочкой взлетѣла на

тахту, съ шумомъ потащила за собой молоденькую тетку, прильнула чернокудрой головой къ высохшей груди Барбалэ, чмокнула въ самыя губы старуху. Потомъ снова вспрыгнула, серной метнулась къ окну, распахнула его широко...

Тѣни отъ исполинскихъ чинаръ, лунный свѣтъ, ароматъ розъ и азалій и пѣснь соловьиная, поздняя пѣснь, ворвались въ горницу... Точно огромный фіалъ сладкихъ благовоній розлила въ природѣ восточная красавица-ночь. Душисто, нѣжно и царственно-прекрасно ступала она по саду...

Задумалась Нина... Задумалась Бэла... И старая Барбалэ задумалась тоже. Чарами ночи сковало всѣхъ троихъ—старуху и дѣтей.

Но не надолго. Съ трудомъ оторвалось отъ чащи сада и темнаго неба поблѣднѣвшее отъ восторга личико Джавахи и, все залитое мягкимъ сіяніемъ мѣсяца, скрылось на груди Барбалэ.

Дрогнувшій голосокъ шепнулъ тихо:

— О, какъ хорошо! О, моя родина! О, мои восточныя ночи! О, мои звѣзды, чинары и розы!.. Говори мнѣ скорѣе печальныя сказки, Барбалэ! Говори, разсказывай о горѣ людскомъ и безсиліи, о славныхъ подвигахъ безстрашныхъ жителей нашихъ горъ, о выходкахъ горныхъ разбойниковъ—душмановъ, о чемъ хочешь, но только скорѣе, скорѣе... или я умру отъ нетерпѣнія!..

Погладила морщинистой рукой старуха головку своей баловницы и дрожащимъ голосомъ произнесла:

— Слушай, княжна Джаваха, слушай, роскошный бутонъ черной розы, алмазная роса жемчужныхъ цвѣтовъ, и ты, Бэла, первая красавица среди лезгинскихъ невѣстъ, слушайте обѣ...

Тихо стало въ горницѣ... Только изрѣдка доносился оттуда, изъ сада, черезъ открытое окно, шелестъ вѣтерка и нѣжные звуки соловьиной пѣсни...

Старая Барбалэ начала свой разсказъ...

□ □ □

Высоко, высоко вздымаются горы... Надъ ними синее небо и престолъ Всевышняго, бѣлыя облачка, дымчатые покровы ангельскихъ одеждъ. Подъ ними бездны, жилища горныхъ духовъ, гнѣзда шайтана и черныхъ стражей его... А между вершинами—хребты, горныя тропинки и уступы, быстрые потоки рѣчные, нѣжныя благоухающія долины, полныя душистыхъ горныхъ цвѣтовъ...

Въ этихъ долинахъ, крошечныхъ, свисшихъ надъ безднами, пасъ когда-то мальчикъ Бессо своихъ козъ и барановъ.

Былъ Бессо юнъ и смѣлъ, какъ молодой орленокъ изъ высочайшихъ гнѣздъ Дагестана, и силенъ, какъ

барсъ весною, и быстръ и ловокъ, какъ серна горъ... Тѣло его, бронзовое отъ загара, опалено кавказскимъ щедрымъ солнцемъ, обвѣтрено родимыми вѣтрами смуглое пригожее лицо. Онъ сирота—Бессо и ходитъ въ лохмотьяхъ. Онъ—пастухъ. Аулъ кормитъ его за то, что онъ пасетъ барановъ и козъ... Но богаче богатѣйшаго бека, наиба селеній, онъ, Бессо... Эти горы—его. Это небо синее, какъ волны далекаго моря, — тоже его. И тропинки, и горы, и бездны—все принадлежитъ ему одному, Бессо. Богъ, Создатель міра, какъ онъ богатъ, этотъ Бессо!

Ему кажется, что Творецъ вселенной поставилъ его земнымъ царемъ надъ всей этой роскошной природой. Ему кажется, что для него синѣетъ небо, для него благоухаютъ азаліи въ долинахъ, для него звенятъ и пѣнятся гордые, быстрые потоки горъ.

Да, онъ царь!

Надъ нимъ Богъ, подъ нимъ бездна. Все, что вокругъ—царство Бессо и его козъ.

Нынче день выдался на славу. Горы дышатъ и молчатъ. Цвѣты поютъ, благоухая, и потоки журчатъ лѣнивѣе и тише. Алмазъ слился съ бирюзою, небо и солнце заключили союзъ. Дышать трудно подъ палящими лучами ликующаго свѣтила.

Пробовалъ пѣть Бессо — не поется. Пробовалъ завивать вѣнки изъ азалій и розъ — руки сами собой

опускаются отъ жары. Истома и лѣнь сковываютъ все тѣло.

Опустился на берегу горнаго потока, залюбовался новыми калабанами *), мягко охватывающими его ноги.

Хороши калабаны, очень хороши. У сына самого горнаго духа навѣрное нѣтъ такихъ...

Сталъ мечтать Бессо о томъ, какъ хорошо наряжаться каждую недѣлю въ новую обувь, чтобы и по виду казаться владыкой этихъ высей и пропастей... Сталъ мечтать и въ мечтахъ незамѣтно уснулъ.

Сладкіе сны ему снились въ этотъ знойный полдень. Само небо, бездны и дикія розы ущелій нашептывали ему ихъ...

Проснулся. Смотритъ кругомъ: нѣтъ его козъ близко, ушли козы. Вонъ, позвякивая колокольчиками, разбрелись онѣ по зеленѣющимъ уступамъ горъ.

Вскочилъ на ноги Бессо. Плеснулъ студеной струей изъ потока себѣ въ лицо, метнулся догонять стадо.

А козы, точно нарочно, все дальше да дальше въ ущелье бредутъ. Словно и не слышатъ призывныхъ криковъ пастушонка.

Совсѣмъ въ незнакомыя мѣста попалъ Бессо... Потемнѣло въ ущельяхъ. Точно темной чадрой окутались горы, точно призракъ стараго горнаго духа прошелъ по узкимъ тропамъ. Въ незнакомое мѣсто попалъ Бессо. Вокругъ

*) Калабаны — грузинская обувь.

него затѣснились исполины-утесы, зашумѣли глуше нагорные ручьи... И еще потемнѣло.

Дрогнуло сердце Бессо. Какъ собрать стадо, какъ найти дорогу въ аулъ?

Крикнулъ было...

Веселымъ эхо отозвались горы.

Точно кто засмѣялся, дразнясь.

И вдругъ—легкій, чуть слышный, душу надрывающій стонъ прозвучалъ близко-близко.

— Горный духъ!—въ ужасѣ прошепталъ Бессо,—я попалъ въ его владѣніе! Чего добраго не выбраться отсюда.

Содрогнулась далеко не трусливая душа Бессо.

Смѣлый, отважный мальчикъ, не боявшійся ни дикихъ звѣрей, ни лихого человѣка въ горахъ, былъ безсиленъ бороться съ хозяиномъ этихъ стремнинъ, могущимъ уничтожить его каждую секунду...

Но вотъ опять стонъ, надрывающій сердце, мучительный и страшный, повисъ надъ стремниной.

— Нѣтъ, не духъ это, а человѣкъ, нуждающійся въ помощи! Иду помочь ему!—мгновенно встряхиваясь отъ сковавшаго его было ужаса, вскрикнулъ Бессо и кинулся впередъ.

Отважно заблестѣли его черные глазенки. Огонь мужества разлился по всему его существу. Зажглось въ сердцѣ мальчика горячее желаніе спасти того, кто по

ту сторону утеса молилъ, казалось, своими стонами о помощи.

Одинъ прыжокъ... Другой... Третій... Перепрыгнувъ быстрый ручей и дикой кошкой вскарабкавшись на утесъ, Бессо очутился у огромной каменной вершины съ зіяющимъ въ нее входомъ въ видѣ норы.

Теперь было ясно откуда неслись стоны.

Они выходили изъ глубины утеса, изъ расщелины скалы.

Новый прыжокъ и...

Бессо испустилъ крикъ ужаса и изумленія. Онъ стоялъ посреди пещеры, полъ, потолокъ и стѣны которой были вылиты изъ чистаго золота и серебра. Свѣтъ, врывающійся извнѣ въ отверстіе горы, играя милліардами искръ, заливалъ сотнею лучей пещеру. Къ стѣнѣ пещеры тяжелыми цѣпями былъ прикованъ юноша.

Обнаженная грудь узника была бѣла, какъ снѣжная вершина Эльбруса. По этой бѣлоснѣжной груди сбѣгали ручьи крови, алые какъ рубины.

Кровь сочилась изъ самаго сердца юноши, которое клевала огромнымъ острымъ клювомъ сѣрая страшная птица—коршунъ, разрывая тѣло узника на куски.

Блѣдное лицо прикованнаго мученика было полно невыразимаго страданія... Потъ градомъ лилъ съ его чела... Черные глаза, исполненные тоски и муки, молили безъ словъ о помощи.

— Прочь отсюда, ужасная птица!—вскрикнулъ Бессо...

А злая, жестокая птица продолжала свою работу, вырывая кусокъ за кускомъ тѣло изъ груди узника и обагряя новыми потоками крови золотыя стѣны пещеры.

Не помня себя, весь охваченный жалостью и гнѣвомъ, Бессо съ дикимъ крикомъ ринулся впередъ.

— Прочь отсюда, ужасная птица!—вскрикнулъ онъ во всю силу дѣтскаго голоса.

Коршунъ повернулъ голову, метнулъ на смѣлаго мальчика сердитый взглядъ, но Бессо не испугался этого взгляда.

— Прочь отсюда! Прочь!—крикнулъ онъ еще разъ, поднимая высоко руку.

И послушная волѣ мальчика страшная птица оставила своего плѣнника, взмахнула крыльями и исчезла изъ пещеры.

Блѣдный, израненный, окровавленный юноша поднялъ на Бессо благодарный взглядъ.

— Благодарю тебя. На этотъ разъ мои муки окончены,— прошепталъ онъ тихо-тихо.—На этотъ разъ только...

— А завтра?—живо перебилъ его Бессо.

— А завтра онѣ начнутся снова, если ты, мальчикъ, не поможешь мнѣ сбросить эти оковы...

Голосъ юноши былъ слабъ, какъ звенящая струна чіангури, какъ послѣдніе звуки Божьей пташки, умирающей въ рукахъ ястреба. И голосъ этотъ проникъ въ самое сердце добраго Бессо.

— Скажи мнѣ только, что надо сдѣлать, чтобы спасти тебя, и я сдѣлаю все, чтобы помочь тебѣ, батоно!— сверкнувъ глазами, произнесъ онъ тихо.

Юноша улыбнулся.

— Это не трудно, дитя. Самъ Богъ послалъ мнѣ спасенье въ твоемъ лицѣ. Подай мнѣ только конецъ цѣпи, я возьму его въ руки, въ тотъ же мигъ рушатся мои оковы, и я буду спасенъ.

Онъ не успѣлъ докончить своей рѣчи, какъ Бессо въ одинъ прыжокъ былъ уже подлѣ лежавшаго на полу конца цѣпи и потянулъ ее изо всѣхъ силъ къ узнику.

Но увы! Цѣпь была слишкомъ коротка. Ея не хватало.

Два стона вырвались и слились въ одинъ вопль отчаянія.

Скованный юноша и Бессо испустили этотъ вопль разочарованія и горя.

Потомъ наступила тишина.

Только ночь дышала въ отверстіе пещеры, благоухая восточными цвѣтами.

И вотъ узникъ заговорилъ снова:

— Дитя, мальчикъ, слушай мои рѣчи... Я богатъ, богаче многихъ владыкъ земли. Я осыплю тебя такими дарами, которые не снятся даже и во снѣ... Пригоршнями золота и серебра наполню я твою сумку; въ твоей саклѣ будетъ наряднѣе и пышнѣе, нежели въ замкѣ султана или во дворцѣ бѣлаго царя... Я сдѣлаю

тебя счастливымъ, мальчикъ. Спаси меня только! Скуй мнѣ цѣпь изъ стараго желѣза, такую же, какъ эта, принеси ее сюда, но такъ, чтобы никто не узналъ и не прослышалъ объ этомъ, такъ, чтобы ни одинъ человѣкъ не провѣдалъ обо мнѣ, принеси сюда, и тогда я буду спасенъ и награжу тебя по-царски.

Голосъ бѣднаго юноши дышалъ такой мукой, такой жаждой свободы, такимъ желаніемъ избавленія отъ страданій, что онъ потрясъ все существо бѣднаго Бессо съ головы до ногъ.

— Не надо, батоно! Возьми слова свои обратно,— вскрикнулъ съ горячностью мальчикъ,—не надо мнѣ ни золота, ни сокровищъ, я и безъ нихъ спасу тебя.

И боясь разрыдаться отъ жалости и печали, какъ птица вылетѣлъ изъ пещеры маленькій пастухъ.

Не помня себя, собралъ онъ стадо въ этотъ вечеръ, вернулся въ аулъ и съ этой же ночи сталъ искать старые гвозди, куски желѣза, словомъ—все то, что могло пригодиться ему для скованія цѣпи.

Судьба не благопріятствовала Бессо. Трудно было ему найти скоро столько стараго металла у себя въ аулѣ.

Наконецъ набрелъ онъ на огромную полосу желѣза, стащилъ въ кузницу и сковалъ цѣпь.

Въ аулѣ замѣтили однако эти приготовленія мальчика. Странное поведеніе Бессо не могло не привлечь вниманія осетинъ.

«Мальчикъ нашелъ золото въ горахъ»,—подумали его односельчане и рѣшили во что бы то ни стало прослѣдить его.

Наступила желанная для Бессо ночь. Яркимъ окомъ зажглась въ далекомъ небѣ золотая, алмазная звѣзда Оріона. Открылись чашечки ночныхъ цвѣтовъ въ долинахъ, запѣли духи горъ на разные голоса, когда, взявъ съ собою цѣпь, Бессо, крадучись какъ воръ, прошмыгнулъ изъ родного аула.

Лукавые осетины пошли по его стопамъ.

Не подозрѣвая преслѣдованія, маленькій пастухъ легко и быстро карабкался по уступамъ, прижимая къ груди роковую цѣпь. Передъ нимъ, не покидая его ни минуту, носился образъ окровавленнаго мученика-узника съ такимъ благороднымъ страдальческимъ лицомъ.

Долго-долго бродилъ онъ съ горы на гору и только подъ утро достигъ памятной ему плоскости.

— Теперь уже скоро, скоро!—мечталъ ликуя Бессо, прыгая съ утеса на утесъ.—Несу тебѣ твое спасеніе, узникъ!

Знакомая пещера была уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ мальчика, когда точно изъ-подъ земли выросли передъ нимъ осетины.

— Покажи намъ, гдѣ схоронилъ ты золото, мальчишка, или мы убьемъ тебя!—закричали они, выхватывая свои кинжалы и размахивая ими надъ головою маленькаго пастушка.

Лукавые осетины пошли по его стопамъ...

Бессо упалъ на колѣни, съ мольбою сложилъ руки и просилъ, полный отчаянія и тоски:

— Пустите меня! О, пустите меня, умоляю!—дрожащими звуками рвалось изъ его груди.—Я дамъ вамъ золото, много золота, только позвольте мнѣ самому сходить за нимъ, и я принесу его вамъ, клянусь роднымъ ауломъ!

Но они засмѣялись надъ нимъ. Злые и лукавые сами, они и его заподозрили въ лукавствѣ. Потомъ, приставивъ ему свои кинжалы къ сердцу, послали его впередъ, сами же пошли за нимъ, не отставая.

Бессо плелся чуть живой, безъ мыслей, безъ думъ, съ отчаяніемъ въ юномъ сердцѣ. Черныя тучи повисли надъ нимъ, острыя молніи жгли его душу... Дурное предчувствіе лишало его воли и чувствъ.

Вотъ и пещера... Легкій стонъ несется оттуда... Блѣдный юноша ждетъ тамъ его, Бессо... Ждетъ, считая секунды...

Вотъ Бессо уже у самаго входа въ пещеру. Еще минута—и онъ увидитъ скованнаго юношу, освободитъ, спасетъ его...

Вдругъ страшный ударъ подземный... Адскій гулъ... Отъ гула этого сотряслись горы, низверглась скала съ пещерой внизъ, въ пропасть, прямо въ страшныя объятія духа горъ...

Дикое эхо простонало въ ущельяхъ...

Бессо громко вскрикнулъ и безъ чувствъ упалъ на землю...

Съ той ночи бродитъ по горамъ Бессо-пастухъ безъ стада, бродитъ, чуждаясь людей... Ничего не видя, ничего не слыша, бродитъ онъ съ дикимъ блуждающимъ взоромъ въ ущельяхъ горъ... Лишился разсудка Бессо по винѣ жадныхъ, завистливыхъ людей, которые помѣшали ему спасти несчастнаго юношу...

□ □ □

Замолкла старая Барбалэ... Притихла княжна-джаночка, устремивъ задумчивые глазки въ небо... Притихла и горная серна, татарка Бэла.

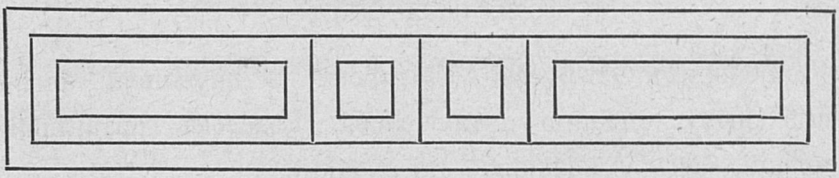
Тишина... Азалiи и розы улыбаются лунному свѣту... Соловей стихъ давно... Видно, и онъ заслушался сказки... Княжна Нина дрожитъ... Блѣдное ея личико прекрасно своими бархатными глазами... Алмазы потухли въ ихъ глубинѣ. Прижалась къ теткѣ-подружкѣ, глядитъ въ ея газельи глаза тоскливо и шепчетъ:

— Бѣдный Бессо! Бѣдный маленькiй Бессо, какъ ужасно, что мы не можемъ тебѣ помочь. Правда, Бэла?

□ □ □

Въ эту ночь легли поздно въ Джаваховскомъ домѣ...

□ □ □



Второе сказаніе старой Барбалэ.

—СѢДЛАЙ мнѣ Шалаго, Абрекъ, сѣдлай! Хочу проводить до горъ красоточку Бэлу! — крикнула Нина, топнувъ ножкой.

Глаза загорѣлись огонькомъ, нетерпѣливымъ огонькомъ, знакомымъ каждому, кто живетъ въ Джаваховскомъ домѣ.

Вышла на кровлю Бэла, дочь Хаджи-Магомета, закрылась смуглыми ручками отъ солнца.

Солнце печетъ. Глядитъ на молоденькую племянницу татарочка-тетка. Смѣются ея газельи глазки. Кричитъ съ плоской кровли Джаваховскаго гнѣзда, выстроеннаго по образцу саклей лезгинскихъ ауловъ:

— Нина-джанъ! Оставайся дома съ Аллахомъ, солнце души моей! Сиди дома! Доѣду до горъ одна. Встрѣтятъ меня нукеры *) отца у духана **). Ждутъ меня тамъ.

---

*) Нукеръ—слуга.

**) Духанъ—заѣзжій дворъ, кабачокъ.

Говоритъ по-русски, татарски и грузински вмѣстѣ сразу, смѣшно путая слова. Голосокъ гортанный, низкій, какъ у мальчика, но звонкій.

— Сиди дома, Нина-джанъ! Сиди дома!

— Ага, ты надо мной смѣяться!—заливчато крикнула княжна, бросилась къ дому, однимъ духомъ взлетѣла по шаткимъ ступенямъ на кровлю, обхватила молоденькую тетку сильными, какъ у джигита-мальчугана, руками, повалила на тахту. Цѣлуетъ, обнимаетъ, хохочетъ.

— Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Вотъ тебѣ! Не дразни, не дразни Нину, дагестанская дикая коза!

Потомъ снова вышла и снова громко, громко крикнула:

— Сѣдлать мнѣ Шалаго, Абрекъ! И чтобы сейчасъ!

Абреку нынче такое приказаніе не по вкусу. Солнце печетъ, день жаркій. Изволь-ка въ духоту такую сопровождать въ горы княжну. А пустить одну нельзя. Попадетъ отъ батоно-князя... Или попробовать? Неужто не сохранитъ Аллахъ?

Абрекъ—джигитъ, татаринъ, изъ дагестанскихъ дикихъ ауловъ, отчаянный сорви-голова и смѣльчакъ, Аллаха одного боится и никого больше.

— «Такъ пускай же палитъ солнце, не поѣду я ни за что».

— Госпожа,—кричитъ Абрекъ,—Шалый осѣданъ. Далеко не заѣзжай. Батоно-князь не позволилъ. Поверни

отъ конца предмѣстья. А сейчасъ, айда съ именемъ Аллаха!

— Айда!—звонко откликнулась княжна Нина, и черезъ три минуты отъ воротъ Горійской усадьбы скакали двѣ юныя всадницы, въ узкихъ бешметахъ, въ широкихъ шальварахъ *), съ кинжаликами, точь въ точь какъ игрушечные, заткнутыми за поясъ, въ низенькихъ шапочкахъ мингрельскаго образца.

Солнце печетъ, точно томитъ до полусмерти. До духана недалеко. Тихо шепчутъ воды Куры. Камешки то и дѣло скатываются въ воду изъ-подъ ногъ лошадей.

Шалый — высокій, статный, какъ воронъ черный, красавецъ-конь княжны Нины—пламя и вихрь. Подъ Бэлой—гнѣдая кабардинка-горянка, которая не уступитъ ему въ прыти: черезъ кручи понесетъ, перемахнетъ черезъ бездны. Не лошадь—алмазъ драгоцѣнный!

Въ полчаса обѣ всадницы доскакали подъ палящимъ солнцемъ до духана.

Въ духанѣ ждали Бэлу слуги Хаджи-Магомета, трое сутокъ тому назадъ выѣхавшіе изъ родного аула. Съ испытанными, вѣрными нукерами не боится пустить въ дальній путь Хаджа-Магометъ свою красавицу-дочь.

Спѣшились Нина и Бэла.

---

*) Шальвары—шаровары, нижняя одежда восточныхъ мужчинъ и женщинъ.

— Прощай, бирюза сердца моего!—обнимая племянницу, лепечетъ дѣвочка-тетка.

— Прощай, прекраснѣйшая изъ звѣздъ аула Бестуди!—находчиво отвѣчаетъ княжна.

— Прощай, чернокудрая гурія садовъ Магомета!

— Прощай, роза Аварскихъ ущелій, свѣтъ и день очей моихъ! Поѣзжай съ Богомъ! Поклонъ дѣдушкѣ Магомету!

— Оставайся съ Аллахомъ, благоухающая азалія Горійскихъ долинъ! Брату Георгію неси привѣтъ отъ Бэлы!

— Папа въ лагерѣ. Когда вернется, крѣпко поцѣлую за себя и тебя. Прощай, райская пташка Бэла!

— Ниночка-джанымъ, прощай!

И разстались.

Бэла въ сопровожденіи нукеровъ углубилась въ горы. Княжна Нина дала шпоры коню и, съ обычнымъ своимъ «айда», полетѣла обратно.

Но не милъ дѣвочкѣ знакомый путь. Захотѣлось иного, что повыше и покруче, гдѣ холмы убѣгаютъ въ горы, гдѣ утесы горделиво тянутся въ высь.

— Айда, Шалый! Айда! Айда!

Помчался въ горы конь съ нетерпѣливой всадницей.

Въ ущельяхъ бѣжитъ, извилистая какъ змѣйка, тропа. Говорятъ, идетъ она вглубь страны до самаго неба...

Поскакать развѣ по ней?..

Но что скажутъ дома?..

Отецъ въ лагеряхъ, Михако и Барбалэ, старые воспитатели-няньки, поднимутъ суматоху. Попадетъ Абреку—зачѣмъ пустилъ Нину одну.

Но все это послѣ, послѣ. А пока... пока синь небесъ, заповѣдная горная тропа и быстрый, какъ вихрь, бѣгъ Шалаго.

Скоро залучилась прихотливыми зигзагами тропинка. Вправо, влѣво, вправо, влѣво... Глуше стали утесы...

Тѣснѣе сдвинулись скалы. Все дальше и дальше слышится рокотъ Куры...

Быстрѣе помчалась Нина.

— Айда! Айда!

Сейчасъ поворотъ. Знакомый старый утесъ съ чинарой.

Но гдѣ же они? Гдѣ утесъ? Гдѣ чинара? Совсѣмъ незнакомыя мѣста... Повернуть развѣ обратно? Глядь—тамъ бездна. Направо кусты орѣшника и опять бездна.

— Гдѣ я?—кричитъ княжна звонко.

— Гдѣ я?—отвѣчаетъ эхо.

Вдругъ изъ-за утеса вытягивается папаха... Ползетъ кто-то въ черной буркѣ, съ горящими глазами, съ звѣрскимъ лицомъ. Одѣтъ какъ нищій. Во взорѣ лукавство, алчность. Впился имъ прямо въ усыпанную дорогими каменьями рукоятку кинжалика Нины.

ГОС. Публичная

— Стой!—крикнулъ по-лезгински. — Стой, отдавай коня и платье, или смерть!

А самъ выхватываетъ арканъ и изъ-за пояса кривой кинжалъ.

Сердце сжалось въ груди Нины.

Не за себя... Нѣтъ...

— Если умру, что будетъ съ отцомъ?—вотъ мысль, пронзившая жаломъ чернокудрую головку. И, не медля ни секунды, Нина привстала въ стременахъ.

— Айда! Айда, Шалый!

Взвился конь, прыгнулъ, метнулся черезъ бездну. Прыжокъ, скачокъ—поминай, какъ звали. Грянулъ выстрѣлъ позади. Промахнулся горецъ.

— Домой! Домой скорѣе! Выноси, Шалый!

Бѣгъ бѣшеный. Скачка удалая. Сама царица амазонокъ такъ не мчалась никогда, никогда.

Черезъ полчаса Нина дома. У воротъ собрались съ блѣдными лицами Барбалэ, Абрекъ, Михако.

— Княжна-ласточка, вернулась, храни тебя Богъ!

Слезы, стоны старой Барбалэ, причитанія...

— Вай! Вай *)!..— шепчетъ старушка, — что было бы, если...

Княжну снимаютъ съ сѣдла, ведутъ домой, сажаютъ въ кунацкой на тахту, кормятъ шербетомъ, засахаренными пряниками, миндалемъ, кишмишемъ.

*) Вай, вай—чисто грузинскій возгласъ горя, испуга.

— Звѣздочка неба Горійскаго, вернулась княжна!..

— И чего боялись?—хохочетъ Нина.—Что я, дѣвчонка, что-ли?.. Джигитъ я. Дочь матери-джигитки, отца-джигита. Что сдѣлается мнѣ, мальчишкѣ?

Въ глазахъ Абрека и Михако молніи восторга, въ заплаканныхъ взорахъ Барбалэ умиленіе и любовь, но когда Нина стала разсказывать о встрѣчѣ съ лезгиномъ въ горахъ, съ Барбалэ чуть не сдѣлались судороги отъ ужаса.

— Храни тебя Богъ Грузіи и всего міра! Святая Тамара и Нина спаси тебя!—въ слезахъ лепечетъ старуха.—То не горецъ былъ... Нѣтъ, нѣтъ! Не станетъ горецъ трогать ребенка. То былъ самъ старый Гудъ въ образѣ человѣка.

— Старый Гудъ! — такъ и вскинулась на тахтѣ Нина.—Старый Гудъ?.. Разскажи мнѣ о старомъ Гудѣ, добрая Барбалэ!

— Не хорошая это сказка, джанъ, дурная. Осетины сложили ее въ злой часъ. Не люблю осетинъ,—замотала головой старуха.

— А ты разскажи, душа души моей. И про Бессобезумца сложили осетины, а ты же сказывала.

— Не люблю осетинъ...

— Люби Нину свою, джанъ, Нину, нянечка Барбалэ, и любя, разскажи ей про Гуда, старушка моя!...

Сама ластится, птичкой порхаетъ, змѣйкой вьется, а

въ глазахъ, какъ звѣзды на темномъ ночномъ небѣ, ужъ загораются огоньки,—такіе, какъ и у князя Георгія Джаваха, когда онъ нетерпѣливъ и недоволенъ, такіе, какъ и у кроткой покойной матери Нины бывали въ минуты проявленія ея лезгинской воли.

Хорошѣетъ на диво въ такія минуты княжна. Звѣзды-очи горятъ и свѣтятъ. Блѣдное личико — мраморъ и красота. Улыбается—улыбка—подарокъ солнца.

Нельзя отказать княжнѣ... *Такой* Нинѣ-княжнѣ совсѣмъ отказать нельзя.

И опускается на тахту съ ворчаніемъ старая Барбалэ.

А Михако и Абрекъ пристраиваются по восточному, поджавъ ноги, у дверей, на коврѣ.

На колѣни Барбалэ склоняется чернокудрая головка, радость и солнце стараго Джаваховскаго гнѣзда.

И начинаетъ свою сказку старая Барбалэ.

□ □ □

Высоко надъ безднами, подъ самомъ небомъ, какъ гнѣзда ласточекъ, прилѣпились къ скаламъ сакли осетинскаго аула.

Бѣдный, жалкій, отрепанный, нищій, самимъ Богомъ забытый народъ,—эти осетины. Кто несчастнѣе всѣхъ племенъ кавказскихъ—осетины. Лѣнивы въ работѣ, неподвижны, вялы, какъ болотныя лиліи, сонны они. Женщины у нихъ работаютъ на мужчинъ цѣлыми днями,

съ утра до ночи, безъ передышки. И все же грязь кругомъ, бѣдность, нищета...

И въ высокомъ поднебесномъ аулѣ, что ютится въ утесахъ, что высится надъ безднами, грозя сорваться въ ихъ разверстую пасть съ первымъ обваломъ, также бѣдно, скудно и грязно.

А все же и въ нищемъ аулѣ есть своя радость. Есть солнышко въ поднебесномъ аулѣ, что свѣтитъ на всю Осетію, что даетъ блескъ и знатность далекому осетинскому аулу.

Въ аулѣ живетъ у отца съ матерью Нина. Такой красавицы не сыщется больше на землѣ. Обойди Терекъ, Куру, Арагву, поднимись до самаго Эльбруса, опустись въ низины Грузіи, Мингреліи и Гуріи,—не найдешь такой. Уздени лезгинскіе *) сказали про нее такъ:

— Звѣзда во лбу Аллаха—очи Нины; два клинка дамасскаго кинжала—взоры ея; алый сокъ лепестка дикой розы — пурпуровыя губки, заоблачныя вершины снѣжнаго Эльбруса—лицо ея, заря—поясъ Пророка—ея румяныя щечки; тучи грознаго неба—черныя кудри ея; улыбка—сіяніе неба, свѣтлаго восточнаго неба, благословеннаго самимъ Аллахомъ и Магометомъ, пророкомъ его.

Такъ отзывались гордые уздени о Нинѣ. Такъ отзывался каждый магометанинъ, видавшій ее, а грузины,

*) Уздени—высшее сословіе, знатные дворяне.

осетины, мингрельцы и армяне, все христіанское населеніе страны видѣло свѣтлаго дивнаго ангела въ лицѣ красавицы Нины.

Она же росла да подростала, хорошѣя съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ, радуясь беззаботно, какъ пташка, своей молодости, своему счастью, своей красотѣ.

Каждый день былъ праздникомъ для Нины. Съ утра убѣгала она въ горы, плела вѣнки изъ дикихъ азалій и распѣвала пѣсни, сладкія, какъ свирѣль волшебнаго пастушка.

Однажды услышалъ старый Гудъ эти пѣсни...

Кто не знаетъ стараго Гуда? Живетъ онъ въ хрустальномъ дворцѣ на самомъ Эльбрусѣ въ высочайшихъ вершинахъ кавказскихъ стремнинъ.

Дворецъ его—весь какъ солнце, весь какъ алмазъ исполинскій—такъ и искрится, такъ и горитъ милліардами искръ. Хрустальный замокъ издали видно, а чуть приблизишься къ нему — ослѣпнешь. Да и нельзя къ нему приблизиться смертному: черные духи горъ стерегутъ его. Самъ Эльбрусъ стоитъ на стражѣ подлѣ и бережетъ покой стараго Гуда.

И живетъ старый Гудъ, духъ горъ, повелитель безднъ, вершитель судебъ обваловъ и потоковъ, господинъ урагана и молній, въ своемъ заоблачномъ дворцѣ.

Весь онъ бѣлый-бѣлый, какъ снѣжная шапка Эльбруса. Съ сѣдою по поясъ бородою, съ пронзительнымъ

всевидящимъ взоромъ изъ-подъ сдвинутыхъ грозно бровей.

Старъ уже Гудъ, много тысячъ лѣтъ живетъ онъ на свѣтѣ, а взоръ его молодой и мечетъ молніи не хуже глазъ юнѣйшаго изъ джигитовъ Дагестана.

Когда доволенъ и радостенъ дѣдушка Гудъ, сіяетъ волшебное солнце, улыбается синее небо, расцвѣтаютъ розы въ ущельяхъ и звенятъ заливчатымъ звономъ потоки въ горахъ. А разгнѣвается старый—горе людямъ. Заскользятъ по небу змѣи-молніи, запрыгаютъ раскаты грома въ горахъ, отрываются куски скалъ отъ кручъ и съ дикимъ уханьемъ падаютъ въ бездну. Вспѣнятся быстрыя горныя рѣчонки, разольются бурно, загремятъ стремнины, заохаютъ бездны на тысячи разныхъ голосовъ во славу стараго Гуда... И мохнатыя руки черныхъ демоновъ горъ протягиваются изъ безднъ и ущелій, готовыя схватить и растерзать путника, попавшаго сюда въ этотъ страшный грозный часъ.

Вотъ какова мощь стараго Гуда и вотъ каковъ самъ старый Гудъ, увидѣвшій случайно осетинку Нину.

Былъ тогда ясный день, свѣтлый и роскошный, когда забравшись на крутой утесъ, собирала Нина цвѣты. Собирала и пѣла своимъ нѣжнымъ голосомъ красивую мелодичную пѣсенку. И надо было старому Гуду въ ту пору выглянуть изъ его хрустальнаго дворца.

Увидѣлъ красавицу, и замерло въ немъ сердце.

Неужто она это? Неужто та самая малютка Нина, что не разъ оберегалъ и лелѣялъ онъ въ горахъ?

Была она тогда крошкой, и баловалъ онъ ее тогда какъ старый дѣдъ. Разсыпалъ ей лучшіе цвѣты передъ глазами, перекидывалъ ей черезъ бездны летучіе мостки, заставлялъ вѣтеръ напѣвать ей чудесныя пѣсни и сказывать сказки, не слыханныя еще людьми. Тогда была она милымъ рѣзвымъ ребенкомъ, сейчасъ—красавица, перлъ творенія Великихъ рукъ.

И ударилась стрѣлою, вонзилась любовь въ сердце стараго Гуда... Захотѣлъ онъ во что бы то ни стало взять себѣ въ жены Нину, унести дѣвушку въ свой хрустальный дворецъ, дать горамъ и безднамъ молодую красавицу-царицу.

Прикинулся вѣтеркомъ старый Гудъ, сталъ шептать на уши юной осетинки:

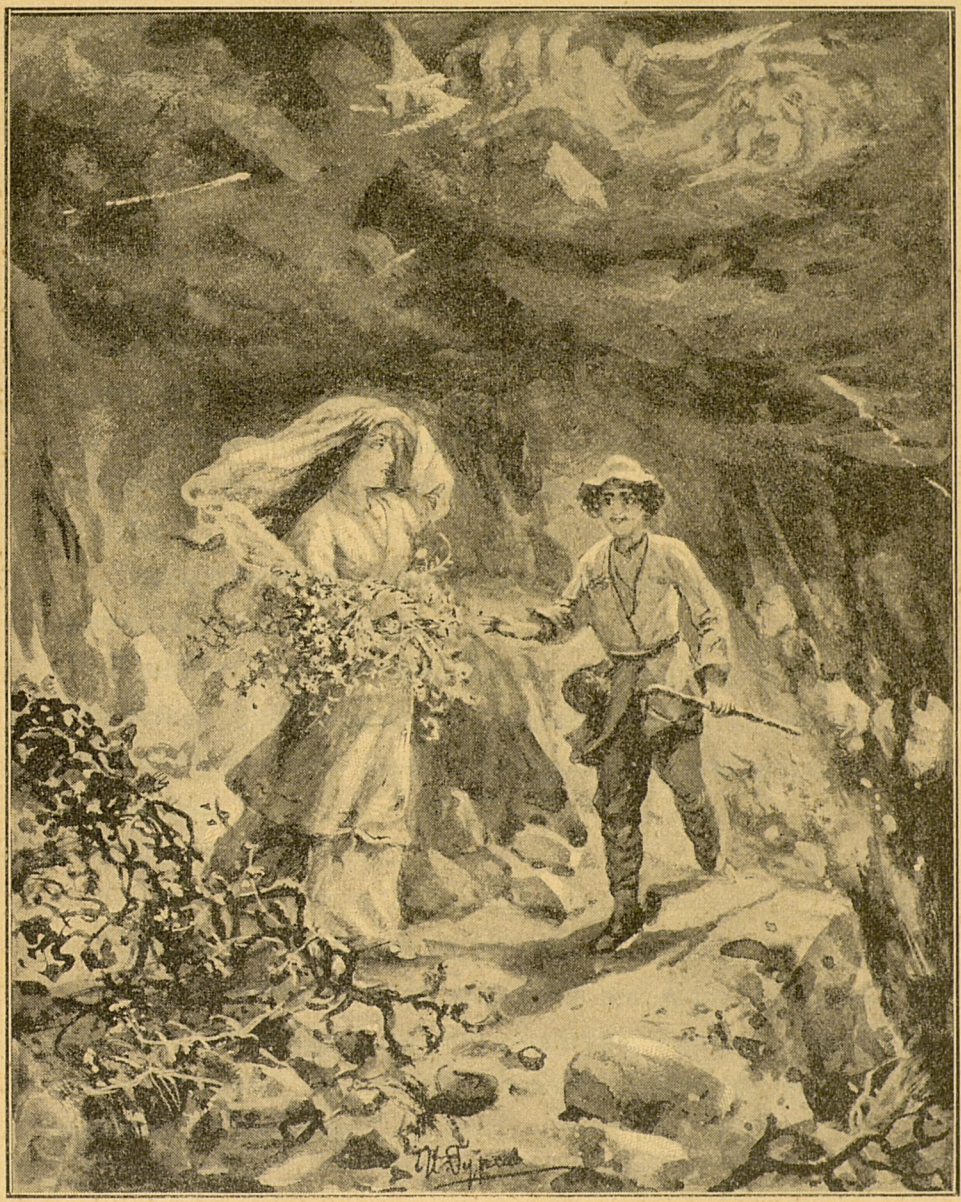
— Поднимись выше, красавица, увидишь роскошный дворецъ, войдешь въ него—хозяйкой будешь, счастливѣйшею и богатѣйшею изъ женщинъ земли.

Обернулся бѣлой азаліей, коснулся розовой щечки Нины, дышитъ ароматомъ и нѣжно говоритъ ей:

— Полюби Гуда, красавица, онъ могучій духъ и царь этихъ безднъ и горъ.

Пташкой-горленкой обернулся старый и птичьимъ голосомъ щебечетъ съ куста:

— Дамъ тебѣ счастіе, красавица, дамъ власть и бо-



Загремѣлъ въ небѣ громъ, засверкали молніи...

гатство, оставайся въ горахъ со мною, будь моею женою...

Но разсмѣялась только въ отвѣтъ Нина, козочкой прыгая съ уступа на уступъ.

— Семко,—крикнула она звонко, — звѣзда души моей, Семко, скорѣй ко мнѣ!

И предсталъ передъ Ниной красавецъ-юноша—пастухъ, смѣлый, отважный, съ пламеннымъ взоромъ, съ восторженной улыбкой на прекрасномъ лицѣ.

— Здѣсь я, Нина, радость очей моихъ, невѣста моя любимая!—отозвался онъ голосомъ, полнымъ нѣжности и любви.

Услышалъ этотъ голосъ, увидѣлъ юношу и свѣта не взвидѣлъ старый Гудъ...

Крикнулъ, ахнулъ онъ, застоналъ злобнымъ стономъ... Отозвались ему бездны и пропасти, скалы и потоки... Загремѣлъ въ небѣ громъ, засверкали молніи, разыгралась гроза...

Разгнѣвался Гудъ...

О, онъ этого такъ не пропуститъ!..

Прошло нѣсколько недѣль.

Въ поднебесномъ аулѣ готовятся къ свадьбѣ. Выходитъ красавица Нина за Семко-пастуха. Богатымъ узденямъ отказала, бекамъ *) отказала, бѣднаго юношу отличила ея любовь.

*) Бекъ—князь.

Въ аулѣ готовятся къ свадьбѣ, а старый Гудъ, какъ безумный, мечется въ горахъ. Гремятъ ежедневно громы, обвалы рушатся въ бездны, либо снѣжныя мятели тучею носятся среди стремнинъ.

Бѣснуется Гудъ и клянется страшной клятвой отнять невѣсту у Семко.

Наступилъ канунъ свадьбы. Цѣлый день кружила мятель въ горахъ. Съ утра стало мрачно въ саклѣ, какъ въ могилѣ. А Нинѣ хоть бы что. Прибираетъ горницы къ завтрашнему празднику въ ожиданіи отца съ матерью,—тѣ пошли приглашать сосѣдей на свадьбу,—поетъ какъ птичка, думаетъ про Семко...

И вдругъ, оглянувшись на дверь, вскрикнула радостно на всю саклю.

Стоитъ онъ самъ, любимый, въ дверяхъ, отряхиваетъ снѣгъ съ бурки, глядитъ, улыбаясь, на Нину.

— Здравствуй, жемчужина востока!

— Здравствуй, пламя и радость мыслей моихъ! Садись, гостемъ будешь.

А сама снимаетъ съ него бурку, стряхиваетъ съ него снѣгъ, сажаетъ на тахту, болтаетъ безъ умолку.

— Люблю тебя, Семко, люблю, счастіе дней моихъ, люблю, женихъ мой дорогой...

— Люблю тебя, Нина, алмазное солнце среди мерцающихъ звѣздныхъ огней,—отвѣчаетъ Семко и, взявъ за

руки невѣсту, говоритъ ей еще и еще, какъ сильна и могуча его любовь къ ней.

А старый Гудъ все слышитъ и все видитъ.

Старый Гудъ заходится отъ злобы, старый Гудъ кружитъ, мечется и вопитъ:

— Постойте, покажу я вамъ силу любви вашей, глупыя дѣти!

Сказалъ и, ухвативъ руками огромную снѣжную глыбу, низвергнулъ ее въ стремнину. Кусокъ глыбы оторвался и завалилъ дверь и окна сакли, гдѣ сидѣли будущіе супруги.

Сразу стало въ саклѣ темно, темно.

Испуганные вскочили молодые люди

— Мы заживо погребены обваломъ!—вскричала дѣвушка, дрожа всѣмъ тѣломъ.

— Успокойся, любимая. Придутъ люди и отроютъ насъ, — произнесъ Семко, согрѣвая въ своихъ рукахъ похолодѣвшія ручки невѣсты.—Не бойся ничего. Я съ тобой.

Эти слова придали мужество Нинѣ. Легче стало отъ нихъ у нея на душѣ. Тихо заворковала она снова о будущемъ, близкомъ счастьѣ, о завтрашнемъ праздникѣ—свадьбѣ. обо всемъ, обо всемъ...

А часы не шли, а бѣжали. Незамѣтно промчалось время... Никто не приходилъ на помощь, отрывать заживо погребенныхъ молодыхъ людей.

Голодъ, злѣйшій врагъ человѣчества, уже подступилъ къ Нинѣ и Семко. Нестерпимо захотѣлось ѣсть...

Уже не говорилось, какъ прежде. Лѣниво перекидывались словами. Не тянуло говорить.

Еще пробѣжали часы... Промчалось время... Миновали сутки,—можетъ быть больше, можетъ быть меньше,—не знали они... Голодъ язвилъ сильнѣе, рвалъ внутренности, валилъ отъ слабости съ ногъ.

Какъ дикій звѣрь метался по саклѣ Семко. На тахтѣ, обезсиленная, полумертвая отъ голода, стонала Нина.

Снова тянулись ужасные часы.

Ярко горѣли, какъ у голоднаго волка, безумнымъ огнемъ глаза Семко. Страшныя мысли проносились въ его головѣ.

— Если насъ не отроютъ тотчасъ же,—метались эти безумныя мысли,—я съѣмъ ее... Нину... Я не могу больше ждать...

Такъ думалъ несчастный.

На бѣду дѣвушка подняла руку. Въ эту минуту соскользнулъ рукавъ бешмета до самаго плеча. Мелькнуло бѣлое плечо въ темнотѣ сакли и обезумѣвшій отъ голода Семко, какъ дикій звѣрь, бросился къ Нинѣ и вцѣпился зубами въ ея плечо... Дѣвушка испустила вопль ужаса, отвращенія и лишилась чувствъ.

Въ тотъ же мигъ послышались голоса за дверями.

Это пришли горцы спасти погребенныхъ обваломъ. Несчастныхъ отрыли, привели въ чувство, накормили.

Но Нина уже не хотѣла смотрѣть на Семко, и на слѣдующій день не праздновалъ ихъ свадьбу поднебесный аулъ.

Зато старый Гудъ хохоталъ на весь міръ громко у себя въ горахъ, ликуя и бѣснуясь. Удалось старому Гуду разстроить свадьбу Нины!..

И еще говорятъ осетины, что удалось Гуду увлечь Нину въ свой хрустальный замокъ на Эльбрусѣ и сдѣлать ее царицей безднъ и горъ, своей женою.

Только врядъ-ли правдиво это. Вѣрнѣе—умерла Нина, и ищетъ ее всюду по свѣту старый свирѣпый Гудъ...

□ □ □

Замолкла Барбалэ...

Стало тихо въ горницѣ...

Михако закурилъ трубку. Замурлыкалъ горскую пѣсенку удалецъ Абрекъ.

Княжна Нина заглянула въ лицо старухи черными, горящими любопытствомъ, глазами.

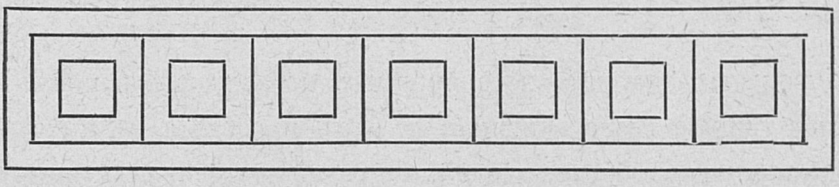
— Такъ ты думаешь, джанъ, что тотъ горецъ и былъ...

— Старый Гудъ!—подхватила Барбалэ увѣреннымъ тономъ.—Вишь, ищетъ свою Нину въ горахъ старый и въ каждой дѣвушкѣ видитъ ее... Прикинуться горцемъ,

лезгиномъ, или нашимъ грузиномъ,—ему ничего не стоитъ. Вѣдай это, моя ласточка!..

И опять замолчала... И опять наступила тишина...

И каждый думалъ о старомъ Гудѣ и о томъ, какъ хорошо удалось общей любимицѣ-княжнѣ избѣжать бѣды.



Третье сказаніе старой Барбалэ.

СЛОВНО ясное утро свѣженькая, проснулась молоденькая княжна.

— Пикникъ нынче. Лошадей готовьте. Скачемъ всѣ, скачемъ всѣ!

Кричитъ, торопитъ, смѣется. Смѣется, какъ ручеекъ булькаетъ внизу подъ горою и серебристый тополь шушукается въ рощѣ съ вѣтеркомъ.

— Собирайтесь всѣ. Всѣ собирайтесь. Пикникъ нынче... Барбалэ, готовь корзины съ провизіей, моя старая, милая, добрая Барбалэ!

Бэла, дочь Хаджи-Магомета, еще на той недѣлѣ пріѣхала изъ аула, и отъ зари до зари распѣвала веселыя пѣсни.

Князь Георгій наканунѣ изъ лагерей вернулся. Съ нимъ молоденькій хорунжій прискакалъ, его адъютантъ, и сестра адъютанта, Зиночка, бѣленькая, нѣжненькая, такъ мало похожая на восточныхъ розъ—Нину и Бэлу.

Кусочекъ сѣвернаго петербургскаго неба, казалось, упалъ въ блѣдные глаза Зиночки, да такъ и остался въ нихъ, прозрачно-голубовато-сѣрый, не улыбающійся, не туманный.

Издалека, съ холодныхъ береговъ Невы, прилетѣла въ Джаваховское гнѣздо Зиночка на побывку къ брату и не можетъ придти въ себя отъ восторга при видѣ сказки: панорамы величавыхъ горъ, гордой кавказской красоты, царственной природы и этого моря красокъ, цвѣтовъ и поэзіи вокругъ...

— Время выѣзжать!.. Въ путь пускаться время!.

Голосъ княжны звучитъ властно, повелительно.

Князь Георгій улыбается. Любуется красивой, какъ ливанская роза, цвѣтущей дочуркой.

— Ахъ, ты Нина - джигитъ, командиръ-сотникъ, постой ты у меня!..

И снова смѣхъ, шутки, серебро плавленое, звенящіе колокольчики и голосъ феи:

— Пора! пора!

Выѣхали гуськомъ изъ воротъ усадьбы. На гнѣдомъ кабардинцѣ, впереди всѣхъ, князь Георгій Джаваха. Подлѣ него, какъ ртуть живая, какъ вьюнъ гибкая, какъ огонекъ горячая, княжна Нина на своемъ Шаломъ. Улыбка на гордыхъ, пріоткрытыхъ теперь отъ счастья, губкахъ, черныя сверкающія звѣзды въ глазахъ.

Три всадника за ними: хорунжій Гордовинъ, съ нимъ Зиночка, сестра его, и Бэла. Дальше Абрекъ, конюхъ князя. Еще дальше—арба съ провизіей, самоваромъ, утварью, необходимою для пикника. Правитъ Михако. На ящикѣ съ посудой сидитъ старая Барбалэ, заслонивъ рукой слезящіеся отъ солнца глаза.

О, это солнце!

Оно—плавленое золото, оно—груда червонцевъ, оно—золотое руно. Какъ красиво заливаетъ оно и Куру безпутную, старую ворчунью, и прибрежные утесы, и змѣистую тропинку, убѣгающую вдаль...

И цвѣты въ низинахъ кажутся при немъ золотыми, и воды Куры, и весь пурпурно-розово-янтарный въ его сверкающемъ сіяніи Гори...

Дальше, дальше углубляются путники въ горы... Теперь ѣдутъ гуськомъ... Играетъ подъ княжной Ниной красавецъ Шалый, тихонько ржетъ, закусываетъ удила...

Играетъ и сердце княжны... Любо ей, весело..

Милая родина!.. Милыя горы!..

Дитя она вольныхъ ущелій, кавказскихъ глыбъ и громадъ...

— Папа, папа мой,—лепечетъ она гортаннымъ голосомъ, вся алѣя какъ вешняя роза,—нѣтъ на свѣтѣ лучше нашей восточной страны!..

Улыбается князь Георгій. Крутитъ рукою усъ. О,

онъ лучше другихъ понимаетъ свою дѣвочку, свою Ниночку-джанъ, эту очаровательную дикарку.

Въ ней говоритъ кровь ея матери-джигитки, кровь гордыхъ лезгинъ, свободныхъ дѣтей Дагестана, вольной гордой страны...

Все выше, выше поднимается караванъ.

Рѣже, разбросаннѣе становятся разговоры. Сильнѣе поскрипываетъ арба.

Солнце выплыло изъ-за высоченнаго утеса, глядитъ прямо въ глаза, жжетъ...

— Полдень скоро... Черезъ часъ будемъ на мѣстѣ...

Молоденькій хорунжій притомился какъ будто, пересталъ пересыпать рѣчь свою шутками, пересталъ смѣшить сестру и Бэлу.

Послѣдняя попрежнему остается бодрой. Ей-ли, дикой горной козѣ, привыкшей недѣлями проводить дни и ночи въ сѣдлѣ, уставать отъ трехчасоваго перехода!

И Нина попрежнему свѣжа, какъ персикъ. Глядятъ бодро яркія звѣздочки-очи, улыбаются румяныя милыя уста.

— Стопъ! Мы у мѣста...

Князь Георгій первый соскакиваетъ съ коня и бросаетъ поводья Абреку. Потомъ снимаетъ съ сѣдла Нину.

— Что, джаночка, это ли не мѣстечко?!.

— Отецъ, какая прелесть! Красиво, какъ въ сказкѣ. Мы не были еще здѣсь съ тобой?

— Нѣтъ, мой алмазъ, мой цвѣтокъ душистый, не были. Нравится здѣсь тебѣ? — ласково бросаетъ князь Георгій.

Зачарованными глазами смотритъ княжна Нина.

Трепещетъ маленькое сердце, умѣющее такъ сильно чувствовать и переживать.

Какая красота!

Нависли тѣснинами, образуя ущелье, высокіе утесы-великаны, куполомъ сошлись сверху, солнца не видно, застлали солнце.

Прохлада и полумракъ...

Сверкающей лентой вьется ручей, сбѣгая каскадомъ по камнямъ на лужайку. А здѣсь, внизу, цѣлый снопъ свѣта, блеска, ослѣпительнаго сіянія дня и лучей.

Какъ въ рамѣ, въ отверстіи скалъ виднѣется лужайка. Коверъ всевозможныхъ цвѣтовъ покрываетъ ее. Здѣсь и дикіе левкои, и розы, и азаліи, и нѣжный пахучій и пряный жасминъ.

Какая красота!

Здѣсь наверху — молчаніе и величіе покоя; тамъ, внизу, — пиръ жизни и юности, цвѣтущей какъ садъ, душистый пиръ цвѣтовъ и солнца...

Замерла княжна, трогательно сложивъ маленькія загорѣлыя ручки.

Замерла Зиночка, ничего подобнаго не видѣвшая въ холодномъ Петербургѣ.

Замерла дикарка Бэла. Только ноздри ея вздрагиваютъ, да черные глаза поблескиваютъ, какъ клинки дамасскаго кинжала.

А солнце все ниже, ниже...

Барбалэ съ Михако разгрузили арбу.

Абрекъ спустился въ рощу, набралъ сухихъ вѣтокъ орѣшника, сложилъ костеръ на утесѣ... Поднялся дымъ побѣдной струйкой и взвился въ высоту ..

Разложили скатерть на скалѣ, поверхъ ковровъ, положили вокругъ сѣдла. Дѣвочки усѣлись на нихъ. Князь и хорунжій усѣлись просто на ковры. Рядомъ, на другомъ уступѣ,—слуги, Михако и Абрекъ.

Старая Барбалэ поставила закуски и пріютилась тутъ же у ногъ своей джанымъ-княжны.

Началась пирушка.

Какъ вкусны на свѣжемъ воздухѣ паштеты изъ молодого барашка, свѣжія домашнія колбасы, холодные цыплятки, персиковые и дынные пирожки!

Мастерица ихъ дѣлать старая Барбалэ!

А вкусное грузинское родное вино изъ собственнаго виноградника, развѣ это не прелесть!

Къ концу пира совсѣмъ низко спустилось солнце. Оно встало какъ разъ надъ противоположнымъ утесомъ, проскользнуло вьюномъ, змѣйкой огнистой въ расщелинѣ между скалъ и утонуло гдѣ-то въ темномъ провалѣ.

— Папа! Что это?

Тоненькій смуглый пальчикъ княжны указываетъ направо.

Въ сторонѣ—утесъ, старый, престарый. У подножія его нора, почти что въ ростъ человѣка, продолговатое отверстіе—входъ въ подземелье.

— Увидѣла таки!—разсмѣялся князь Джаваха.—Я думалъ, ты не замѣтишь, солнце мое!

— Что это, папа?

Князь молчитъ. Губы его таинственно сжаты. Въ черныхъ быстрыхъ глазахъ видна легкая усмѣшка.

Пытливо устремляются глаза эти на княжну. Полнымъ необъяснимаго значенія становится взглядъ князя. И голосъ его полонъ такого же значенія, когда онъ говоритъ:

— Нина-джанъ, любопытная козочка, это пещера. Въ пещерѣ—тайна. Въ тайнѣ—глубокій и прекрасный смыслъ... Никто не проникнетъ въ пещеру. Люди боятся тайны... страшнымъ кажется имъ издалека ея мракъ... Боятся люди... Немного есть храбрыхъ на землѣ...

— Тамъ притаилось что-нибудь жуткое, князь?—невольно блѣднѣя, освѣдомляется Зиночка, испуганно вскидывая глаза.

Широко раскрывается въ пугливомъ недоумѣніи и искрометный взглядъ Бэлы.

И только звѣзды-очи хорошенькой княжны съ огневымъ вопросомъ впиваются въ черное отверстіе пещеры.

— Ты говоришь—тамъ тайна, отецъ?

— Да, моя Нина.

— Страшная, жуткая, пугающая трусовъ?

— И можетъ быть даже храбрецовъ.

— Но ты былъ тамъ, разъ ты это знаешь?

— Былъ, моя дѣвочка, сердце мое!

— А разъ ты былъ, можетъ ли устоять твоя Нина?

Послѣднія слова летятъ на-бѣгу.

Княжна уже мчится туда, прямо къ пещерѣ.

Солнце давно упало въ бездну, но отблескъ его еще дрожитъ у входа въ таинственный, жуткій гротъ.

— Боже мой! Она тамъ! Она уже тамъ! Да удержите же ее! Удержите!—кричитъ Зиночка, поблѣднѣвъ, и вся дрожитъ, готовая упасть въ обморокъ со страха за участь Нины.

Бэла насторожѣ, застывшая, вытянувшаяся, какъ струнка.

— Храни Аллахъ ее, Нину! Храни Аллахъ! О, безумная дѣвочка! Къ чему служитъ эта глупая храбрость? Братъ Георгій тоже хорошъ! Совсѣмъ не жалѣетъ дочку...—И Бэла переводитъ на князя негодующіе глаза.

Послѣдній спокоенъ. Спокойно его лицо. Спокойны глаза. Въ углахъ рта змѣится довольная горделивая усмѣшка.

Вотъ раскрываются губы его и произносятъ безъ малѣйшаго волненія:

— Ты можешь гордиться, старая Барбалэ, что выняньчила такую удалую, такую смѣлую джигитку!

Въ старыхъ, но далеко еще не потухшихъ глазахъ Барбалэ замѣтенъ яркій блескъ. За храбрость своей княжны она поручится передъ кѣмъ угодно, старая Барбалэ. И какъ благодарна она батоно-князю за то, что онъ сумѣлъ отличить своего орленка-дочку передъ заѣзжими гостями.

А Нина уже въ пещерѣ. Послѣдніе лучи солнца, проникшіе сюда, чуть освѣщаютъ ее.

Въ пещерѣ полутьма. Тайной вѣетъ отъ стѣнъ ея, утонувшихъ во мракѣ. Жутко и холодно въ сердцѣ утеса, но Нина смѣло углубляется въ гротъ.

Ея сердечко бьется не отъ страха... Жгучее любопытство загорается въ немъ...

И вотъ, крикъ скорѣе неожиданности, нежели испуга, готовъ сорваться съ полуоткрытыхъ губокъ княжны.

Что это?..

Бѣлая высокая фигура стоитъ передъ нею...

Очертанія человѣка, вытянувшагося во весь ростъ, съ простертою ей навстрѣчу рукою.

Минуту медлитъ княжна.

Потомъ смѣло протягиваетъ свою маленькую ручку,

— Здравствуй! Привѣтъ тебѣ! Здравствуй!

Протянутая ручка жметъ что-то холодное, неподвижное какъ камень.

Княжна невольно отдергиваетъ руку.

— Кто ты?—срывается съ ея губъ.

— Я каменный джигитъ,—отвѣчаетъ съ порога знакомый милый голосъ.

Она живо оборачивается.

— Отецъ!

— Да, моя Нина!

— Зачѣмъ ты пришелъ сюда? Ты не надѣялся на мою храбрость?

— Моя смѣлая, милая малютка, я вѣрилъ въ нее. Я пришелъ полюбоваться моимъ юнымъ джигитомъ Ниной и каменнымъ хозяиномъ скалы.

— Такъ онъ изъ камня, отецъ?

— Да, моя крошка. Цѣлая легенда сложилась про каменнаго джигита. Старая Барбалэ, какъ молитву, заучила ее наизусть. Пускай она разскажетъ ее намъ нынче.

— О, да! Да!

Княжна птичкой выпорхнула изъ пещеры. За нею выходитъ князь.

Бурныя рукоплесканія встрѣчаютъ Нину.

Зиночка, Бэла, хорунжій и слуги вслухъ восторгаются ею.

— О, какъ вы смѣлы! Настоящая героиня!—лепечетъ Зиночка.

— Въ родѣ Джаваха еще не было трусовъ... Всѣ мы такіе, — гордо срывается съ очаровательныхъ губокъ.

Бэла виситъ на шеѣ Нины.

— У, у! ястребенокъ горный. Лѣзетъ въ опасность, къ горнымъ демонамъ, сама не знаетъ для чего.

И лицо у нея притворно-сердитое, а глаза такъ и сверкаютъ.

— Ха, ха, ха! — заливается Нина,—нашла чѣмъ испугать!

Абрекъ беретъ горящую головню изъ костра и несетъ ее въ пещеру. За нимъ въ молчаніи спѣшатъ остальные.

Вотъ онъ каменный джигитъ! Вотъ!

Посреди грота высится фигура изъ камня со всѣми очертаніями человѣка. Запрокинута каменная голова назадъ, простерты каменныя руки. Одна кверху, къ небу, другая вытянута впередъ, какъ бы защищаясь, какъ бы угрожая.

Жуткой тайной вѣетъ отъ этого окаменѣвшаго фантома.

— Простой камень, а какъ страшно, какъ страшно!— лепечетъ Зиночка и пугливо жмется къ брату.

Здѣсь, у входа, молодежь обступаетъ Барбалэ.

— Разскажите намъ, милая, старое преданіе о каменномъ джигитѣ.

Барбалэ молчитъ съ минуту, почти съ благоговѣніемъ глядитъ въ пещеру и, мотнувъ головою, тихо бредетъ къ ковру.

Здѣсь дѣвочки устраиваютъ ей возвышеніе изъ сѣделъ, въ видѣ трона, покрываютъ его пушистымъ ковромъ, сажаютъ на него старуху.

— Будь какъ царица нынче, Барбалэ, будь какъ царица! О старомъ, престаромъ времени ты станешь намъ разсказывать, милая, а въ прежнее старое время пѣвцы и разсказчики пользовались такою же славой, какъ и цари. Тебѣ царская слава!

Княжна Нина козочкой спрыгнула съ уступа, нарвала вѣтокъ дикаго винограда на склонѣ горы и, связавъ ихъ тесьмой, оторванной отъ бешмета, сдѣлала родъ вѣнка, который и возложила на сѣдую голову старой грузинки.

— Ну, Барбалэ, начинай, мое солнце! Мы всѣ слушаемъ тебя.

И Барбалэ, подумавъ минуту, начала разсказывать.

□ □ □

Давно-давно это было...

Еще православное ученіе не распространилось по Грузіи и мало кто изъ нашего народа постигъ вѣру Иссы, вѣру христіанъ. Еще святая, равноапостольная Нина, просвѣтительница Грузіи, не родилась на свѣтъ

Божій, а старый князь Гудалъ уже гремѣлъ на всю Грузію.

Мрачный замокъ его стоялъ надъ бездной. Высилось, подобно орлиному, его неприступное гнѣздо въ горахъ.

И ночью, и днемъ обходилъ далеко гнѣздо это одинокій путникъ.

И не только запоздалый всадникъ, а цѣлые караваны избѣгали страшнаго мѣста, гдѣ жилъ въ своемъ замкѣ Гудалъ.

Жестокимъ, свирѣпымъ уродился князь. Видъ крови пьянилъ его, чужія страданія и муки услаждали его мохнатое сердце, а стоны и вопли лучше всякой райской музыки тѣшили его слухъ.

Онъ пуще всего въ жизни любилъ засѣсть со своими абреками гдѣ-нибудь за утесомъ, выжидать приближенія каравана и внезапно напасть на несчастныхъ безоружныхъ людей.

Ни мольбы, ни вопли о пощадѣ не умилостивили ни разу свирѣпаго сердца Гудала. Крошила его окровавленная шашка тѣла и головы ни въ чемъ неповинныхъ жертвъ.

Покончивъ съ людьми, жестокій князь забиралъ себѣ въ казну ихъ богатства. И разживался не по днямъ, а по часамъ на разгромленныя сокровища страшный джигитъ.

Въ народѣ говорили, что такія злодѣянія не могутъ

совершаться человѣкомъ, и всѣ окрестные жители были увѣрены, что подъ роскошной княжеской одеждой и княжеской тіарой прячется самъ злой духъ.

Въ нагорной усадьбѣ князя, куда трудно, почти невозможно, проникнуть, благодаря дремучимъ лѣсамъ и крутымъ утесамъ, жила съ нимъ красавица Тамара, его дочь.

Подлинно вѣрно говоритъ пословица въ народѣ: яблоко отъ яблони не откатится далеко. Такъ и княжна Тамара по характеру своему ничѣмъ не отличалась отъ отца, хотя разница и была во внѣшности обоихъ.

Суровостью, жестокостью и злобою вѣяло отъ лица стараго князя. Но какъ Божій день хороша была княжна. Темная, злобная душа пряталась подъ ангельскимъ обликомъ такой очаровательной красавицы, какой не сыщешь ни въ Грузіи, ни въ Дагестанѣ.

Многіе знатные беки добивались руки и сердца княжны, многіе жаждали черезъ дочь найти милость у могущественнаго князя.

Все напрасно. Словно студеный родникъ въ горахъ, словно снѣговая вершина Эльборуса, холодна и недоступна была Тамара на всѣ исканія жениховъ.

Къ кровавымъ затѣямъ и зрѣлищамъ только и было чувствительно сердце гордой княжны.

Любила она травить джайрановъ въ ущельяхъ, любила издали любоваться набѣгами отца, любила смотрѣть

съ высокой башни замка, какъ гуляетъ его окровавленная шашка по головамъ несчастныхъ путниковъ, обреченныхъ на гибель...

Когда приводили плѣнныхъ на дворъ усадьбы со связанными руками, закованныхъ въ кандалы, любила княжна Тамара издѣваться всячески надъ ними. Стегала ихъ длинной нагайкой по блѣднымъ лицамъ, хохоча до упаду надъ ихъ безсильнымъ гнѣвомъ, обидой и страданіемъ.

Еще больше любила присутствовать при ихъ казни.

Однажды вернулся изъ похода съ богатой добычей князь Гудалъ. Привезъ онъ много цѣнной парчи, дорогого оружія, драгоцѣнныхъ камней и огромные лари съ золотомъ и серебромъ.

Говорили слуги, что удалось князю напасть на богатую усадьбу сосѣдняго бея и совершенно разграбить ее.

Но лучшей добычей являлось не золото, не камни, не парча и не оружіе.

Лучшей добычей, самой драгоцѣнной, былъ молодой бей Гремія, статный красавецъ съ черными очами—молодой сраженный орелъ.

Увидѣла его Тамара изъ окна своей свѣтлицы, и растаяло мигомъ ледяное сердце княжны.

Такихъ очей глубокихъ и мглистыхъ, такого прекраснаго и гордаго рта, такихъ кудрей, нѣжнѣе льна и шелка, не встрѣчала еще въ своей юной жизни Тамара.

Взглянула еще разъ пристальнѣе въ лицо скованнаго цѣпями плѣнника и зацвѣли пышныя алыя розы у нея на душѣ... Расцвѣлъ роскошный пурпурный цвѣтокъ въ сердцѣ Тамары—цвѣтокъ любви, горячей какъ огонь.

Внѣ себя кинулась она съ вышки на дворъ замка. Подоспѣла какъ разъ въ ту минуту, когда палачъ заносилъ мечъ надъ головой Гремін.

— Остановись! — не своимъ голосомъ крикнула княжна,—остановись!.. Отецъ! Тебя прошу я!.. подари мнѣ плѣнника! Онъ будетъ моимъ оруженосцемъ. Такъ хочетъ твоя дочь!

Для стараго Гудала каждый капризъ княжны являлся закономъ, и онъ тутъ же поспѣшилъ выразить согласіе и даровалъ плѣннику жизнь.

Въ тотъ же вечеръ, гуляя по саду, Тамара увидѣла Гремію, печально бродившаго по двору подъ наблюденіемъ двухъ слугъ приставленной къ нему стражи.

Княжна сдѣлала знакъ сторожамъ оставить ее наединѣ съ молодымъ беемъ.

Тѣ молча повиновались.

— Видишь, Гремія,—по уходѣ ихъ въ смятеніи зашептала княжна,—я спасла тебя отъ смерти и спасу отъ неволи... Верну тебѣ свободу, которой лишилъ тебя отецъ... Хочешь снова очутиться на свободѣ, плѣнный соколъ?

Но Гремія печально покачалъ головою.

— Остановись!—не своимъ голосомъ крикнула княжна...

— Къ чему мнѣ теперь свобода, княжна Тамара? Мой отецъ убитъ твоимъ отцомъ... Богатыя помѣстья мои разграблены... Моя старая мать умерла на глазахъ моихъ отъ горя, а невѣста моя, сердце сердца моего, Гайянэ, пропала безъ вѣсти въ нынѣшнюю ночь, роковую для насъ обоихъ...

— Невѣста!—вся вспыхнувъ, вскрикнула Тамара,—такъ у тебя была уже невѣста на родинѣ, бей!

— Да, дѣвушка, я обрученъ былъ съ дѣтскихъ лѣтъ съ любимой моей Гайянэ. Гдѣ она, бѣдная горлинка, одинокая птичка, не вѣдаю нынѣ.

— Брось думать о какой-то жалкой дѣвчонкѣ, Гремія... Взгляни на меня, посмотри мнѣ въ очи... Ты видишь, огнемъ радости горятъ они... Я рада, что вижу тебя, Гремія... Я рада говорить съ тобою... Слушай, плѣнникъ! княжна Тамара, дочь могущественнаго Гудала, любитъ тебя.

И замерла въ волненіи красавица, произнеся роковое слово...

Молчалъ и Гремія, пораженный рѣчами княжны.

Луна успѣла выплыть изъ-за облака и освѣтить блѣдное лицо плѣнника и смятенныя черты красавицы, когда Гремія спросилъ тихо:

— Чего же ты хочешь отъ меня?

Подняла гордую голову Тамара.

— Ты знаешь, отецъ мой подарилъ тебѣ жизнь по

одному моему слову. Ему ничего не стоитъ подарить намъ и свое согласіе на бракъ. Ты едва-ли менѣе знатенъ меня родомъ... Ты славный бей, и замужество мое съ тобою не будетъ позоромъ. Завтра же я иду сказать отцу, что люблю тебя больше жизни и выбираю тебя въ супруги.

— Никогда!—вырвалось изъ груди молодого бея,— никогда не женюсь я на дочери убійцы моихъ близкихъ, на дочери моего злѣйшаго врага... Да, если бы я и не переносилъ моего несчастія и встрѣтилъ бы тебя на своемъ пути, дѣвушка, все равно, не забилось бы сердце мое при видѣ тебя... Одну Гайянэ любилъ я всю жизнь, одну ее и любить буду вѣчно, всегда!

— Молчи, безумецъ! Или кинжалъ княжны Тамары заставитъ тебя поневолѣ сдѣлать это! — вся закипая бѣшенствомъ, вскричала красавица.

Потомъ дрожащая, трепещущая гнѣвомъ, едва переводя дыханіе, заговорила опять:

— Берегись, джигитъ! Такой обиды до самой смерти не проститъ тебѣ Тамара! И оскорбленная княжна жестоко отомститъ тебѣ, Гремія!..

Сказала и, окинувъ взоромъ, полнымъ ненависти, юношу, исчезла какъ призракъ во мракѣ ночи...

Съ того самаго вечера не знаетъ покоя Тамара. День и ночь стоитъ передъ нею, какъ живой, краса-

вецъ Гремія съ его пламенными очами. И лютыя муки терзаютъ сердце княжны.

Цвѣтокъ любви рдѣетъ все пышнѣе и ярче въ ея душѣ. И ненависть, и любовь борятся въ сердцѣ Тамары.

Она въ тотъ же вечеръ роковой бесѣды упросила отца унизить, какъ можно больше, гордость молодого плѣнника.

Приказалъ Гудалъ, по желанію дочери, одѣть въ жалкія смрадныя рубища Гремію, кормить его съ собаками изъ одной чашки, самую унизительную работу— убирать мусоръ и грязь со двора и въ кухнѣ замка— заставилъ дѣлать его, знатнаго владѣтельнаго бея, недавняго хозяина роскошныхъ помѣстій.

Удовлетворилась такимъ мщеніемъ Тамара, но не надолго.

Увидѣла какъ-то Гремію на дворѣ, подметающаго мусоръ, вскинула на него глазами и получила въ отвѣтъ такой взглядъ, счастливый, сіяющій, какъ солнце, такой свѣтлый и прекрасный, какого не бываетъ у несчастныхъ людей.

„Есть какая-то радость у Гремін, есть утѣшеніе.. Иначе почему бы, подобно солнцу, сіяли его глаза“.

Такъ подумала Тамара и, закипая новымъ приливомъ ненависти, рѣшила во что бы то ни стало добиться истины, узнать все.

Въ ту ночь она не ложилась. Несмятой оставалась постель княжны. А сама княжна легкой тѣнью скользнула изъ башни, въ то время, какъ луна скрылась за высью горъ.

Старый садъ замка прилегалъ къ уступу скалы, высившейся за его оградой.

Вскарабкаться по отвѣсу скалы было невозможно, а другого выхода изъ разбойничьяго гнѣзда не было, кромѣ воротъ замка, которыя караулила стража.

Вотъ почему и оставляли безбоязненно Гремію на свободѣ ночью въ саду. Знали, что плѣннику все равно не уйти изъ неволи.

Его стройную фигуру, облаченную въ жалкія лохмотья, увидѣла Тамара у подножія скалы.

Онъ стоялъ съ запрокинутой головою, неподвижно застывшей, и не сводилъ взора съ вершины утеса.

Тамара взглянула туда и едва сумѣла удержать крикъ испуга и изумленія.

Луна снова выскользнула изъ-за верхушекъ горъ и освѣтила появившуюся на скалѣ фигуру.

То была бѣлокурая высокая, блѣдная дѣвушка, съ глазами кроткими, какъ небеса Грузіи, съ шелковыми золотыми косами до пятъ.

Она шептала:

— Ты видишь, Гремія, я снова съ тобою, солнце души моей. Я опять пришла сюда, алмазъ мой, на-

дѣюсь послѣдній разъ, такъ какъ удалось мнѣ пріобрѣсти длинную веревку, прикрѣпить ее къ стволу чинары на утесѣ, и по ней ты поднимешься ко мнѣ, на скалу.

— О, Гайянэ, звѣзда всѣхъ моихъ помысловъ,— зашепталъ въ отвѣтъ молодой плѣнникъ, — до сихъ поръ не вѣрится мнѣ, что ты жива и здорова и, благополучно избѣгнувъ рукъ злодѣя, спаслась и укрылась въ горахъ...

— Полно, сердце мое. Говорить будемъ послѣ... Лови конецъ веревки... Я бросаю его тебѣ внизъ...

Не вѣря ушамъ и глазамъ своимъ, стояла Тамара, окаменѣвъ отъ неожиданности и изумленія.

— Такъ вотъ оно что! Вотъ откуда эти лучи солнца и счастья въ очахъ Греміи! Вернулась къ нему его Гайянэ! Сейчасъ онъ поднимется къ ней на скалу по веревкѣ, и они убѣгутъ далеко отсюда, навсегда, навсегда! Нѣтъ! Нѣтъ! Не бывать этому! Не бывать!

Подобно на-смерть раненой тигрицѣ, встрепенулась Тамара. Быстрѣе лани кинулась къ дому, кричитъ:

— Тревога! Отецъ, тревога! Вѣрные джигиты, сюда, ко мнѣ! Сѣдлайте коней! Снаряжайте погоню!

Дикимъ воплемъ, стоустымъ эхо, пронесся этотъ крикъ по горамъ...

И мгновенно проснулся, ожилъ старый замокъ. Заметались люди, заржали кони. Факелы запылали на дворѣ. Стали снаряжать погоню.

А въ то время Гремія, ловкій какъ кошка, вскарабкался по веревкѣ на скалу и нѣжно обнялъ свою невѣсту.

— Спѣшимъ, свѣтъ очей моихъ, спѣшимъ! Авось не догонитъ погоня!

Подхватилъ на руки Гайянэ и бѣгомъ пустился съ нею по горной тропинкѣ.

А погоня уже тутъ-какъ тутъ... Мчится, какъ туча. Видны въ лунномъ свѣтѣ силуэты всадниковъ, слышно бряцаніе уздечекъ, крики, гиканіе, голоса...

— Насъ нагоняютъ, сердце мое! Все пропало! Смерть наша пришла, милая Гайянэ!

— О, Гремія, брось меня въ бездну, а самъ спасайся... Пусть я погибну, но ты хоть останься живъ... Ты не можешь, ты не долженъ умереть, пока не отомстишь за смерть отца по адату *) страны!

И Гайянэ съ тоской прижалась къ груди своего милаго. Гремія остановился. Погоня гналась по пятамъ. Все равно отъ нея нельзя было укрыться.

Единственнымъ его желаніемъ было теперь—умереть вмѣстѣ со своей Гайянэ. Но немыслимо это!.. Надо, по закону страны, отомстить еще за гибель отца. Онъ долженъ сдѣлать это прежде, нежели соединиться навѣки со своей Гайянэ. Оставить же въ живыхъ дѣвушку—значило бы предать ее въ руки изверговъ-зло-

*) Адатъ—обычай у горцевъ, вошедшій въ законъ.

дѣвъ, которые, внѣ всякаго сомнѣнія, обрекутъ ее на муки и позоръ...

Не долго боролась въ сомнѣніяхъ душа молодого бея.

Въ послѣдній разъ прошепталъ онъ слова любви и прижалъ къ сердцу невѣсту. Потомъ запечатлѣлъ на челѣ ея самый нѣжный поцѣлуй и, высоко поднявъ Гайянэ надъ бездной, сбросилъ въ нее любимую дѣвушку. Самъ же кинулся въ пещеру, что темнѣла своимъ чернымъ входомъ въ двухъ шагахъ отъ него.

И было какъ разъ время.

Съ дикимъ гиканьемъ прискакала къ пещерѣ погоня. Князь Гудалъ и окружающіе его джигиты спѣшились съ коней, кинулись во внутрь пещеры.

— Все кончено! Я умру, не отомстивъ злодѣю за смерть отца. Темные духи горъ, сдѣлайте это за меня!—вскричалъ Гремія во весь голосъ.

И... о, чудо!—захолодѣла мгновенно кровь въ его жилахъ... Застыло тѣло... Закаменѣлъ онъ и превратился въ камень со всѣми очертаніями человѣка.

Но ослѣпленный злобой, Гудалъ не замѣтилъ этого превращенія и, со звѣрской стремительностью, кинулся на закаменѣвшаго бея.

Неразсчитаннымъ движеніемъ ударился головою князь о каменную голову скалы-человѣка и съ раздробленнымъ черепомъ упалъ навзничь мертвый у ногъ каменной фигуры...

Такъ исполнили духи послѣднюю просьбу юноши-бея и отплатили за него злодѣю.

Княжна Тамара не многимъ пережила Гудала.

Узнавъ о судьбѣ Греміи, котораго она такъ полюбила, взбѣжала княжна на высокую башню замка и оттуда съ воплемъ ринулась внизъ...

И разбилась на-смерть злая красавица Тамара.

Гнѣздо Гудала опустѣло... Прекратились разбойничьи набѣги въ горахъ, забыты страшныя казни злодѣя...

А въ глубинѣ пещеры попрежнему день и ночь стоитъ на стражѣ каменный джигитъ и съ мольбою и угрозою простираетъ руки...

□ □ □

Кончила свой разсказъ старая Барбалэ. Погасли послѣдніе уголья на кострѣ. Задумчивый отблескъ зари бросалъ розоватыя тѣни на лица.

— Спасибо, Барбалэ, спасибо...

— А теперь пора собираться, друзья мои, въ обратный путь,—первый нарушилъ молчаніе князь Георгій.— Абрекъ, Михако, сѣдлайте коней!..

Княжна Нина змѣйкой скользнула къ пещерѣ, заглянула во внутрь на каменнаго бея, съ трепещущимъ сердцемъ, со смятенной душою...

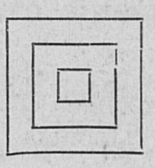
Долго, долго смотрѣла... Потомъ птичкой порхнула

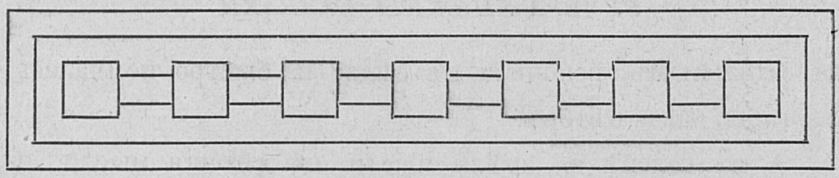
Князь упалъ у ногъ каменной фигуры...

къ остальнымъ, вскочила въ сѣдло и быстро помчалась съ горы, какъ вѣтеръ...

А въ головѣ ея зрѣли мысли, не дѣтскія мысли и переживанія, глубокія, грустныя ..

И никто не вѣдалъ, что роилось въ чернокудрой головкѣ дѣвочки-княжны...





Четвертое сказаніе старой Барбалэ.

СНОВА минуло лѣто. Послѣднія розы отцвѣли на клумбахъ. Прошла и сладкая восточная осень, насыщенная ароматомъ персиковъ, напоенная виноградным сокомъ, убаюканная золотозвѣздными ночами.

Плохое наступило время. Безъ передышки льетъ ливмя дождь, хмурымъ сѣрымъ пологомъ нависли тучи. Кура бурливо разыгралась подъ горой. Стонутъ вѣковыя чинары въ саду, плачутъ горько высокіе каштаны.

О чемъ плачете, милые? Вѣдь снова придетъ весна!..

У княжны Нины словно поблѣднѣло ея свѣжее личико. Запали глубже въ орбиты прекрасные горючіе глаза-звѣзды.

— Скучно, старая Барбалэ, скучно. Ни въ горы ускакать на Шаломъ, ни въ Гори на базаръ проѣхать. Дождь—какъ изъ ведра. Скучно, радость души моей, скучно!

Двое онѣ нынче остались, Барбалэ съ княжною. Князь Георгій въ полку, Михако уѣхалъ за припасами въ городъ. Вернутся къ ночи. Гдѣ-то рыщетъ въ окрестностяхъ безпутный Абрекъ.

А княжна томится. Ей ли—вольной дочери, вольной джигиткѣ — сидѣть, поджавши ножки на пестрой тахтѣ въ кунацкой отца?

Ахъ, скука, скука!..

Рано теперь темнѣетъ...

Зажгла лампу старая Барбалэ, взяла безконечное вязанье въ руки. Глядитъ добро и мягко поверхъ очковъ.

— Вотъ постой, дитятко, вернется Михако изъ лавокъ, привезетъ финиковъ, сладкаго кишмишу.

Упрямо вертитъ головкой княжна.

— Какіе финики? Какой кишмишъ? Въ горы хочу, на волю!

Совсѣмъ стемнѣло. Ночь на дворѣ. Слышно за окнами хлюпанье дождя и свистъ вѣтра. Темно и жутко... А сердце томится и ноетъ, не то предчувствіемъ, не то тоскою...

— Что-то должно случиться нынче, — вслухъ размышляетъ Нина,—что-то должно случиться...

— Богъ съ тобою, алмазная, что можетъ случиться, дитятко, въ старомъ мирномъ нашемъ гнѣздѣ! Господь надъ тобою и святая Нина!

Вздрагиваетъ старая Барбалэ. Креститъ взбалмошную головку трепетной рукой.

— Что случится-то, джанъ темноокая, что-же случится?

— Хорошее или дурное, не знаю. Но должно быть изъ ряду вонъ выходящее что-то, — говоритъ Нина, поблескивая глазами, и встряхиваетъ головой.

— Полно, радость дней моихъ, пол...

Не договариваетъ старая Барбалэ. Стукъ въ дверь прерываетъ ее на полусловѣ.

Стучатъ у порога. Михако или Абрекъ?.. А можетъ быть и оба вмѣстѣ. Но не ихъ это стуки, не громкіе, хозяйскіе, а робкіе, пугливые и несмѣлые.

— Чужой!—чуть слышнымъ шопотомъ произноситъ княжна, и глаза ея вспыхиваютъ любопытствомъ.

Быстро вскакиваетъ она съ тахты, подбѣгаетъ къ окну, всматривается зоркимъ взглядомъ во тьму ночи.

Свѣтъ изъ комнаты падаетъ на крыльцо, на ту часть галлереи, опоясывающей домъ, гдѣ входная дверь въ сѣни.

— Барбалэ! Милая! Кто-то темный въ плащѣ стоитъ у порога. Открывай скорѣе!—командуетъ княжна.

— Ни въ жизнь не открою, джанъ, ни въ жизнь не открою. Ишь, выдумала! Пустить чужого въ домъ моего князя!.. А вдругъ это барантачъ *), душегубъ, убійца.

*) Барантачъ—разбойникъ

И, вздрогнувъ при одной мысли объ этомъ, Барбалэ закрываетъ глаза.

Княжна Нина уже не у окошка больше. Стоитъ посреди комнаты вся стройная, пряменькая, какъ стрѣлка. Глаза горятъ. Губы вздрагиваютъ.

— Барбалэ! Ты забыла вѣрно обычай восточной страны. Нельзя отказать путнику отъ крова. Или запамятовала, что съ гостями подъ кровлю входятъ ангелы Аллаха?

И, гордо поведя черными бровками, не давъ опомниться нянькѣ, мчится въ сѣни и настежь распахиваетъ дверь.

— Входи, путникъ, съ миромъ, входи! Всегда рады гостямъ въ домѣ князя Георгія Джавахи!—говоритъ звонкимъ голосомъ княжна, а сама такъ и впивается въ пришельца немигающими, острыми глазами.

О, какъ онъ блѣденъ и худъ! Какое у него встревоженное лицо. И этотъ взглядъ изподлобья, взглядъ затравленнаго волченка. Растеряно и смущено молодое лицо..

Быстрые шаги Барбалэ за дверью — и сама она стоитъ черезъ минуту на порогѣ сѣней.

— Кто ты и откуда? Зачѣмъ пришелъ сюда искать крова? Здѣсь не духанъ!—говоритъ Барбалэ.

Ея голосъ суровъ, лицо угрюмо. На всякій случай захватила княжескій кинжалъ со стѣны, спрятала у

сердца. Не приведи Господь, случится что, сумѣетъ защитить имъ красоточку-княжну.

А таинственный гость отъ словъ этихъ еще ниже опускаетъ голову, скрываетъ за старой буркой юное лицо. Какъ будто чего-то боится... И вдругъ разомъ отбрасываетъ съ лица мохнатый капюшонъ.

— Бабушка! Неужели же не узнала? — звенитъ и рвется молодой голосъ.

Словно дѣвочка, въ два прыжка, подскакиваетъ къ юношѣ старая Барбалэ, заглядываетъ ему глубоко въ очи. И вдругъ какъ завопитъ, какъ заплачетъ на весь домъ:

— Вано мой! Вано! Внучекъ мой! Послѣдняя услада сердца моего!

Обвила руками шею юноши, прильнула къ его груди, смѣется и плачетъ:

— Вано мой! Вано! Пришелъ онъ, вернулся Вано къ старой бабкѣ своей!

И снова плачетъ, снова смѣется и покрываетъ поцѣлуями и слезами худое блѣдное изможденное лицо.

Княжна Нина смотритъ пристально черными задумчивыми, не-дѣтски умными глазами.

Такъ вотъ онъ каковъ Вано, внукъ старой Барбалэ! Такъ вотъ онъ каковъ!

Его исторію хорошо знаетъ княжна Нина.

Сирота Вано. Умерла дочь Барбалэ, умеръ мужъ ея. Остался Вано одинъ на свѣтѣ. Бабушка пріютила его у себя. Князь Георгій одѣлъ, обулъ, оставилъ жить при домѣ. Въ школу сначала, потомъ въ гимназію хотѣлъ отдать. Да Вано птицей лѣсной, безпутнымъ пѣвцомъ уродился. Не понутру ему пришлась домашняя жизнь. Проібрѣлъ саазъ *) на базарѣ, убѣжалъ изъ дома, сталъ бродячимъ пѣвцомъ, сазандаромъ. Плакала по немъ старая бабка, жалѣла его, безпутнаго, много разсказывала о немъ Нинѣ...

Вотъ онъ какой! Снова вернулся!

На кухнѣ зажгли лампу, развели огонь въ очагѣ, холодную баранину Барбалэ разогрѣла, княжна приказала раскупорить свѣжую бутыль съ виномъ.

— Кушай и пей, усталый путникъ, съ Богомъ!

А сама любопытныхъ глазъ не сводитъ съ худого лица юнаго сазандара, съ его бѣднаго наряда, съ примитивнаго сааза, что болтается у него за спиной.

— Неужели уйдетъ снова Вано, предпочтетъ довольной сытой жизни печальную участь бродячаго пѣвца?

А бѣдняга Барбалэ такъ и приникла къ внуку, глядитъ на него не наглядится, и плачутъ старые глаза.

— Вано мой, Вано! Наконецъ-то вспомнилъ меня, старуху!

*) Саазъ—струнный музыкальный инструментъ въ родѣ лютни.

Ласково гладитъ юноша костлявую руку бабки, шепчетъ:

— О тебѣ много и часто думалъ твой Вано, бабушка. Когда пѣлъ свои пѣсни подъ звонкій саазъ, думалъ и во снѣ тебя видѣлъ и въ грезахъ порой. А только вернуться было трудно... Люблю свободу и пѣсни больше жизни и тебя.

— Сердце мое! Какъ ты не боялся бродить одинъ въ горахъ и ущельяхъ?

— А это? Или ты забыла, бабушка, о немъ? — отвѣтилъ Вано, быстрымъ движеніемъ выхвативъ изъ-за пояса кинжалъ.

Слабо сверкнула сталь въ сравненіи съ искрометнымъ огнемъ камней, сплошь заливавшихъ рукоятку.

Глаза Нины вспыхнули отъ восторга и удивленія.

— Вотъ такъ прелесть!

У нищаго байгуша и такое оружіе! Откуда? Вопросъ готовъ былъ уже сорваться съ дрогнувшихъ губокъ.

— Послѣ, потомъ разскажу, — съ молящимъ выраженіемъ поднялись на нее глаза Барбалэ.—Дай накормить его прежде,—безъ словъ говорили они.

Насытился Вано. Порозовѣли впалыя щеки, подернулись дымкой, дремлютъ черные глаза.

— Усни, мое сердце, соколъ мой смѣлый! Отдохни послѣ долгаго пути, — обвивъ голову юноши и цѣлуя его спутанные кудри, прошептала Барбалэ.

Потомъ, когда внукъ ея громко всхрапывалъ на широкой тахтѣ въ маленькой коморкѣ подлѣ кухни, съ сіяющими глазами сказала старуха княжнѣ:

— Слушай, роза моя, разскажу о кинжалѣ Сафара, слушай, стройный тополь горійскихъ садовъ!

*

У стараго татарина Бекира родился сынъ.

Въ ночь рожденія малютки собралось двѣнадцать свѣтлыхъ джиновъ *) у изголовья его, потому что любилъ Аллахъ отца Сафара, жителя дальняго лезгинскаго аула, за благочестіе и смиреніе его.

И далъ одинъ изъ джиновъ красоту новорожденному.

И далъ другой—смѣлую руку и взоръ орлиный.

И далъ отвагу джигита ему третій джинъ.

Четвертый—счастье въ любви далъ ребенку Сафару.

Пятый—военную славу посулилъ ему дать.

Шестой—сладкій соловьиный голосъ.

Седьмой — богатство, лучшихъ овецъ и табуны коней.

Восьмой—посулилъ ему первыхъ красавицъ Дагестана въ жены.

Девятый—любовь и уваженіе односельчанъ.

Десятый—мудрость.

*) Джинъ—духъ.

Одиннадцатый—силу необыкновенную.

Двѣнадцатый джинъ, прекрасный, какъ самъ Джабріилъ на небѣ, положилъ подъ подушку новорожденному кинжалъ съ рукояткой, осыпанной драгоцѣнными камнями, и сказалъ:

— Этотъ кинжалъ заговоренъ самимъ Пророкомъ. Покуда въ честномъ и правомъ дѣлѣ ты будешь примѣнять его, до тѣхъ поръ и будетъ онъ служить тебѣ, Сафаръ, вѣрой и правдой. Но берегись нечестнымъ путемъ, на подлое дѣло пойти съ этимъ оружіемъ, кинжалъ твой въ тотъ же часъ измѣнитъ тебѣ...

Сказалъ и исчезъ свѣтлый джинъ изъ сакли. Исчезли вмѣстѣ съ нимъ и одиннадцать остальныхъ.

Остался кинжалъ въ колыбели малютки Сафара.

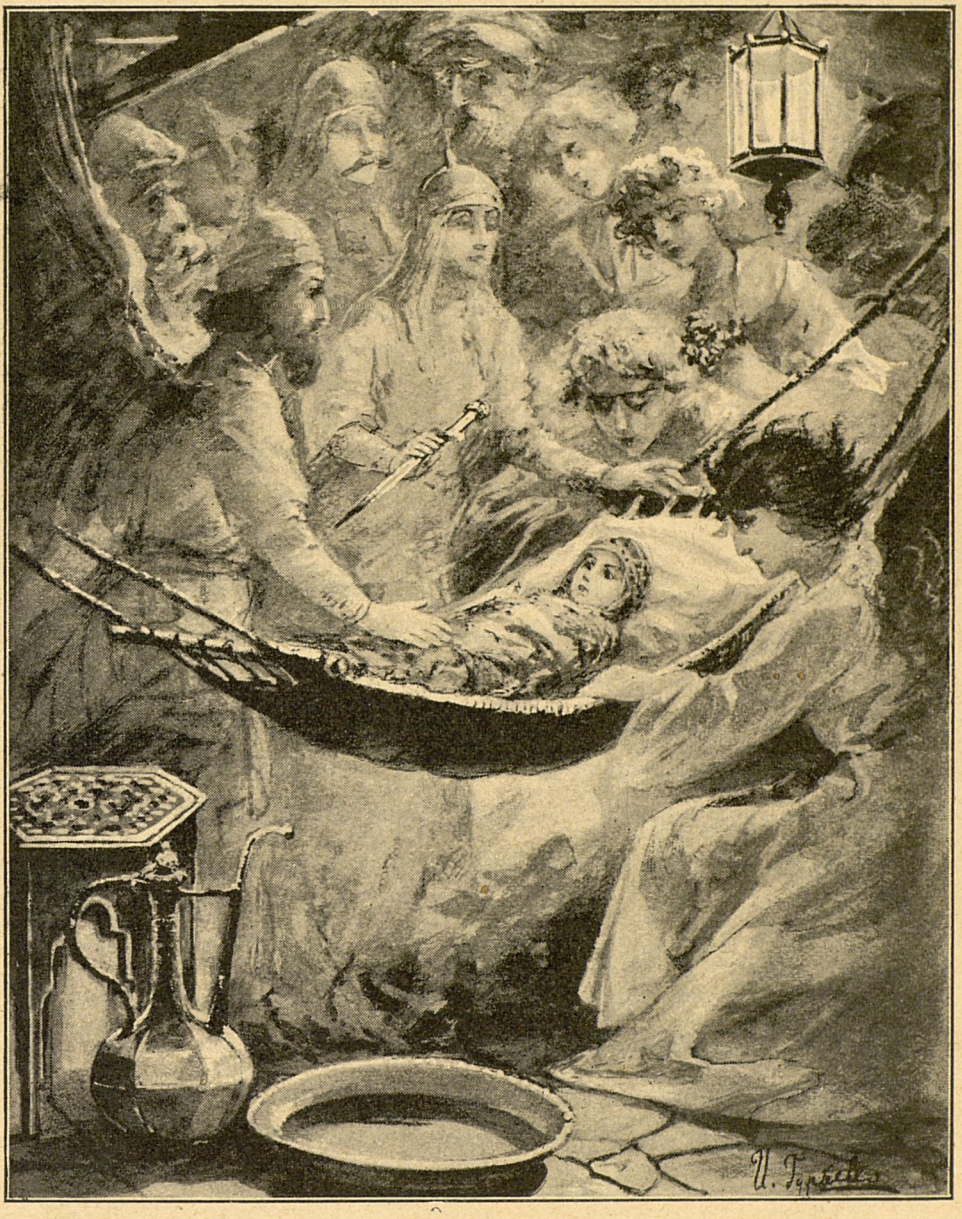
Промчались годы. Выросъ, окрѣпъ Сафаръ. Изъ слабаго ребенка превратился въ юношу рѣдкой красоты.

Поистинѣ Сафаръ казался баловнемъ судьбы. Все у него было.

Въ двадцать съ лишкомъ лѣтъ онъ сумѣлъ уже запастись военной славой, отразивъ нѣсколько набѣговъ на родной аулъ со стороны сосѣднихъ племенъ, и пріобрѣлъ любовь и уваженіе не только среди товарищей-однолѣтковъ, но и со стороны мудрѣйшихъ старѣйшинъ селенія.

Въ его саклѣ жили богатство и радость.

Красавицы-жены наперерывъ старались угождать



— Этотъ кинжалъ заговоренъ самимъ Пророкомъ...

ему непрерывными заботами, веселыми пѣснями и плясками, услаждая досуги своего властелина.

Съ его совѣтами считались ученѣйшіе мудрецы Дагестана.

Силенъ, бодръ и прекрасенъ былъ онъ—Сафаръ.

А когда онъ бралъ чіунгури и пѣлъ свои пѣсни, сама природа, казалось, и весь міръ пѣли заодно съ нимъ...

Въ сосѣднемъ аулѣ расцвѣла новая роза—дѣвушка, о красотѣ которой пѣли всѣ бродячіе пѣвцы Дагестанской страны.

Увидѣлъ ее мелькомъ Сафаръ, когда она спускалась къ студеному роднику съ кувшиномъ, и взыгралось въ немъ сердце.

Какъ меркнутъ звѣзды передъ сіяніемъ солнца, такъ померкла передъ красотою Зюльмы красота Сафаровыхъ женъ. Полюбилъ Сафаръ Зюльму съ перваго взгляда. И не столько за красоту, сколько за кроткій нравъ и мягкую душу.

Но зналъ Сафаръ: старому кадію *), злому, жестокому богачу, просватана была отцомъ Зюльма.

Въ ту же ночь собралъ онъ удальцовъ-джигитовъ своего аула, заткнулъ за поясъ свой прекрасный кинжалъ и помчался въ селеніе, гдѣ была сакля отца Зюльмы.

*) Кадій—судья.

Въ саклѣ этой сидѣлъ кадій и пилъ въ кунацкой бузу *) со своимъ будущимъ тестемъ. А красавица Зюльма гуляла съ женщинами по саду, пользуясь тихой роскошной ночью.

Словно изъ-подъ земли выросъ передъ ней Сафаръ со словами:

— Я люблю тебя, Зюльма, и жажду назвать тебя своею женою, красавица моя!

Могла ли устоять противъ соловьинаго голоса и искрометныхъ очей Сафара Зюльма?!. Вѣдь и любовь къ нему давно уже зрѣла въ ея сердцѣ.

Вмѣсто отвѣта подняла только черныя очи красавица, и цѣлую поэму нѣжной любви прочелъ въ нихъ Сафаръ.

Онъ схватилъ въ объятія дѣвушку, посадилъ ее въ сѣдло, далъ шпоры коню...

Взвился было конь, метнулся стрѣлою. Но неожиданно предсталъ передъ лихимъ Сафаромъ его злѣйшій врагъ—кадій, съ кинжаломъ въ рукѣ.

— Такъ вотъ ты кто, подлый похититель Зюльмы!—вскричалъ онъ, багровѣя отъ гнѣва,—умри же, барантачъ!—и занесъ кинжалъ надъ головой Сафара.

Но тутъ поднялась рука джигита. Блеснулъ яхонтами и рубинами роковой кинжалъ, и кадій повалился на траву, обливаясь кровью.

*) Буза—хмѣльной напитокъ.

Въ тотъ же мигъ до ушей Сафара донесся тихій, чуть слышный, голосъ:

— Я помогъ тебѣ, потому что твое дѣло правое. Кадій нападалъ на тебя, ты защищался и не по злобѣ совершилъ убійство это.

Это говорилъ чудесный кинжалъ.

*

Роскошная ночь сторожила горы. Миромъ и покоемъ вѣяло отъ нея. Но то былъ кажущійся, призрачный покой и только...

Изъ далекаго города съ покупками ѣхалъ Сафаръ обратно къ своему аулу. Вѣрные слуги сопровождали его. Онъ везъ не мало драгоцѣнныхъ украшеній своимъ молодымъ женамъ!.. Красавицѣ же Зюльмѣ ярче и краше всѣхъ.

Странный шорохъ,— не то рокотъ ручья, не то шелестъ вѣтра, привлекъ къ себѣ вниманіе Сафара.

Онъ велѣлъ спѣшиться людямъ, самъ слѣзъ съ коня и, извиваясь змѣею, поползъ по землѣ въ ту сторону, откуда слышался шорохъ. И видитъ Сафаръ: нѣсколько человѣкъ со звѣрскими лицами лежатъ у потухшихъ костровъ и сладко храпятъ на все ущелье.

Сталъ вглядываться въ лица ихъ Сафаръ и невольно вздрогнулъ отъ неожиданности и удивленія: узналъ онъ въ спящихъ людяхъ злѣйшихъ разбойни-

ковъ края, наводившихъ страхъ и трепетъ на весь Дагестанъ. Узналъ въ лицѣ одного изъ нихъ и главнаго предводителя шайки, злодѣя Магому, на душѣ котораго числилось не мало человѣческихъ жертвъ.

Много людей неповинныхъ загубилъ злодѣй Магома. Не давалъ онъ спуску ни богачу, ни бѣдняку.

Тогда точно осѣнило что-то сердце Сафара.

„Надо во что бы то ни стало избавить отъ злодѣя родной край!“—пронеслось вихремъ въ его мысляхъ, и онъ громкимъ крикомъ разбудилъ спящихъ:

— Эй, Магома! Проснись! Не хочешь ли потягаться со мною силой?

Разбойникъ-душманъ, встревоженный, вскочилъ на ноги и сталъ неистово махать своей шашкой.

— Я могъ бы убить тебя соннаго, но не привыкъ нападать на безоружныхъ,—вскричалъ Сафаръ и, отклонивъ направленный на него ударъ разбойника, вонзилъ ему кинжалъ прямо въ сердце.

Увидя гибель своего вожака, остальные душманы обратились въ бѣгство.

И опять Сафаръ услышалъ тихій, нѣжный голосъ, шепнувшій ему:

— И нынче ты правъ, Сафаръ: совершилъ ты честное дѣло, избавивъ край отъ злодѣя. И я охотно помогъ тебѣ

*

О добротѣ, величіи души и счастьѣ Сафара прослышалъ шайтанъ, князь бездны. И рѣшилъ смутить Сафара, совратить его душу съ истиннаго пути.

Съ этой цѣлью принялъ на себя шайтанъ образъ человѣка, надѣлъ одежду странствующаго торгаша и пошелъ въ саклю Сафара.

Разложилъ товары передъ хозяиномъ сакли, а самъ говоритъ:

— Вижу я, счастливъ ты, господинъ! Всего у тебя есть вдоволь. И лучшаго ты ничего не требуешь для себя, а между тѣмъ есть люди менѣе славные и богатые нежели ты, а счастливѣе тебя много.

— Кто же такіе эти люди?—заинтересованный и задѣтый за живое, спросилъ Сафаръ.

— Тѣ, у которыхъ есть алмазный камень.

— О чемъ говоришь ты?

— Слушай, Сафаръ! Въ тихихъ долинахъ Грузіи есть селеніе. Тамъ живутъ, по виду, жители самые бѣдные, самые нищіе на видъ и самые богатые, самые довольные на самомъ дѣлѣ. Потому что есть у нихъ алмазный камень счастья. Съ этимъ камнемъ они живутъ такъ счастливо, какъ врядъ-ли самъ Аллахъ у себя въ раю. Этотъ камень не дурно бы пріобрѣсти и тебѣ, Сафаръ. И ты будешь самымъ могущественнымъ и сильнымъ, и знатнымъ, и счастливымъ, и богатымъ княземъ въ мірѣ. Самымъ счастливымъ, Сафаръ!..

Хорошо говорилъ искуситель.

Падали на рыхлую почву въ душу Сафара эти слова.

И показалось Сафару такимъ ничтожнымъ его собственное благополучіе, такимъ блѣднымъ. Захотѣлось во что бы то ни стало достать алмазный камень, чтобы стать могущественнѣйшимъ человѣкомъ на землѣ.

И собралъ Сафаръ шайку удальцовъ-джигитовъ и пустился съ ними въ дальній путь, въ селеніе подъ Мцхетомъ, въ долины тихой и печальной Грузіи.

— Пойдемъ пріобрѣтать драгоцѣнный алмазъ счастья у грузинъ,—сказалъ Сафаръ своимъ спутникамъ.

Долго скакали они по горнымъ тропамъ и ущельямъ, пока не достигли селенія грузинъ,—бѣднаго селенія съ покосившимися домишками.

— Вотъ гдѣ долженъ быть спрятанъ драгоцѣнный камень счастья,—спѣшившись у самой богатой по виду сакли, произнесъ Сафаръ и вошелъ въ нее.

Испугались хозяева сакли, увидя столькихъ вооруженныхъ людей чужого племени у себя подъ кровлей. Но еще больше испугались они, услышавъ требованіе Сафара, за какую угодно цѣну продать имъ камень счастья.

Они стояли, испуганные, дрожащіе, и лепетали въ страхѣ:

— Нѣтъ у насъ такого камня, батоно, нѣтъ у насъ.

— Полно притворяться, скряги! Запрятали свое сокровище подальше, чтобы не лишиться его. Позволь намъ обыскать ихъ, Сафаръ,—сказалъ ближайшій изъ друзей Сафара.

Послѣдній колебался недолго. Врагъ человѣческій, шайтанъ, нашептывалъ ему въ это время:

— „Камень счастья спрятанъ у нихъ. Ты его долженъ найти во что бы то ни стало".

И далъ свое согласіе Сафаръ связать хозяевъ и перевернуть вверхъ дномъ ихъ жилище.

Но ничего не нашли въ бѣдной саклѣ Сафаръ и его люди.

Отсюда метнулись съ обманутыми надеждами въ другія. Все селеніе обшарили, многихъ жителей, подозрѣваемыхъ въ укрывательствѣ сокровища, жестоко избили, а камня счастья такъ и не нашли.

Озлобленные, хмурые, пустились они въ обратный путь.

Вдругъ видятъ, при выѣздѣ изъ селенія, молодого пастуха Дато, гнавшаго на ночь стадо барановъ въ деревню.

Юноша веселой пѣсенкой сокращалъ себѣ путь, а радостное, счастливое лицо его выражало такое довольство жизнью, что въ головѣ Сафара мигомъ явилась мысль:

— «Нѣтъ сомнѣнія, камень счастья долженъ быть у него».

По приказанію Сафара, его спутники схватили Дато, связали его и подвели къ Сафару.

— Ты получишь свободу и цѣлую кошму денегъ, если откроешь, гдѣ спрятанъ камень счастья, который дѣлаетъ тебя такимъ сіяющимъ, радостнымъ и счастливымъ,—обратился къ нему съ рѣчью Сафаръ.

Юноша Дато весело разсмѣялся. Сверкнулъ зубами, блеснулъ глазами и безшабашно произнесъ:

— Я и не думаю скрывать своего счастья, батоно. Оно лежитъ во мнѣ... И если это камень, то должно быть очень большой камень, батоно, потому что онъ наполняетъ меня всего...

Дружный крикъ дикой радости вырвался изъ груди Сафара и его друзей.

Такъ вотъ онъ гдѣ скрывается, желанный камень счастья!

Но какъ извлечь его изъ тѣла юноши?

И опять шайтанъ зашепталъ въ ухо Сафару:

— „Безъ убійства здѣсь не обойтись. Убей Дато, и драгоцѣннѣйшее сокровище міра будетъ твоимъ".

Жаль было Сафару губить веселаго Дато, но еще болѣе было жаль лишиться возможности быть самымъ счастливымъ человѣкомъ на землѣ.

Плохо сознавая то, что онъ дѣлаетъ, Сафаръ поднялъ кинжалъ и вонзилъ его въ сердце Дато.

Слуги кинулись къ окровавленному трупу пастуха,

стали крошить его на части своими шашками, стараясь отыскать камень счастья среди обрѣзковъ мяса и костей.

Но не находили камня.

*

Въ ту же ночь, когда Сафаръ и его спутники отдыхали въ горахъ, жители разгромленнаго грузинскаго селенія окружили спящихъ.

Сафаръ проснулся какъ разъ въ ту минуту, когда отецъ погибшаго Дато поднялъ надъ головой его ятаганъ.

Сафаръ схватился за свой кинжалъ, но увы! Было уже поздно...

Грузинъ взмахнулъ рукою и, сраженный топоромъ мстителя, Сафаръ упалъ мертвый, обливаясь кровью.

Отецъ Дато взялъ драгоцѣнный кинжалъ Сафара. И съ той самой ночи этотъ кинжалъ переходилъ изъ поколѣнія въ поколѣніе рода Дато, отъ отца къ сыну.

Перешелъ онъ и къ отцу Вано, мужу дочери моей, а теперь имъ владѣетъ внукъ мой.

Есть повѣріе, что у кого находится роковой кинжалъ, тотъ можетъ смѣло не бояться ни лихого человѣка, ни самого шайтана.

Такъ закончила старая Барбалэ сказаніе.

□ □ □

Долго думала въ эту ночь юная княжна о лезгинѣ Сафарѣ и о подаркѣ свѣтлаго джина, и о сазандарѣ Вано, владѣющемъ имъ.

На утро вскочила прежде всѣхъ въ домѣ ранняя пташка. Метнулась въ коморку къ старой Барбалэ.

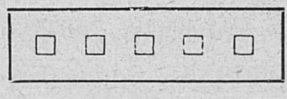
— Гдѣ роковой кинжалъ? Дайте взглянуть на него еще разъ, Вано!

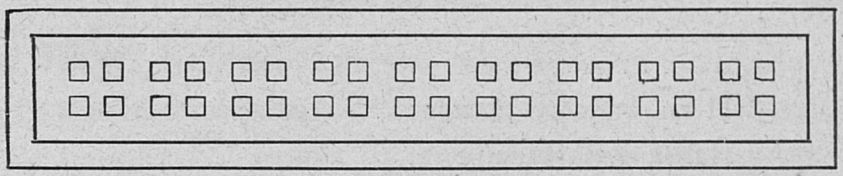
Но увы! Не было кинжала! И Вано не было тоже въ комнаткѣ Барбалэ...

Сидитъ одиноко старая Барбалэ. Сидитъ и плачетъ на своей постели. Упали безсильно на колѣни костлявыя руки. Крупныя слезы катятся по морщинистымъ щекамъ. Взглянула на вбѣжавшую княжну печальнымъ взглядомъ, и сильнѣе закапали слезы по старому лицу Барбалэ...

Бросилась къ ней княжна Нина. Цѣлуетъ, ласкаетъ няньку... Безъ словъ поняла она горе старой Барбалэ.

Ушелъ Вано. Ушелъ поутру юный сазандаръ, такой гордый, такой свободный. Ушелъ, чтобы не вернуться никогда... никогда...





Пятое сказаніе старой Барбалэ.

УГРЮМЫЙ и хмурый какъ-то пріѣхалъ домой князь Георгій.

Пріѣхалъ не одинъ. Съ нимъ казаки, а передъ ними привязанные къ сѣдламъ, съ закрученными за спину руками, какіе-то люди, понурые, оборванные.

Въ окошко своей горницы все это увидѣла княжна.

Екнуло сердечко чуткой птички, затрепетало. Роемъ мыслей запылала сразу ея головка. Пробралась Нина въ кунацкую, гдѣ наскоро закусывалъ князь. Прильнула къ плечу его чернокудрой головкой.

— Отецъ! Кто они, эти люди? Откуда?

— Горные душманы, звѣздочка моя, разбойники. Тѣ, что безжалостно грабили, а подчасъ и убивали людей въ ущельяхъ. Мнѣ удалось окружить ихъ съ моими казаками, поймать и привезти сюда. На утро сдамъ ихъ судебнымъ властямъ Гори.

— Ихъ будутъ судить?

— Да, птичка.

— И въ тюрьму посадятъ?

— Навѣрное, Нина.

— Но вѣдь про нихъ говорятъ, что они храбрецы, папа! Орлы!

— Хищные шакалы, а не орлы они, ласточка. Орелъ гордъ, онъ паритъ въ высотѣ, онъ не ѣстъ падали, крошка. Онъ бьетъ открыто, гордо, смѣло. А эти люди шакалы, которые подбираются въ темнотѣ къ намѣченной жертвѣ. Они трусливы, Нина, и въ открытый бой не идутъ... Нападаютъ только на беззащитныхъ... Трусы они, подлые трусы...

— И эти душманы трусливы, папа?

— Не всѣ. Есть одинъ между ними, Гирей. Онъ ихъ предводитель, вождь. Отчаянный малый, много людей загубилъ онъ, но не разъ его жизнь была на волоскѣ... Отваженъ этотъ Гирей, какъ барсъ, это всѣ признаютъ. Когда всѣ уже сдались, онъ еще бился. Одинъ бился, понимаешь, Нина? Онъ напомнилъ мнѣ преданіе о Хочбарѣ, дагестанскомъ душманѣ... Попроси разсказать о немъ какъ-нибудь старую Барбалэ. Она все знаетъ. Такъ вотъ, Хочбара напомнилъ этотъ разбойникъ. Такой же отчаянный головорѣзъ и безжалостный какой-то. Говорятъ, не одну душу загубилъ онъ въ горахъ.

— Папа! Они проведутъ ночь подъ нашимъ кровомъ.

— Да, дѣвочка, а наутро ихъ отправятъ въ тюрьму.

Княжна вспыхнула, потомъ поблѣднѣла. Мысли, быстрыя, какъ птицы, вихремъ завертѣлись въ головѣ.

Какъ? Могучій разбойникъ, гроза Кавказа, проведетъ всю ночь въ старой Джаваховской родной усадьбѣ и она—Нина не увидитъ его! Нѣтъ! Нѣтъ! Она должна увидѣть и Гирея, и его страшныхъ товарищей.

Подъ черными кудрями уже зрѣло рѣшеніе дерзкой мысли, и блестѣли, какъ молнія въ грозовую ночь, прекрасные черные глаза княжны.

Утомленный предыдущими безсонными ночами, проведенными въ „дѣлѣ“, и трудной задачей поимки разбойниковъ, князь Георгій рано ушелъ къ себѣ.

Въ подвалъ стараго дома, гдѣ обыкновенно зимою хранились припасы изъ овощей и плодовъ, водворили плѣнныхъ душмановъ: Гирея и трехъ другихъ.

Четыре казака стали на стражѣ. Пятый караульщикъ, Абрекъ, присоединился къ нимъ.

Княжнѣ Нинѣ въ окно ея комнаты прекрасно слышны тихіе разговоры казаковъ и гортанный смѣхъ ея любимца Абрека.

Весело имъ. Смѣются. А каково тѣмъ, пойманнымъ, что томятся въ невѣдѣніи въ подвалѣ? Что ожидаетъ ихъ? Тюрьма, каторга, или что-нибудь еще худшее, пожалуй...

Больно сжимается сердечко княжны при одной мысли о той участи, которая неминуемо ждетъ заключенныхъ въ подвалѣ, что-то давитъ горло, что-то клокочетъ въ груди, бурное, какъ лава.

А мысль все несется и несется впередъ, какъ сказочный конь быстрокрылый.

— Голодные они сейчасъ, усталые, навѣрное кушать хотятъ. А она то княжна провела время за ужиномъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А что, если пойти въ буфетную, поискать остатковъ отъ стола, баранины, вина, да отнести тѣмъ несчастнымъ, вѣдь все же люди они... Все же люди...

Быстро зрѣетъ смѣлая мысль, захватываетъ все существо Нины... „Нечего думать долго — надо дѣйствовать!“ рѣшается княжна и крадется къ буфетной, хватаетъ большой остатокъ бараньяго окорока, вино, лепешки.

„Живѣй, живѣй! Айда, Нина, айда! Завтра во всемъ покаешься отцу, а сейчасъ дѣйствуй, дѣйствуй!“ — тихимъ голосомъ подбодряетъ себя дѣвочка.

Вотъ готова она. Руки заняты, ноги несутъ быстро. Гдѣ-то скрипнула дверь, еще одна, еще — на галлерею, и Нина на дворѣ, въ саду.

Осенній вѣтеръ утихъ. Почти по-лѣтнему тепло нынче. Хорошо! Луна сіяетъ и серебрянымъ озеромъ свѣта заливаетъ садъ.

Внезапно черная тѣнь, какъ изъ-подъ земли выростаетъ передъ княжною.

— Абрекъ, ты?

— Не узнала, госпожа?

— Абрекъ! Голубь мой, молчи! Пусть не услышатъ казаки нашей рѣчи. Абрекъ, покажи мнѣ Гирея и его товарищей! Я хочу ихъ видѣть. Хочу! Только никому объ этомъ ни слова. Чего ты смѣешься, глупый?.. Я принесла имъ поѣсть. Вѣдь они голодны, Абрекъ...

И, совсѣмъ смущенная, замолкаетъ княжна.

Пауза длится долго. Стучитъ сердце дѣвушки.

Казаки отошли далеко. У дверей подвала двое здѣсь, только двое — она и Абрекъ.

Помолчавъ минуту, снова молитъ княжна:

— Абрекъ! Отдай имъ вотъ эти припасы. И покажи мнѣ, который изъ нихъ Гирей.

— А ты не боишься, княжна?—отвѣчаетъ смѣясь Абрекъ.—Гирей страшный! Такого и встрѣтить жутко. Черный, косматый, какъ звѣрь.

— Все равно покажи, покажи...

Колеблется Абрекъ. Не знаетъ, исполнить ли ему странное желаніе княжны или нѣтъ. Наконецъ рѣшается.

— Будь по-твоему, звѣздочка рая. Идемъ!

— Будь благословенъ твоимъ Аллахомъ, джигитъ,—

шепчетъ княжна юношѣ-конюху, крадясь слѣдомъ за нимъ кошачьей походкой.

Вотъ они у наружной стѣны дома, около крошечнаго оконца, приходящагося почти въ уровень съ землею.

Абрекъ наклоняется, припадаетъ къ землѣ, ползетъ. Какъ у змѣи, извивается его станъ, тонкій станъ прирожденнаго горца. Вотъ поднялъ онъ руку, безшумно отодвинулъ засовъ ставни, распахнулъ окно, просунулъ въ него голову и что-то прошепталъ по-татарски. Въ тотъ же мигъ у окна появилось блѣдное, еще молодое лицо.

Свѣтъ серебрянаго мѣсяца облилъ черты плѣнника. Въ нихъ не было ничего злого, жестокаго, звѣрскаго. Только пронырливостью и лукавствомъ сверкали маленькіе темные глазки, да глубокія складки бороздили лобъ, придавая выраженіе угрюмой сосредоточенности лицу молодого душмана.

— Гирей! Вотъ дочь князя, наша княжна, пожалѣла тебя и твоихъ пріятелей и принесла тебѣ и твоимъ товарищамъ ужинъ, — произнесъ по-татарски Абрекъ.

Гирей кивнулъ головою и долгимъ проницательнымъ взглядомъ окинулъ Нину. Потомъ что-то быстро-быстро залопоталъ по-лезгински.

— У нихъ связаны руки...—произнесъ Абрекъ.— Надо имъ нарѣзать ѣду...

И, выхвативъ кинжалъ изъ-за пояса, онъ накрошилъ имъ баранину на мелкіе кусочки, наломалъ лепешки и разложилъ все на крошечномъ подоконникѣ подвала.

Гирей жадными глазами слѣдилъ за всѣми этими приготовленіями.

И еще три пары алчныхъ глазъ смотрѣли на это. Душманы были голодны, какъ молодые звѣри. Они жадно набросились на ѣду, и въ одинъ мигъ съѣли баранину и лоби.

Потомъ Абрекъ открылъ бутылку и подставилъ ея горлышко къ губамъ Гирея.

Разбойникъ отхлебнулъ, затѣмъ взоромъ позвалъ товарищей. Тѣ такимъ же способомъ изъ рукъ Абрека пили вино.

— И правда, шакалы,—содрогаясь, мысленно говорила Нина, въ то время, какъ сердце ея сжималось отъ ужаса, жалости и тоски.

Когда плѣнные душманы покончили съ ѣдой, Гирей что-то долго и много говорилъ Абреку.

— О чемъ онъ?—плохо понимавшая языкъ горцевъ, спросила Нина.

— Онъ говоритъ, что его и его товарищей ждетъ казнь, но что въ послѣднюю минуту жизни, прежде нежели отойти къ Аллаху, онъ, Гирей, произнесетъ имя дѣвочки, первой чистой души, отнесшейся къ нему безъ презрѣнія, злобы и ненависти, какъ къ человѣку. И спросилъ, какъ зовутъ тебя, молодая госпожа.

— Нина! — помимо воли вырвалось изъ груди княжны.

Потрясенная до глубины души, готовая разрыдаться, она, какъ безумная, ринулась къ дому...

Гирей очевидно понялъ и, мотнувъ головою, повторилъ дрожащимъ голосомъ:

— Нина!—и еще что-то прибавилъ по-татарски.

Всю ночь тревожные сны и страшные кошмары томили Нину. Пойманные разбойники снились до утра.

На утро она встала поблѣднѣвшая, осунувшаяся, съ лихорадочно блестящими глазами. Выбѣжала въ садъ, бросилась къ подвалу.

Ни казаковъ, ни Абрека. Въ подвалѣ тишина. Увели душмановъ... Увели въ городъ на судъ.

Сжалось сердце дѣвочки. Жаль ей стало до боли навѣки загубившихъ свою совѣсть людей. Вспомнилось блѣдное лицо Гирея, озаренное луною, его благодарный взглядъ, глубокія вѣщія слова...

Опустилась тутъ же у окна Нина, закрыла лицо руками и тихо-тихо заплакала безъ слезъ...

□ □

— О чемъ, солнце души моей? О чемъ, моя радость?

И старая Барбалэ съ тревогой въ глазахъ предстала передъ княжной.

— Жалко ихъ, Барбалэ, жалко, — скорѣй стономъ, нежели словами, отвѣтила Нина.

— Кого, сердце мое, душегубовъ-то этихъ? Гирейку съ его ястребятами? Полно, дитятко, полно! Не жалѣй ихъ, звѣздочка ясная нашихъ ночей. Не люди они— звѣри, хищные звѣри... Ихъ не слѣдуетъ жалѣть... Слыхала когда про разбойника Хочбара, княжна моя, розочка душистая? Слыхала, куда привела жалость пожалѣвшихъ его людей? Хочешь, разскажу про Хочбара, злодѣя похуже Гирейки, и не будетъ болѣть чуткое, жалостное сердечко твое. Хочешь?

Кивокъ чернокудрой головки и... начала свой разсказъ старая Барбалэ.

□ □ □

Страшный свирѣпствовалъ въ Дагестанѣ разбойникъ Хочбаръ изъ Гидатли. Буйные набѣги на всѣ окрестныя селенія, аулы, на богатыя усадьбы князей и бековъ, и на бѣдныя деревушки жителей совершалъ то и дѣло со своей лихой шайкой этотъ свирѣпый душманъ.

Никому не давалъ пощады. Ни передъ лицомъ старца, убѣленнаго сѣдинами, ни передъ юностью не останавливался Хочбаръ. Рубила его шашка и старыя, и молодыя головы, не щадилъ онъ ни женщинъ, ни дѣтей...

Черными восточными ночами прокрадывался разбой-

никъ со своей шайкой къ намѣченной усадьбѣ или поселку, дикимъ гиканьемъ будилъ ночную тишь, съ головокружительною быстротою набрасывался на облюбованное имъ селеніе и черезъ полчаса, гдѣ только что цвѣли пастбища, гуляли табуны коней и стада барановъ, да бѣлѣлись каменныя сакли,—тамъ отъ руки Хочбара дымились развалины, стонали раненые, истекая кровью, валялись трупы убитыхъ. А Хочбаръ со своей шайкой уже мчался дальше, угоняя за собою табуны и стада, унося казну, оружіе, парчевыя и шелковыя ткани, золотыя и серебряныя украшенія, снятыя съ убитыхъ женщинъ.

А то, засѣвъ въ ущельи, поджидалъ со своими душманами проѣзжихъ купцовъ или паломниковъ, нападалъ на нихъ, грабилъ, убивалъ...

Была у него особенность, дарованная ему, казалось, самимъ шайтаномъ на гибель несчастнымъ людямъ: обладалъ Хочбаръ голосомъ соловьинымъ. Слаще меда, звончѣе лютни и сааза звучала его пѣснь.

И каждый, кто бы ни услышалъ голосъ Хочбара, будь то князь или нищій, простой джигитъ или кадій, не могъ противиться желанію подойти и послушать его пѣснь.

Этой-то пѣснью и приманивалъ къ себѣ своихъ жертвъ Хочбаръ.

Заслушавшись райской мелодіи, приближался неосторожный путникъ къ засадѣ. Выскакивалъ изъ нея, по-

добно дикому звѣрю, въ сопровожденіи своей шайки, Хочбаръ, и погибалъ подъ ударомъ его шашки путникъ... Ограбленный и обезображенный трупъ его бросали въ бездну сподвижники Хочбара по приказанію своего жестокаго вождя.

Вотъ, какою славою пользовался пѣвецъ-разбойникъ, вотъ, чѣмъ гремѣло всѣмъ извѣстное имя его...

И не было ни одной матери въ аулѣ Дагестана, которая именемъ Хочбара - злодѣя не запугивала бы расшалившихся дѣтей.

— Постой! Вотъ придетъ Хочбаръ, возьметъ тебя, пострѣленокъ!

И ужасъ наводило это имя на взрослыхъ и дѣтей.

Но вотъ однажды исчезъ Хочбаръ.

Затихли стоны раненыхъ въ Дагестанскихъ ущельяхъ. Вздохнули облегченно жители нагорной страны.

Исчезъ Хочбаръ, сгинулъ. Не слышно стало ничего объ его кровавыхъ продѣлкахъ. Зацвѣли пастбища снова на родинѣ Хочбара. Выстроились снова разоренные Хочбаромъ аулы. Снова загуляли на волѣ табуны горскихъ коней.

Нѣтъ Хочбара—и некому угонять ихъ отсюда.

Но извѣстно, что чѣмъ меньше ожидается несчастіе, тѣмъ съ бо́льшею силою обрушивается оно на людей.

Какъ снѣгъ на голову упалъ Хочбаръ на аварцевъ.

Появился нежданно-негаданно въ аварскомъ ханствѣ, владѣтелемъ котораго былъ въ то время могучій Нуцалъ.

Нѣсколько селеній и ауловъ сжегъ Хочбаръ, стеръ съ лица земли нѣсколько усадебъ и помѣстій и готовился уже къ новымъ нападеніямъ, но внезапно люди Нуцала напали на него врасплохъ, заковали въ цѣпи и доставили скованнаго, безоружнаго въ столицу Аваріи, ко двору самого Нуцала.

Былъ чудный день лучезарнаго востока... Синее небо — плавленная бирюза. Золотое солнце — янтарное море. Бѣлые орлы въ облакахъ — жемчужные каменья среди лазури небеснаго моря...

Паритъ день кавказскаго знойнаго лѣта и, раскаленныя ласками солнца, дремлютъ аварскія ущелья.

Но столица хана Нуцала не спитъ На дворѣ ханскаго сераля собрался судъ. Тутъ были и ученые кади и алимы, муллы и мудрецы и самъ ханъ Нуцалъ среди нихъ, какъ блистающій мѣсяцъ среди своихъ созвѣздій.

Въ сторонѣ ото всѣхъ стоитъ со связанными на спинѣ руками Хочбаръ. Стоитъ съ гордымъ видомъ, съ надменнымъ взоромъ.

Знаетъ свою участь Хочбаръ и готовъ встрѣтить смерть безъ страха, какъ настоящій джигитъ.

Недолго длится судъ: перечисливъ всѣ вины Хочбара, судьи въ одинъ голосъ рѣшили, что для разбой-

ника не должно быть пощады, пусть умретъ лютою смертью въ огнѣ.

Слуги Нуцала раскладываютъ костеръ посреди двора. На этомъ кострѣ и сожгутъ Хочбара.

Вотъ уже послѣднія полѣнья положили, вотъ зажгли дрова, и вспыхнуло золотое пламя.

Улыбается зловѣще Нуцалъ.

— Что пріумолкъ, горный соловей? Аль струсилъ передъ смертью? Почему не споешь своей пѣсни?— спрашиваетъ Хочбара торжествующій ханъ.

— Отчего не спѣть—спою, если дозволишь мнѣ это, повелитель! Но со связанными руками трудно пѣть. Прикажи развязать мнѣ руки,—отвѣчаетъ Хочбаръ.

Далъ на это свое согласіе ханъ.

— Пой хорошенько! Чѣмъ слаще будетъ твоя предсмертная пѣснь, тѣмъ жарче станетъ разгораться янтарное пламя на кострѣ,—произнесъ онъ, глядя съ насмѣшкой въ лицо Хочбара.—Подожди только: хочу, чтобы и дѣти мои были здѣсь. Пусть и они послушаютъ послѣднюю пѣсню разбойника, пусть посмотрятъ, какая участь ждетъ душмановъ.

И велитъ позвать дѣтей своихъ.

Выступивъ впередъ, запѣлъ Хочбаръ.

И была его пѣснь сочна, какъ виноградная лоза Карталиніи, медвяна, какъ вкусъ ананаснаго шербета, душиста, какъ ароматъ розы въ саду, ярка и блестяща,

какъ солнце востока, смѣла и задорна, какъ злой вѣтеръ въ горахъ...

Вотъ что пѣлъ Хочбаръ за минуту до смерти:

«Слушайте, аварцы, пѣсенку мою,
Слушайте, джигиты, то, что вамъ спою!
Разскажу въ ней хану, какъ къ нему давно
Лѣзъ Хочбаръ безстрашный подъ вечеръ въ окно.
И шальвары ханши, и уборъ для косъ,
И бешметъ любимый—все Хочбаръ унесъ!
Слушайте, аварцы, пѣсенку мою,
Слушайте, джигиты, то, что вамъ спою.
У заснувшихъ ханскихъ молодыхъ сестеръ
Снялъ съ лилейныхъ ручекъ праздничный уборъ,
Снялъ запястья, перстень—лучшій хана даръ,
Все себѣ присвоилъ, все укралъ Хочбаръ.
Слушайте, аварцы, пѣсенку мою,
Слушайте, джигиты, то, что вамъ спою!
Ханскаго ручного, на глазахъ у всѣхъ,
Искрошилъ я тура подъ веселый смѣхъ.
Заглянулъ въ овчарни и порой ночной
Всѣхъ барановъ ханскихъ взялъ къ себѣ домой!
И угналъ въ аулъ свой, къ матери моей,
Ханскихъ златогривыхъ дорогихъ коней.
Слушайте, аварцы, пѣсенку мою,
Слушайте, джигиты, то, что вамъ спою!
Вотъ на кровляхъ саклей стонъ стоитъ, не стонъ,
Плачъ несется скорбный овдовѣвшихъ женъ.
Не вернутся, къ бѣднымъ, снова ихъ мужья.
Всѣхъ въ глухомъ ущельѣ ихъ прикончилъ я.
Шестьдесятъ джигитовъ шашкой зарубилъ,
Шестьдесятъ молодокъ по міру пустилъ.
Слушайте, аварцы, пѣсенку мою,
Слушайте, джигиты, то, что вамъ спою!

Хочбаръ схватилъ ихъ на руки и бросился въ пламя...

Знайте же, аварцы, удаль вы мою,
Знайте, все то правда, все, о чемъ пою.
Эта пѣсня, знайте, мой послѣдній даръ,—
На костеръ безстрашно съ ней взойдетъ Хочбаръ...

Заслушались, зачарованные пѣніемъ, Нуцалъ и его слуги. Помутились ихъ головы, застлались очи...

Двое маленькихъ дѣтей Нуцала подошли къ самому пѣвцу: сынъ и дочь. Слушаютъ пѣснь тоже. Блестятъ дѣтскіе глазенки; какъ розы, рдѣютъ щечки дѣтей.

— О, какъ дивно прекрасенъ голосъ пѣвца, какъ прекрасенъ!—думаютъ они.

И вдругъ, — дикій вопль разбудилъ хана и его свиту.

Хочбаръ не пѣлъ больше, Хочбаръ съ крикомъ метнулся къ стоявшимъ у самаго костра ханскимъ дѣтямъ, схватилъ ихъ на руки и вмѣстѣ съ ними бросился въ пламя.

— Вотъ тебѣ месть Хочбара, Нуцалъ, и его послѣдній подвигъ!--крикнулъ разбойникъ съ костра и снова запѣлъ свою пѣснь, подъ вопли и стоны дѣтей и трескъ полѣньевъ...

□ □ □

Кончена сказка,—нѣтъ, не сказка, ибо она не выдумана, не сочинена, а сказаніе о томъ, что было на самомъ дѣлѣ, если вѣрить сѣдымъ старикамъ.

Замолкла Барбалэ...

Молчитъ и Нина подъ впечатлѣніемъ только что слышаннаго. Въ чернокудрой головкѣ княжны вьются, кружатся мысли.

Два образа сплетаются, сливаясь въ одинъ,—образы Гирея и Хочбара...

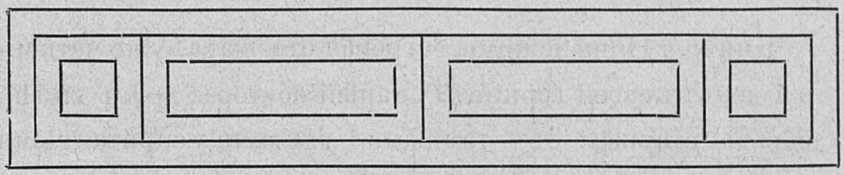
И все же жалко Гирея, какъ каждаго пострадавшаго, хотя и по винѣ своей. Человѣка жалко.

И стоятъ въ памяти трогательныя, переданныя черезъ Абрека, его слова:

— „Въ послѣднюю минуту жизни не забудетъ онъ ее, Нину, и ея участія... Не забудетъ...“

— Нѣтъ! Нѣтъ! Не Хочбаръ онъ... Не уснула еще въ немъ совѣсть! Или-же проснулась опять!

И загорается въ душѣ Нины невольная молитва. Молитва за Гирея...



Шестое сказаніе старой Барбалэ.

ПОЧЕМУ такъ тихо въ Джаваховскомъ домѣ?.. Почему безшумно, чуть слышно, ступаетъ въ мягкихъ чевякахъ батоно-князь, сбросивъ съ ногъ обычные сапоги со шпорами? Почему блѣдно, какъ известь, смуглое лицо Георгія Джаваха?

И почему по изрытымъ морщинами щекамъ Барбалэ катятся слезы, а у Абрека, и у стараго Михако безпокойно поблескиваютъ подъ нахмуренными бровями встревоженные глаза?

Не мелькнетъ, какъ бывало, ни въ тѣнистомъ саду, ни въ старомъ домѣ красивое личико княжны-джанъ, не слышно райской птички ни на кровлѣ, устланной коврами, ни въ чинаровой аллеѣ, ни въ дальней бесѣдкѣ, увитой азаліями и вѣтвями дикихъ розъ. И сиротливо ржетъ въ стойлѣ одинокій Шалый. Гдѣ его хозяйка? Почему не мчится въ горы съ нимъ Нина-джанъ?

Княжна Нина лежитъ, багровая отъ жара, уже четвертый день въ своей горницѣ. Старый докторъ, другъ князя, добрый старикъ съ темными глазами, спрятанными за стеклами очковъ, дважды въ день пріѣзжаетъ навѣщать больную,—беретъ горячую маленькую ручку, щупаетъ пульсъ, считаетъ секунды на круглыхъ, какъ луковица, старинныхъ часахъ...

Онъ смотритъ на часы, а на него съ надеждой и тревогой во взорѣ глядятъ, въ свою очередь, князь Георгій, Михако, старая Барбалэ.

— Плохо дочуркѣ моей? — шепчетъ въ отчаяніи князь, встревоженный до полусмерти.

— Надѣяться надо. Богъ на небѣ, молитва на землѣ,— отрывисто бросаетъ врачъ.

Голосъ старика дрожитъ, глаза неспокойно, съ тревогою впиваются въ больную.

Жаль ему Нину. Зналъ онъ ее съ младенческихъ лѣтъ. И мать ея, красавицу-лезгинку изъ аула Безстуди, зналъ и лечилъ когда-то. Ужели за матерью отдавать смерти и дочь, это дитя съ черными локонами, похожими на ночи востока, съ глазами—звѣздочками Горійскихъ небесъ?!

Смотритъ съ печалью старикъ на разметавшееся передъ нимъ багровое личико, на хрипло клокочущую отъ дыханія грудку.

Въ горлѣ Нины-джанъ вся ея болѣзнь,—огромный

нарывъ, закрывшій гортань, мѣшающій проникать воздуху, грозящій задушить больную.

— Какъ случилось это? Какъ? — спрашиваетъ старикъ-докторъ.

Печальнымъ голосомъ поясняетъ князь несложную повѣсть:

Было знойно до удушья. Блекли рдяныя розы на кустахъ. Весь Гори прятался въ домахъ, спасаясь отъ зноя — въ ту пору. А она, княжна, носилась и джигитовала тамъ внизу въ долинѣ и, вся мокрая, разгоряченная, влетѣла во дворъ, схватила ковшъ ледяной воды, принесенной изъ колодца, и выпила залпомъ прежде, нежели успѣли удержать ее.

Къ вечеру свалилась съ ногъ. На утро хрипѣла вотъ, какъ сейчасъ...

И жестомъ, исполненнымъ отчаянія, князь Георгій указываетъ на дочь.

Мечется и бьется на подушкахъ маленькое тѣло. Багрово-красное, сводится поминутно судорогою боли лицо.

Глаза вышли изъ орбитъ, огромные и блестящіе, какъ маслины, смоченныя росою, и въ нихъ цѣлый міръ темной муки и страданія. Клокочетъ и хрипитъ что-то въ горлѣ. Вотъ, вотъ, кажется задушитъ смертельный недугъ, унесетъ княжну.

— Къ вечеру привезу еще товарища-доктора съ со-

бою. Надо усыпить дѣвочку и, разрѣзавъ нарывъ, выпустить гной. Можетъ статься, не поздно еще. Великъ и милосердъ Господь! Будемъ ждать его милостей!

И, не отводя затуманенныхъ глазъ отъ глазъ княжны, докторъ неловко, бокомъ кланяется и выходитъ изъ опечаленнаго дома.

— Рѣзать ее!—дико вскрикиваетъ ему въ слѣдъ Барбалэ,—душу сердца моего, ласточку лѣсовъ пророка? Сизую горленку райскихъ садовъ рѣзать? Не дамъ! Не дамъ! Свѣтлые и темные духи, смилуйтесь надъ нею! Ангелъ смерти, помедли, не заноси кинжала надъ счастіемъ жизни моей! Помедли, прекрасный, смуглый гонецъ Господень!

Страшно, жутко становится отъ этихъ воплей старой Барбалэ. Плачетъ, разливается старуха, бросается къ больной, покрываетъ поцѣлуями свѣсившійся конецъ одѣяла изъ бѣлой мягкой бурки, цѣлуетъ горячія рученки и черные локоны княжны. Потомъ, какъ безумная, кидается къ князю:

— Батоно! Батоно! Соколъ Дагестанскихъ ущелій! Орелъ могучій Кавказскихъ горъ! Прежде, чѣмъ отдать сокровище наше подъ ножъ, дозволь старой служанкѣ, вѣрной Барбалэ, испробовать испытанное средство. Дѣвчонкой еще слыхала отъ нашихъ старухъ. Дозволь, батоно! А тамъ, когда не поможетъ, рѣжьте ее, мою ясочку, розу Господнихъ садовъ. Великъ Всемогущій,

и Милостива святая Нина, ея заступница! Дозволь, батоно, дозволь!

— Что хочешь, дѣлай, старуха! Одинъ Господь воленъ ее спасти...—обрывается въ безсиліи голосъ князя, блѣднѣетъ пуще красивое, гордое лицо. — И да поможетъ тебѣ Всемогущій, моя добрая Барбалэ!—черезъ минуту молчанія добавляетъ обезумѣвшій отъ горя отецъ.

Но Барбалэ уже не слышитъ.

Склонилась къ изголовью Нины и тихо шепчетъ больной:

— Хочешь сказочку, джанъ, хочешь, славную, забавную сказочку скажетъ тебѣ, сладкій лучъ мысли моей, твоя старая Барбалэ?

Ни звука въ отвѣтъ. То же клокотаніе и хрипъ въ горлѣ. Слова не можетъ произнести княжна. Но она слышитъ, она понимаетъ, она въ полномъ сознаніи. Вздрагиваютъ черныя рѣсницы, что-то слабо проскальзываетъ, не то улыбка, не то невыраженное желаніе, по ссохшимся открытымъ горячимъ губкамъ.

Но понимаетъ и безъ словъ свою питомицу старая Барбалэ. Киваетъ радостно головой старуха: — поняла! поняла,—и опускается на стулъ подлѣ кровати, беретъ въ морщинистыя сухія руки горячую ручонку больной и, тихо и нѣжно поглаживая ее, начинаетъ свою сказку.

□ □ □

Бѣденъ, нищъ, обездоленъ молодой Девъ, сынъ Гамида. Говорили люди Деву, когда собирался онъ жениться на Зарѣ, красавицѣ съ черными глазами:—«Ой, Девъ, одумайся. Если горя не видалъ, увидишь, когда пойдутъ дѣти. Чѣмъ кормить ихъ,—прѣсными чуреками станешь? Опомнись, глупый джигитъ!»

Не послушался Девъ. Полюбилась ему Зара черноокая пуще солнца весенняго, пуще звѣздочки ночной. Пуще коня своего кабардинскаго полюбилъ онъ дѣвушку.

Поженились они, наперекоръ людскимъ совѣтамъ да пересудамъ, на зло безысходной своей нуждѣ.

Черезъ годъ родился у нихъ сынишка Гарунъ, а еще черезъ годъ — дочка Фатима, и еще за нею черезъ годъ опять двое ребятокъ-близнецовъ. Что было дѣлать Деву? Дѣти кушать просили, молодая жена попрекать стала: зачѣмъ женился, когда нечѣмъ самому прокормиться?

Нечего дѣлать было Деву. Продалъ онъ своего кабардинца, на вырученныя деньги купилъ корову. Оставалось еще немного отъ продажи—нанялъ на это работниковъ Девъ, обнесъ съ ними высокимъ тыномъ свою саклю, чтобы не пришли барантачи да лѣсные хищники въ его усадьбу.

Жилъ Девъ вдали отъ аула, на опушкѣ густого лѣса, и боялся онъ нападенія разбойниковъ и дикихъ

звѣрей. Теперь нечего было ему бояться. Крѣпкая, высокая ограда защищала отъ враговъ его бѣдную усадьбу. Цѣлый день работалъ Девъ на дворѣ, по хозяйству, Зара няньчила ребятъ и стряпала обѣдъ. А корова—кормилица всего Девова хозяйства—паслась на опушкѣ лѣса, пощипывая траву.

Былъ жаркій іюньскій вечеръ. Пряно благоухали азаліи, въ долинахъ дышали теплымъ туманомъ утесы, а на зеленой опушкѣ было свѣжо и прохладно. Мирно паслась корова Дева, а самъ онъ послѣ рабочаго дня отдыхалъ, растянувшись подъ шатромъ густолиственной чинары. Незамѣтно стемнѣло, подкралась ночь. Мѣсяцъ выплылъ на небо и освѣтилъ окрестность.

— Вдругъ жалобное мычаніе донеслось издали до слуха Дева.

Вскочилъ, какъ встрепанный, съ травы Девъ. Глядитъ—нѣтъ коровы. Углубилась она въ чащу, пока онъ сладко дремалъ въ холодкѣ. И опять жалобное мычаніе достигло его слуха.

Корова точно жаловалась, молила о помощи и звала къ себѣ.

Не помня себя, бросился въ чащу Девъ. По дорогѣ, на всякій случай, выломалъ онъ дубину, толстую и тяжелую—что твое бревно.

Углубился съ нею въ лѣсъ и видитъ: нѣсколько десятковъ волковъ нападаютъ на его корову. А она от-

бивается отъ нихъ рогами, кружится и мечется въ ихъ замкнутомъ кругу и жалобнымъ мычаніемъ взываетъ о помощи.

Великъ Аллахъ! Что было дѣлать ему! Поднялъ свою дубину Девъ надъ головою и ну колотить ею вправо и влѣво насѣдавшихъ на него и корову волковъ. А другой рукой ухватилъ веревку, привязанную къ рогамъ коровы, и потащилъ за нее животное.

Волки такъ и замерли отъ неожиданности въ первую минуту. Откуда, дивились, могъ взяться человѣкъ? Но не долго смущались они внезапнымъ появленіемъ Дева съ его дубинкой. Съ новымъ оглушительнымъ воемъ приступили они къ нему и къ коровѣ, норовя загрызть и человѣка, и животное крѣпкими, острыми зубами. Девъ не растерялся, однако. Работала его дубинка. А самъ онъ, подъ отчаянный вой хищниковъ и мычаніе коровы, окруженный со всѣхъ сторонъ волками, двигался по направленію къ своей саклѣ.

Вотъ и она стоитъ, вся облитая сіяніемъ мѣсяца. Крѣпко-накрѣпко заперты ея ворота. Уснула Зара съ дѣтьми, позабывъ отодвинуть запоръ у входа.

Сталъ изо всѣхъ силъ стучаться въ ворота Девъ.

— Отвори, Зара, отопри, во имя Аллаха! Волки одолѣли, отопри скорѣй!

Но Зара, какъ нарочно, не слышитъ крика. Видно, уснула крѣпко. Ни жалобнаго мычанія не слышитъ, ни

воя волковъ, ни просьбъ Дева, а голодные лѣсные хищники такъ и надсаживаются, что есть мочи, такъ и воютъ, норовя въ то же время схватить за ноги Дева и его корову. Видитъ Девъ — плохо его дѣло... Насѣдаютъ проклятые волки. Такъ и лѣзутъ, такъ и лѣзутъ на него, и нѣтъ отъ нихъ защиты и спасенія. Подумалъ онъ минуту, другую... Смѣрилъ глазами заборъ: больно высокъ, не перепрыгнуть его коровѣ. И вотъ осѣнила взволнованную голову Дева новая мысль, хорошая мысль. Самъ пророкъ вдохнулъ ее ему вмѣстѣ съ дыханіемъ ночи.

Напрягъ всѣ свои силы, всѣ мускулы Девъ. Схватилъ сильными руками поперекъ туловища корову и перебросилъ ее черезъ заборъ, во дворъ усадьбы. А за нею слѣдомъ и самъ перепрыгнулъ. Завыли отъ обманутой надежды одураченные волки и, бѣснуясь и кусая другъ друга, со всѣхъ ногъ кинулись въ лѣсъ искать другой добычи.

А Девъ чуть не прыгалъ отъ радости, избавившись отъ лихой бѣды, и благодарилъ Аллаха за спасеніе.

Глазъ не сомкнулъ Девъ всю эту ночь.

И отъ радости не спалось ему, и гордость его одолѣла. „Вотъ какой я силачъ-богатырь!—думалось Деву.—Небось, не найдется, пожалуй, другого такого во всемъ мірѣ джигита-силача?“

Хотѣлось ему разбудить жену и разсказать ей все:

какъ нападали волки, какъ перебросилъ онъ корову черезъ заборъ, и похвастать передъ нею своей богатырской силой. Да неловко стало ему. Что она такое — Зара? Женщина! А женщина развѣ сможетъ оцѣнить силу такого богатыря, какъ онъ? Сама она слабая былинка передъ нимъ, Девомъ. Аллахъ съ нею! Пусть спитъ и видитъ райскіе сады пророка во снѣ. А ему, Деву, все же надо помѣряться съ кѣмъ-нибудь силой, похвастать передъ другимъ такимъ же, какъ онъ, сильнымъ, узнать, есть ли такой другой богатырь, какъ онъ, Девъ, на бѣломъ свѣтѣ?

До утренней зари не спалъ Девъ. А какъ брызнуло солнце на вершинѣ горъ алымъ потокомъ лучей восхода, вскочилъ онъ со своей деревянной тахты, набросилъ на себя бешметъ, нахлобучилъ на голову папаху и, не говоря ни слова женѣ, ушелъ тайкомъ изъ дома искать человѣка, который смогъ бы помѣряться удальствомъ и силой съ нимъ, джигитомъ, Девомъ-богатыремъ.

Идетъ густымъ темнымъ лѣсомъ Девъ, по узкой, едва замѣтной тропинкѣ. Шепчутъ что-то столѣтніе каштаны, дубы, шелеститъ орѣшникъ, неслышно лепечутъ высокія травочки. Бѣлки прыгаютъ по вѣтвямъ деревъ, барсукъ пробирается къ рѣкѣ на водопой. Зайченокъ высовываетъ изъ зеленой травы свою острую мордочку. Гдѣ-то шумитъ рѣка и булькаетъ серебристыми струйками, разсказывая свою вѣчную сказку.

Вотъ сверкнулъ ручей за кущей деревьевъ. Открылся взорамъ Дева покатый берегъ. У берега, на большомъ камнѣ сидитъ человѣкъ и удитъ рыбу. Посмотрѣлъ на него Девъ и ахнулъ. Такого огромнаго человѣка онъ еще и не видывалъ. Пробралъ невольный страхъ Дева передъ великаномъ, подошелъ къ нему и сказалъ:

— Помоги тебѣ Аллахъ съ ангелами! Хорошо ли клюетъ рыба нынче?

И вдругъ, взглянувъ на удочку, которую держалъ великанъ, отступилъ въ изумленіи Девъ. Не простое удилище было въ рукахъ рыболова, а огромный, тяжелый и толстый брусъ, точно толстый стволъ вѣкового каштана держалъ онъ въ своихъ исполинскихъ пальцахъ.

— Знаю, зачѣмъ ты пришелъ сюда, Девъ,—произнесъ рыболовъ съ усмѣшкой,—ищешь человѣка, который былъ бы сильнѣе тебя. Попробуй помѣряться со мною силою. Возьми этотъ брусъ въ руки, и ты увидишь, кто сильнѣе—ты или я?

И онъ протянулъ Деву свое огромное удилище.

Тотъ едва только взялъ его, какъ выпустилъ изъ рукъ и отступилъ отъ воды, обливаясь потомъ. Страшная тяжесть удилища едва не сбила его съ ногъ.

Усмѣхнулся снова рыболовъ-великанъ и сказалъ Деву:

— Удивляетъ тебя моя сила, сынъ мой! Пойдешь дальше и не такихъ еще силачей встрѣтишь по дорогѣ. Ступай вдоль берега рѣки.

Поклонился рыболову Девъ, преисполненный уваженія къ его силѣ, и пошелъ по указанному ему пути. Вскорѣ увидѣлъ онъ второго рыбака-великана, закинувшаго въ рѣку такое огромное удилище-дерево, которое совсѣмъ пригнуло къ землѣ Дева, когда онъ, по предложенію рыболова, взялъ его въ руки.

И до третьяго рыболова дошелъ берегомъ Девъ. Удилище этого послѣдняго едва не задавило его на смерть подъ собою.

Прощаясь съ Девомъ, третій великанъ сказалъ:

— Тамъ, на горѣ, ты увидишь поляну, на полянѣ стоитъ сакля, а въ саклѣ живетъ женщина, сила которой превосходитъ силу всѣхъ насъ троихъ, взятыхъ вмѣстѣ.

Любопытство разобрало Дева. Захотѣлось увидѣть женщину-богатыря, и полѣзъ онъ на вершину горы, указанной ему третьимъ рыболовомъ-великаномъ. Вотъ и горная вершина. Дивный лугъ раскинулся на ней передъ глазами Дева. Самые прекрасные цвѣты востока пестрѣютъ здѣсь и тамъ роскошнымъ бархатнымъ ковромъ. Благоухаютъ цвѣты медвянымъ ароматомъ, а мотыльки переносятся съ цвѣтка на цвѣтокъ нарядным роемъ въ прозрачномъ воздухѣ лѣтняго утра. Посреди лужайки высится темной громадой исполинская сакля, сложенная изъ гигантскихъ бревенъ. На порогѣ сакли сидитъ старая, какъ лунь, сѣдая, старуха-великанша и прядетъ шерсть.

Увидѣлъ огромную старуху Девъ и... испугался. Самъ онъ казался такимъ ничтожнымъ и маленькимъ передъ нею.

— Да будетъ надъ тобою благословеніе Аллаха!—произнесъ Девъ заплетающимся отъ страха языкомъ.—Въ гости пришелъ къ тебѣ, госпожа. Не прогнѣвайся за это!

— Самъ Пророкъ строго наказалъ людямъ свято почитать гостей, — произнесла въ отвѣтъ старуха. — Странникъ, посланный Аллахомъ въ саклю хозяина, долженъ чтиться имъ, какъ ангелъ и гонецъ изъ рая. Входи безъ страха, сынъ мой. Я спрячу тебя отъ глазъ моихъ сыновей-великановъ, которые охотнѣе ѣдятъ человѣческое мясо, нежели лѣсную дичь и рыбу.

И, сказавъ все это глухимъ, какъ трубный звукъ голосомъ, старуха-великанша ввела въ домъ не помнившаго себя отъ страха Дева, вырыла ему посреди̇нѣ сакли, въ земляномъ полу, яму своимъ огромнымъ веретеномъ и опустила его туда. А отверстіе ямы прикрыла доскою. Сквозь небольшую щелку Деву было видно, какъ съ послѣдними лучами солнца открылась дверь сакли, и три огромныхъ, знакомыхъ ему уже, рыболова-великана вошли въ саклю.

— А гдѣ же тотъ глупый человѣкъ, матушка, котораго мы послали къ тебѣ!—забасили они всѣ трое въ одинъ голосъ, и отъ этого страшнаго баса, казалось, задрожала земля.

— Мы нарочно отправили его къ тебѣ, чтобы ты приготовила намъ изъ него блюдо на ужинъ, — произнесъ старшій изъ братьевъ.

— Нынче плохой уловъ, рыба не клюетъ совсѣмъ, — вторилъ ему средній,—не грѣхъ отвѣдать и человѣчьяго мясца.

— Подавай его намъ, матушка, мы сами справимся съ нимъ! — крикнулъ младшій, и всѣ трое бросились искать спрятаннаго Дева. Напрасно старуха убѣждала ихъ, что по обычаю горцевъ грѣшно губить гостя, что по адату страны гость священная особа,—сыновья не послушались ея и вытащили чуть живого отъ страха Дева изъ его ямы. Потомъ они посадили свою жертву на полъ, посерединѣ сакли, а сами заняли три угла горницы, предложивъ матери занять четвертый.

— Мы хотимъ, прежде нежели его съѣсть, — загудѣлъ старшій изъ сыновей,—позабавиться хорошенько этимъ глупымъ человѣкомъ, зазнавшимся черезъ мѣру и вообразившимъ себя такимъ же силачомъ, какъ мы.

Тутъ всѣ четверо вытянули губы и начали дуть на Дева.

И точно осенній вихрь наполнилъ въ ту же минуту саклю. Налетѣлъ, закружился по хижинѣ, подхватилъ, какъ щепку, Дева и сталъ носить его въ дикой пляскѣ по всей горницѣ, какъ оторванный отъ вѣтки дерева

Завертѣлся, запрыгалъ, закувыркался Девь...

слабый листокъ. Завертѣлся, запрыгалъ, закувыркался Девъ слѣва направо, справа налѣво. Запрыгали съ нимъ полы его бешмета, слетѣла папаха съ головы, задрожали безсильно ноги въ старыхъ чевякахъ. То подпрыгивая, какъ мячикъ, катался онъ изъ угла въ уголъ, то отлеталъ къ окну, отъ окна къ стѣнкѣ, изъ одного конца сакли въ другой.

Смотрѣли на него великаны, дули все сильнѣе и сильнѣе и хохотали до слезъ, забавляясь своей выдумкой. А старуха-великанша, мать, думала въ это время, какъ бы сдержать данное Деву слово и выручить его изъ бѣды. Думала, думала и придумала старая.

— Сынишки родимые,—запѣла она голосомъ, похожимъ на вой горной чекалки, — не довольно-ли позабавились мы?.. Я другую затѣю придумала, куда смѣшнѣе. Глядите на меня и дѣлайте то же... Умремъ со смѣха!

Съ этими словами она стала дуть подъ Дева. Послѣдовали ея примѣру и сыновья. Снова поднялся бѣшеный вихрь въ саклѣ вдвое сильнѣе предыдущаго.

Теперь уже не катился, подпрыгивая отъ полу, какъ мячикъ, Девъ, но какъ пушинка, взвился онъ на воздухъ, взлетѣлъ въ трубу великановой сакли, перелетѣлъ въ одинъ мигъ все пространство до своей усадьбы и влетѣлъ въ ворота, въ дверь собственной сакли. Тамъ онъ наткнулся

со всего размаха на жену свою Зару и пребольно ударился лбомъ о каменный таганчикъ съ похлебкой, который она держала въ рукахъ. Упалъ и вдребезги разбился таганчикъ... Разлилась похлебка... Огромная шишка вскочила у Дева на лбу...

□ □ □

— Ха, ха, ха, ха!..—раздается вдругъ хохотъ княжны.

— Что это? Богъ Всесильный!

Смолкла старая Барбалэ, оборвала разсказъ.

— Ха, ха, ха, ха!..

— Создатель Гори, Грузіи и всего міра! Будь милостивъ къ намъ!

Бросилась къ Нинѣ-джанъ, хватаетъ смуглыми руками плечи дѣвочки.

— Батоно-князь! Батоно-князь!—кричитъ, какъ безумная, старуха.—Воды и тазъ... воды и тазъ скорѣе...

— Ха, ха, ха, ха!—заливается княжна хриплымъ смѣхомъ, а алая пѣна и кровь такъ и брызжетъ у нея изо рта.

Кровь льетъ фонтаномъ, но лицо проясняется, и глаза становятся свѣтлѣе съ каждымъ мгновеніемъ, и багровый лобикъ и щечки принимаютъ свой прежній, нормальный цвѣтъ.

— Великъ Богъ, Творецъ горъ и неба, зеленыхъ чинаръ и розовыхъ кущъ! Лучше Нинѣ-джанъ... Удалось разсмѣшить больную старой Барбалэ ея сказкой, лопнулъ

въ горлѣ отъ смѣха ужасный нарывъ! Спасена маленькая княжна! Спасена!

Князь Георгій глазамъ не вѣритъ.

Подаетъ полосканье, вату, полотенце, а у самого лицо сіяетъ, какъ солнце весной.

— „Нина-джанъ, дочка любимая, сокровище его, спасена, спасена!“

— Глупый Девъ спасъ!—лепечетъ Барбалэ, и слезы льются потокомъ изъ старушечьихъ глазъ.

— Ты спасла мнѣ дочь, Барбалэ! Святая Нина да сохранитъ тебя долгіе годы на радость намъ всѣмъ, вѣрная старуха!

Князь и служанка обнялись, какъ родные. Смахнулъ слезу Михако, старый казакъ, нависшую на концѣ сиваго уса, предательскую слезу.

А Ниночка не хрипитъ уже больше... Нѣтъ предсмертнаго глухого клокотанья удушья въ освобожденномъ горлѣ. Избавлена больная гортань отъ нарыва. Свободнѣе и легче дышитъ больная.

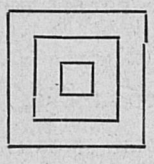
Смѣхъ спасъ ее, спасла сказка про глупаго Дева, вообразившаго себя силачомъ, спасла старая, вѣрная Барбалэ, милая, вѣрная, преданная, какъ никто, Джаваховскому роду Барбалэ.

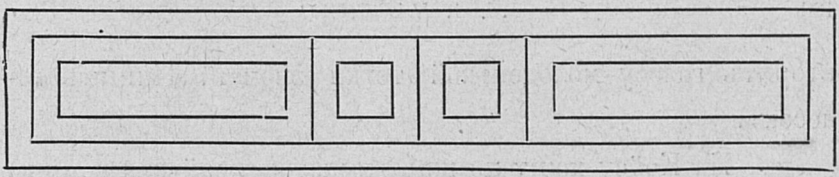
— Испытанное средство,—лепечетъ она, сіяя отъ счастья, покрывая несчетными поцѣлуями лицо своей Нины-джанъ, своей звѣздочки восточной, солнышка

свѣтлаго,—говорила я—испытанное. Старыя женщины въ аулахъ, горянки, такъ лечатъ, и наши грузинки не разъ сказывали: разсмѣшишь—отъ смерти спасешь. А только разсмѣшить не всегда можно, вотъ бѣда!.. Но тутъ помогъ Девъ-джигитъ мѣднолобый, и слава и честь ему отъ княжны!

И сама смѣется, тихо смѣется счастливымъ смѣхомъ старая Барбалэ.

И цѣлуетъ, безъ счета цѣлуетъ княжну.





Седьмое сказаніе старой Барбалэ.

ОПЯТЬ лѣто.

Опять спѣетъ янтарный виноградъ на солнцѣ. Опять наливаются сокомъ подъ тонкой эластичной кожицей ягодъ пышныя грозди на кустахъ. Опять багряно рдѣютъ розы, и кровянисто-алыя, какъ кровь и пурпуръ, и темно-красныя, бархатистыя, почти черныя, и палевыя, какъ топазъ, и молочно-бѣлыя, и нѣжно-розовыя, какъ зори въ маѣ.

Въ каштановой аллеѣ, что спускается къ рѣкѣ уступами, тѣнисто и прохладно. Кругомъ зато душно отъ зноя. Сохнутъ губы, накаляется тѣло. Влагой обильно покрыты лица. Жарко.

— Ой, задохнусь, душенька-радость,—кричитъ Бэла и смѣется,—сердце сердца моего, умру сейчасъ, черноглазая джанъ!

— Жива будешь! Ишь, избаловалась у себя въ аулѣ. Небось, въ жару не выглянешь за порогъ сакли, —

вторитъ голосу молоденькой тетки звонкій Нининъ голосокъ.

— На Койсу хожу по жарѣ купаться, райская пташка садовъ пророка! Студеная водица въ Койсу. Ай, хорошо! — сверкая бѣлыми зубами, восторженно лепечетъ татарочка.

— Неправда! Неправда! Въ вашихъ Койсу джайтанъ копытъ не умоетъ по веснѣ, да осенью вода только и есть въ вашихъ Койсу, а лѣтомъ въ нихъ хоть дыни сажай, такъ сухо!—хохочетъ княжна и звенитъ далеко серебряный колокольчикъ милаго голоска Нины,—вашимъ Койсу далеко до Куры нашей. Гляди, воды сколько! На весь міръ хватитъ! Пойдемъ купаться внизъ!

— Бирюзовая Нина, а не страшно? — боязливо поглядывая въ сторону хрустально-сонной, зеленовато-мутной рѣки, шепчетъ дочь Хаджи-Магомета.

— Вотъ выдумала тоже! Или боишься, что водяной джинъ тебѣ носъ откуситъ, горная коза?

И хохочетъ юная грузиночка, такъ хохочетъ, что не только въ предмѣстьѣ Гори, на самомъ городскомъ базарѣ слышно.

— Эй, Барбалэ, неси простыни, мы съ Бэлой-красоточкой идемъ купаться!—властно звучитъ минутой позже звонкій голосокъ. Повелительныя въ немъ отцовскія нотки. Нельзя ослушаться. Разсердится Нина-джанъ.

Выползаетъ изъ-подъ навѣса кухни старая Барбалэ съ двумя простынями.

— Ишь, что выдумали горныя серны! Обѣдъ время готовить, а онѣ купаться. Вотъ еще!

— Ну, ну, не сердись, не ворчи, Барбалэ, не то состаришься рано, — кричитъ княжна и неудержимо заливается смѣхомъ. — Ужъ кажется старѣе Барбалэ и быть нельзя. Сѣдой Эльбрусъ-великанъ развѣ ея старше, да Казбекъ мохнатый тамъ въ небесахъ...

И Бэла смѣется. Сверкаютъ газельи глазки, блестятъ бѣлыя миндалины зубовъ. Обѣ дѣвочки прыгаютъ внизъ по уступамъ, туда къ берегу, къ самой водѣ.

Пыхтя и отдуваясь, спѣшитъ за ними Барбалэ.

— Выдумщицы, проказницы, скажу батоно-князю, достанется ужо вамъ.

Вотъ и рѣка. Журчитъ и ропщетъ. Чуть дышитъ отъ зноя мутновато-зеленая Кура въ берегахъ изумрудныхъ. Дальше горы. Благодать!

Сонно кругомъ. Въ жару ни души на берегу. Купальня князя ютится одиноко. Въ нее вбѣгаютъ обѣ дѣвочки. За ними Барбалэ. Хлопаетъ дверь.

— Стой! Не входи въ воду, княжна-радость, Нина-джанъ! Стой, не входи!—внезапно оживляясь, тревожно кричитъ старуха.

— Что ты, Барбалэ? Аль и ты водяныхъ джиновъ боишься?—смѣется Нина.

— Молчи! Молчи!

Быстро опускаетъ руку въ карманъ Барбалэ, вынимаетъ оттуда блестящій камушекъ и, размахнувшись, бросаетъ его въ воду.

— Господь и Святая Нина, будьте милостивы къ нимъ,—шепчутъ чуть слышно блеклыя старческія губы.

— Что это значитъ, Барбалэ?

— Въ первый разъ купаетесь нынче, надо умилостивить джиновъ воды, а не то случится съ тобою то, что случилось съ глупенькой дѣвушкой Тамарой изъ Мцхета.

— А что съ ней случилось? Что?—такъ и всколыхнулись обѣ дѣвочки, и тетка и племянница, впиваясь загорѣвшимися глазами въ лицо старой Барбалэ.

И про купанье забыли обѣ. Чуютъ занятное что-то. Новую не то сказку, не то быль.

— Разскажи, свѣтикъ жизни, солнце счастья, разскажи!—зашептали обѣ въ разъ, подбѣгая съ двухъ сторонъ къ старухѣ.

— Ума рѣшились! А обѣдъ? А пилавъ кто будетъ варить нынче? А аладьи съ персиковымъ сиропомъ кто спечетъ? Вы, что-ли, разбойницы, непосѣды?

Обѣими руками открещивается старая Барбалэ. Да, видно, не въ добрый часъ сорвалось у нея слово. Не отвертѣться все равно. Не прослушавъ сказки, не пустятъ ее изъ купальни.

— Говори, персиковая, говори, медовая, виноградная, сладкая, говори!

Такъ и вьется вьюномъ, такъ и ластится княжна-красавица, такъ и сіяетъ умильными глазками въ лицо няньки-служанки.

Вздохнула Барбалэ. Поняла — нельзя отвертѣться. Присѣла на приступочку у воды между двумя любимицами и начала ровнымъ пѣвучимъ голосомъ свое сказаніе.

□ □ □

Была у стараго грузина Дато, что держалъ духанъ подъ горою, по проѣзжему тракту, дочка. Тамарой звали. Красоты неописуемой. Джигиты по ней съ ума сходили. Такихъ очей, черныхъ, какъ двѣ бездны въ горахъ, другихъ не встрѣтить на свѣтѣ; такихъ губокъ — двухъ кизилевыхъ ягодъ—не увидѣть нигдѣ. И щечекъ, похожихъ на спѣлые персики, тоже. А распуститъ Тамара черныя косы свои, ну точь въ точь черная туча въ грозу-непогоду. Рѣсницы — что стрѣлы, брови — двѣ темныя змѣйки, а станъ у нея такъ тонокъ и гибокъ, что готоваго пояса нельзя было во всей Грузіи для красавицы сыскать. Ужъ больно тонка была Тамара.

Старый Дато души не чаялъ въ дочери. Одна она у него была. Жена умерла давно, другими дѣтьми не благословилъ Господь. Какъ не дорожить единственнымъ дѣтищемъ одинокому старику?

Многіе женихи сватались за нее. Всѣмъ отказъ,—больно горда и высокомѣрна была дѣвушка.

Князья, уздени, беки, свои и горные, все не подходили. Послѣдніе и вѣру ради нея мѣнять рѣшались и коранъ свой нарушить и грузинскому христіанскому Богу кланяться хотѣли—все изъ любви къ красавицѣ, а она и слышать о такихъ женихахъ не хотѣла.

— Не пойду ни за узденя, ни за бека, ни за князя, ни за дворянина,—гордо говорила красавица,—за царя выйду или ни за кого.

— За какого царя?—изумленно спрашивалъ дочку Дато.

— За земного, за горнаго, за водяного—все едино, лишь бы царская власть у него была!—шутливо отмахивалась она.

Шутила-то шутила Тамара, а въ душѣ лелѣяла тщеславную мечту: выйти замужъ за такого человѣка, власть и могущество котораго равнялись бы ея красотѣ.

Отступились мало-по-малу женихи отъ дѣвушки. Видятъ—недоступно для нихъ сердце и рука красавицы, насилу милы не будутъ.

И перестали надоѣдать Дато-духанщику. Прекратили свои посѣщенія. Опустѣлъ духанъ. Стали рѣже навѣдываться въ него гости. Стали хуже идти дѣла. Разсердился на дочь старый Дато. Сталъ попрекать ее.

— Вотъ, молъ, отвадила гордостью своей всѣхъ посѣтителей. Обѣднѣли мы. Послѣдній байгушъ *) теперь не посватается... Вотъ тебѣ и царица.

Обижалась на такія рѣчи Тамара, уходила плакать на озеро, что лежало въ горахъ, позади духана. Садилась на бережокъ и мечтала.

— Я-ли не красавица, я-ли не завидная невѣста, а вотъ нѣтъ-таки могущественнаго человѣка, который бы посватался за меня...

Сидитъ она, какъ-то разъ, на бережку и тоскуетъ. А день давно уже миновалъ. Вечеръ спустился надъ горами, заглянулъ въ ущелья и въ долины и замеръ надъ озеромъ, такой нѣжный, тихій, прозрачный и голубой.

Тихо поднялся туманъ отъ озера и окуталъ берегъ.

И видитъ Тамара: выдѣляется изъ тумана что-то сѣрое, въ широкой хламидѣ, непонятно-расплывчатое, большое.

Мало-по-малу обрисовываются неясныя очертанія, опредѣленнѣе становятся формы видѣнія. Теперь уже Тамара можетъ разобрать что это такое.

Огромнаго роста, страшный и уродливый человѣкъ выходитъ изъ нѣдръ озера, одѣтый во все сѣрое, точно облакомъ окутанный, съ развѣвающимися по вѣтру зелеными кудрями. Зеленая борода до пояса. Огромныя руки

*) Нищій.

и ноги обвиты запястьями изъ стеблей водяныхъ лилій и водорослей. А на зеленыхъ кудряхъ—корона изъ бѣлыхъ цвѣтовъ подводныхъ. И синіе глаза обращены прямо въ лицо Тамары.

Испугалась дѣвушка. Вскочила на ноги, хотѣла бѣжать отъ сѣраго великана. Но синіе глаза словно приковали ее къ мѣсту, словно заворожили ее.

Поднялъ руку водяной духъ и произнесъ голосомъ, похожимъ на стонъ озера въ бурю:

— Добрый вечеръ, красавица, давно я запримѣтилъ тебя, какъ ты приходишь сюда послѣ солнечнаго заката горевать и печалиться на судьбу свою. Не тоскуй, звѣзда очей моихъ, не горюй о томъ, что не нашлось тебѣ жениха по сердцу. Права ты во всемъ, Тамара. Такой красавицѣ не бывать женой ничтожнаго грузинскаго князя или горца-бека. Самому царю такая жена пара. Слушай, дѣвушка, что буду я тебѣ говорить... Давно я примѣтилъ тебя, я, водяной царь—могучій Водъ, повелитель рѣкъ и озеръ нашей страны. И полюбилась ты мнѣ, красавица... Захотѣлъ я отличить тебя, сдѣлать супругой своей, сдѣлать царицей подводной... Согласись полюбить меня, прекрасная... Я-ли не могучъ и не силенъ! У меня есть роскошный хрустальный дворецъ, увитый водорослями, есть тѣнистые сады изъ высокихъ тростниковъ, есть цѣлыя полчища рыбъ, мнѣ подвластныхъ, есть прелестныя рабыни, зеленоокія русалки, что

пляшутъ день и ночь, забавляя меня... Сила и власть мои огромны въ подводномъ царствѣ, и я раздѣлю ихъ съ тобою, если ты полюбишь меня... А вотъ взгляни и на тѣ одежды, которыя должна ты будешь носить, какъ водяная царица.

И, сказавъ это, нырнулъ обратно въ озеро повелитель водныхъ джиновъ. Нырнулъ и выплылъ снова. Теперь въ рукахъ у него была тончайшая пряжа, отливающая серебромъ въ лунномъ свѣтѣ, вся затканная жемчугами. А на огромной ладони лежала прелестная царская корона и хрустальные башмачки.

Тамарѣ, не носившей ничего, кромѣ заплатаннаго бешмета и дешевыхъ шальваръ, вся эта роскошь помрачила разсудокъ.

И старый Водъ съ зеленою бородою не казался ей больше такимъ страшнымъ, какъ прежде.

А повелитель джиновъ протягивалъ ей драгоцѣнное платье и нашептывалъ въ это время:

— Согласись быть моей женой и водяной царицей, и я окружу тебя такой роскошью и властью, какая тебѣ и не снилась никогда... Падать ницъ будутъ передъ тобой мои джины и русалки и предупреждать каждое желаніе твое... На ложѣ изъ лилій будешь ты отдыхать, прекраснѣйшая изъ дѣвъ Востока, а ѣсть станешь такія рѣдкія яства, какихъ не пробовалъ даже самъ турецкій султанъ... Лишь только взойдетъ луна на небѣ, ты

станешь выплывать съ русалками, будешь рѣзвиться и заводить пляски на хрустальной поверхности и пѣснею своей тревожить сладко сердца смертныхъ. А сама ты не умрешь никогда, но по прошествіи десяти сотенъ лѣтъ расплывешься туманомъ надъ землею... Вся твоя жизнь будетъ одинъ сплошной праздникъ, и я, старый царь, склонюсь передъ тобою со всѣмъ моимъ водянымъ народомъ, прекраснѣйшая жемчужина міра...

При послѣднихъ словахъ Вода вздрогнула всѣмъ тѣломъ Тамара. Всколыхнулось сердце тщеславной дѣвушки, затрепетала она.

Гордо выпрямилась статная ея фигурка.

— Изъ дочери духанщика-бѣдняка царицей стану! — прошептала она надменно и, бросивъ горделивый взглядъ вокругъ, смѣло протянула руку водяному духу.

Вспыхнули, какъ молніи, синія очи Вода. Схватилъ онъ въ объятія красавицу и, прежде нежели успѣла крикнуть Тамара, исчезъ съ нею подъ водою...

Съ тѣхъ поръ немало лѣтъ уже прошло. Живетъ Тамара царицей въ подводномъ хрустальномъ дворцѣ, спитъ на мягкомъ пушистомъ ложѣ изъ бѣлыхъ лилій, ѣстъ рѣдкія яства съ жемчужныхъ раковинъ-тарелочекъ, одѣвается въ ослѣпительной красоты ткани и носитъ корону изъ синихъ аквамариновъ на черныхъ кудряхъ.

Цѣлыя полчища рыбокъ даны ей въ утѣху, цѣлыя

Тоскуетъ царица подводная, несмотря на роскошь...

сотни зеленоокихъ прислужницъ-русалокъ окружаютъ ее. Пляшутъ, тѣшатъ ее играми, забавляютъ всячески. А она тоскуетъ. Тоскуетъ царица подводная, несмотря на всю эту роскошь, все богатство и власть...

Несносна, скучна вся ея жизнь въ хрустальномъ дворцѣ. Скучаетъ она по землѣ, по зеленымъ долинамъ, по высокимъ утесамъ, по голубому небу, по родному духану, даже по прежней нищенской жизни у отца. А больше всего по отцѣ, по старомъ Дато, скучаетъ Тамара.

Хочется ей на волю, домой. Всю свою царскую власть, все свое богатство отдала бы, всю свою долгую тысячелѣтнюю жизнь русалки,—лишь бы годъ, лишь бы мѣсяцъ побывать дома, на землѣ, а тамъ хоть и умереть.

Но нельзя этого никакъ сдѣлать. Не возвращаетъ Водъ землѣ своей жертвы. И тоскуетъ, и мечется царица у себя, въ подводныхъ палатахъ изъ голубого хрусталя.

Стонетъ и плачетъ Тамара, сверкаетъ молніями глазъ на своихъ прислужницъ, и тогда закипаетъ обычно спокойная поверхность озера, поднимается вѣтеръ, и перекатываются съ грохотомъ отъ берега къ берегу бѣлые кипучіе сѣдые валы.

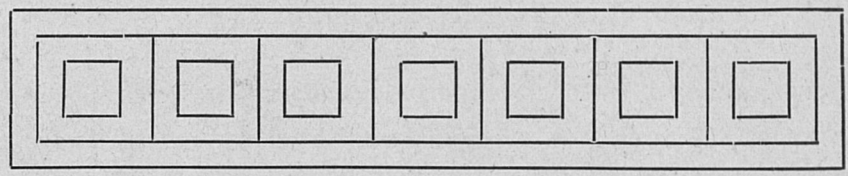
—Буря на озерѣ! — говорятъ тогда въ духанѣ, а старый Дато тихо вздыхаетъ при этомъ, вспоминая утонувшую дочь...

□ □ □

Барбалэ кончила сказку.

А Нина-джанъ и козочка Бэла все еще сидятъ, пріумолкшія, и робко поглядываютъ въ мутныя воды Куры. И мнится обѣимъ: вотъ-вотъ выглянетъ изъ темной поверхности рѣки черная голова въ аквамариновой коронѣ и взглянутъ на нихъ печально и жалобно большія страдальческія очи водяной царицы...

И жалостью полны сердца дѣвочекъ—и смѣлой красоточки Нины, и молоденькой Бэлы-горянки—и думаютъ обѣ о глупой Тамарѣ, промѣнявшей вольную жизнь на холодный водяной чертогъ...



Восьмое сказаніе старой Барбалэ.

КОРОТКАЯ, мокрая вѣтряная зима, съ мятелями въ горахъ, съ бурями въ долинахъ, миновала.

Веселою весеннею дымкой заволоклась природа. Голубоватый фиміамъ поднялся изъ хрустальной кадильницы и окуталъ горы. Звонко запѣли ручьи, загремѣли по скатамъ, побѣжали въ низины. Запѣло свои нѣжныя пѣсни пернатое царство, зашумѣла молодая листва каштановъ, весело-весело засверкало вѣчное солнце на бирюзовомъ пологѣ небесъ.

Опять весна, радость, пѣсни, веселые всплески, ароматъ цвѣтовъ и золотые потоки солнца.

Нынче не праздникъ, но какъ празднично выглядитъ природа. И горы, и небо, и земля...

— Сѣдлай Шалаго, Абрекъ! Поскачу въ ущелье!

Княжна Нина, нарядная и розовая, какъ бабочка, какъ райская птичка, влетаетъ въ конюшню.

— Была на Курѣ! Ахъ, славно! И въ нижнихъ ви-

нограднихъ была у стараго Илико — еще лучше! А сейчасъ въ горы! Въ горы! Скорѣе сѣдлай мнѣ Шалаго, Абрекъ!

Говоритъ и смѣется. Звенитъ сотнями звонковъ юный голосъ, а сама, какъ царевна изъ сказки.

Голубыя шальвары, бѣлый бешметъ, папаха съ алымъ донышкомъ. Серебряные газыри на груди такъ и сверкаютъ на солнцѣ, черные кудри разсыпались по плечамъ.

Абрекъ смотритъ и не налюбуется маленькой госпожей.

Только вдругъ сдвигаются растерянно черныя густыя Нинины бровки. Хватается за поясъ...

— Гдѣ мой поясъ?

Сейчасъ только надѣвала его передъ зеркаломъ, золоченый поясъ - позументикъ, разукрашенный зеленоватой кавказской бирюзой.

— Куда онъ дѣвался? Только что сама въ рукахъ держала, надѣвала и вдругъ исчезъ. Куда онъ могъ дѣваться?

Мчится въ домъ княжна по чинаровой аллеѣ, вбѣгаетъ стрѣлою въ кухню.

Тамъ, въ клубахъ пара, орудуетъ Барбалэ.

— Барбалэ, милая моя, старая Барбалэ, гдѣ мой поясъ?

— Пять минутъ тому назадъ держала въ рукахъ, говоришь, моя радость?—пытливо освѣдомляется старуха у княжны.

— Пять минутъ.

— А никуда не спрятала? А?

— Ну вотъ еще! Будто я не помню!

Подумала-подумала Барбалэ и наконецъ сказала:

— Стало быть веселый джинъ унесъ, не иначе.

— Кто?

Глаза у княжны разомъ вспыхиваютъ отъ изумленія и любопытства. Два черные горящіе факела такъ и впились въ лицо Барбалэ.

— Ну да, чему удивляешься, сердце мое? Унесъ весенній веселый джинъ, маленькій весенній джинъ. О, онъ любитъ такія шутки!.. Давно что-то про него не было ничего слышно. А теперь, очевидно, опять появился, проказникъ. Всю зиму спалъ веселый джинъ подъ снѣжнымъ сугробомъ неподвижно. Ударили первые лучи солнца, растопили снѣгъ, разбудили красавчика-джина съ голубыми глазами. Проснулся джинъ и принялся за свои шутки... Ну, да мы сыщемъ твой поясъ, не горюй, моя райская пташка.

Княжна слушаетъ и недоумѣваетъ. Какой-такой веселый джинъ? Никогда она про него ничего не слышала!

А старая Барбалэ въ это время съ серьезнымъ, сосредоточеннымъ видомъ сняла алую ленточку съ кудрей княжны, вышла на крыльцо съ нею, спустилась со ступенекъ его къ ближней чинарѣ, повѣсила ленточку на

вѣтку ея, украшенную молодой, только что нарядившейся листвой, и громко произнесла:

— Веселый джинъ! Веселый джинъ! Красавчикъ съ голубыми глазами! Возьми ленточку на память, верни поясъ Нинѣ-княжнѣ!

— Вотъ увидишь, золотая княжна моя, скоро поясъ тебѣ вернетъ веселый джинъ,—прибавила Барбалэ, обращаясь къ Нинѣ.

— Неужели вернетъ? — замирая отъ любопытства, освѣдомилась княжна.

— Ну, понятно, зоренька восточная!

— Да кто онъ таковъ, этотъ веселый джинъ?— спросила Нина.—Разскажи мнѣ о немъ, о веселомъ джинѣ!

— Подожди, Ниночка, послѣ разскажу. Надо сперва работу окончить.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Сейчасъ! Сейчасъ разскажи!

Ярко вспыхиваютъ глазки Нины. Шумно прыгаетъ на шею старой нянькѣ.

— Разскажи, сердце мое, разскажи!

Можно ли отказать, когда проситъ Нина?

И покачивая сѣдою головою, начинаетъ разсказывать старая Барбалэ.

□ □ □

Каждую весну, какъ только зазеленѣютъ внизу долины, зацвѣтутъ первыя персиковыя деревья, зашумитъ

старый орѣшникъ,—изъ чащи выбѣгаетъ хорошенькій юный веселый мальчикъ-крошка.

Ростомъ въ вершокъ, не больше, а такой красавчикъ, какого не сыщешь ни на землѣ, ни на небѣ среди ангеловъ Божіихъ.

Кудри—золото, очи—бирюза, губы—лепестки розъ, а самъ весь смѣющійся, звенящій.

Такъ и хохочетъ, такъ и заливается на всю рощу.

Личико все такъ и сіяетъ.

А только не всѣмъ дано его видѣть, не всѣ способны слышать его смѣхъ. Инымъ кажется—просто кузнечикъ гдѣ-то поетъ или бабочка.

Этотъ мальчикъ и есть веселый джинъ, веселый духъ кавказскихъ горъ.

Проказникъ онъ большой. Чего только не выдумаетъ, чего только не дѣлаетъ, чтобы подразнить людей, да посмѣяться надъ людьми.

Что ни день — то новая у него проказа, что ни часъ—то новая шалость.

Шла старая Като за водой къ источнику, шла глупая, старая Като. Несла въ рукахъ кувшинъ, а веселый джинъ какъ свистнетъ ей въ самое ухо, какъ гикнетъ изо всей мочи,—она на землю даже присѣла отъ страха, да какъ закричитъ, а кувшинъ то и выронила изъ рукъ. Упалъ кувшинъ и разбился на мелкіе кусочки, на черепки.

Думаетъ Като — вѣтеръ у нея изъ рукъ кувшинъ выхватилъ, а на самомъ дѣлѣ джинъ это былъ, веселый джинъ...

Въ другой разъ вышелъ веселый джинъ прогуляться по низинѣ, глядитъ—убираютъ работники виноградникъ.

Подошелъ онъ, подкрался незамѣтно, бросилъ горсть песку въ глаза одному, другому, третьему. А они какъ забранятся, какъ накинутся другъ на друга, какъ начнутъ ссориться на весь садъ.

— Ага! Ты такъ то, Вано, подожди у меня! Пескомъ бросаться? Что выдумалъ, баранъ туполобый!—кричитъ одинъ рабочій.

— Самъ ты, Михако, бросаешься, я это видѣлъ, чекалка ты лукавая изъ горныхъ лѣсовъ, — отвѣчаетъ другой.

— Нѣтъ, это Нико черномазый, а не Михако! Клянусь святой Ниной!—возражаетъ третій.

Слово за словомъ, и пошла перепалка

А веселый джинъ стоитъ, да тѣшится, весело смѣется...

— А ну-ка еще! А ну-ка еще! Подбавьте! — кричитъ онъ...

И такъ постоянно. Безъ всякой цѣли, просто, чтобы напроказить, придумываетъ свои шалости веселый джинъ.

Узналъ какъ то джинъ, что красавица Маро любила юношу Дато. Ждали, ждали обрученія, не могли дождаться.

Наступилъ день великій, наконецъ, для Маро и для Дато. Повели молодыхъ въ церковь.

Идутъ по дорогѣ. Зурна играетъ. Дѣвушки всѣ въ яркихъ платьяхъ, джигиты стрѣляютъ изъ винтовокъ. Маро такъ и сіяетъ. Еще бы! Первый красавецъ изъ аула въ мужья ей достался.

Ну, и не вытерпѣлъ шалунъ-джинъ. Взялъ, да и свистнулъ въ ухо Дато.

Тотъ отъ неожиданности какъ шарахнется, да прямо Маро головою въ лобъ. Даже затрещало у нея въ головѣ что то, и въ тотъ же мигъ шишка на лбу выскочила.

Маро какъ разсердится, какъ закричитъ на всю улицу отъ боли и досады:

— Что ты, Дато, дурачиться вздумалъ въ такой торжественный часъ! Что ты, Дато!

А веселый джинъ уже успѣлъ ему свистнуть въ другое ухо и шарахнулся Дато въ другую сторону, прямо на будущую тещу.

— Что ты, дурачиться вздумалъ, Дато?—закричала и теща.

А джинъ опять свистнулъ жениху въ ухо—и сталъ онъ вдругъ плясать и прыгать.

Смѣются джигиты, смѣются дѣвушки. Вотъ такъ женихъ! Въ такую торжественную минуту — и вдругъ дурачится!

Посмотрѣла Маро на жениха, а тотъ не унимается, все прыгаетъ, пляшетъ.

— Не пойду я за такого дурака замужъ!—крикнула Маро.

И разстроилась свадьба Маро и Дато.

Вотъ что надѣлалъ проказникъ джинъ.

И много-много еще разныхъ шалостей придумывалъ веселый джинъ. И все такія злыя.

Но чаще всего смѣется джинъ надъ разсѣянными людьми. Чуть только разсѣянный оставитъ какую-нибудь вещь не на мѣстѣ—джинъ тутъ какъ тутъ, либо подмѣнитъ вещь, либо испортитъ, либо унесетъ ее далеко-далеко, гдѣ никто и искать не догадается.

Собрался Сумбатъ однажды на охоту, да не посмотрѣлъ, въ порядкѣ ли его винтовка. Съ трудомъ добрался до верхушки горы и нацѣлилъ винтовку на дикую козу,—выстрѣлилъ, а вмѣсто пули изъ винтовки песокъ полетѣлъ.

Спустилась Зафара изъ аула внизъ къ ручью за водой, да не доглядѣла, что кувшинъ чужой захватила. Джинъ уже тутъ, въ кувшинѣ дырку просверлилъ, и Зафара безъ воды въ аулъ вернулась.

И такъ каждый день, каждый часъ...

Прослышали старики про проказы веселаго джина.

— Такъ вотъ кто такъ зло шутитъ надъ нами! Не бывать же этому больше! Поймаемъ веселаго джина и придумаемъ для него наказаніе.

Въ назначенный день собрались всѣ старики на площади аула, усѣлись въ кружокъ, все важные, угрюмые на видъ. По бокамъ ихъ стала молодежь.

На кровли саклей высыпали женщины, дѣвушки, дѣти.

— Глядите, добрые люди, сейчасъ начнется судъ надъ проказникомъ-джиномъ! — слышались ихъ возбужденные голоса.

А веселый джинъ стоитъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Точно и не его вовсе судить собираются.

— Раньше, нежели рѣшить, какое наказаніе назначить джину, надо его самого поймать,—замѣчаетъ вдругъ старикъ съ длинной сѣдой бородой.

— Нѣтъ, раньше придумаемъ наказаніе, а потомъ уже рѣшимъ, какъ его поймать,—говоритъ другой, помоложе.

Кто принялъ сторону старика, кто молодого, и начался споръ.

А веселый джинъ порхаетъ тутъ-же невидимкой и то одному шепнетъ на ухо, то къ другому отлетаетъ и твердитъ тихимъ шопоткомъ—одному:

— „Нѣтъ, словить разбойника-джина сперва нужно,

а потомъ уже судить его“,—другому-же: „Нѣтъ, сперва наказаніе придумать надо, а потомъ словить проказника!“

А голубые глазенки джина сверкаютъ лукаво, и златокудрая головка хитро-прехитро нагибается къ спорящимъ.

Старики послушно слѣдуютъ совѣту и все сильнѣе и сильнѣе становится споръ между ними, закипѣлъ ужъ во всю. Одинъ даже за кинжалъ было схватился. Еще минута — и началась бы драка.

Вспорхнулъ въ это время веселый джинъ во весь свой ростъ, вытянулся и закричалъ громко:

— Эхъ, вы, недогадливыя головы, обо мнѣ заспорили, да не замѣтили, что я тутъ, среди васъ. Поймайте-ка меня!

И на одинъ мигъ веселый джинъ пересталъ быть невидимкой, на глазахъ всѣхъ замахалъ крылышками и въ тотъ же мигъ скрылся изъ виду.

Съ широко раскрытыми ртами глядѣли люди вслѣдъ улетавшему джину, одурачившему ихъ всѣхъ; еще сильнѣе заспорили—кто изъ нихъ виноватъ, что джинъ улетѣлъ безнаказанно...

А отъ джина-проказника только рваный поясъ на землѣ остался, который онъ бросилъ, нарочно, улетая...

И продолжаетъ веселый джинъ совершать надъ людьми свои странныя шутки и продѣлки, и никто не можетъ

И еще сильнѣе заспорили...

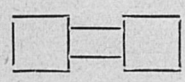
поймать его, никто не знаетъ, гдѣ онъ: сегодня здѣсь, а завтра тамъ... Но старые люди говорятъ, что можно его умилостивить подарками. Вотъ и я,—закончила Барбалэ,—повѣсила твою ленточку, княжна, на дерево и просила его вернуть твой поясъ. Вѣдь джинъ вѣроятно и унесъ его, замѣтивъ, что ты его бросила...

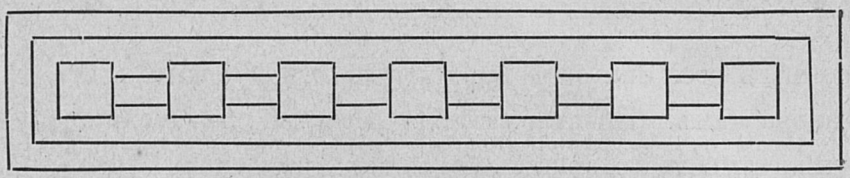
□ □ □

Замолкла Барбалэ и уставила въ чащу каштановъ свои старые глаза.

Туда же глядѣла и княжна Нина.

И казалось ей: мелькаетъ среди зелени деревьевъ златокудрый мальчикъ-крошка съ голубыми глазами и заливчато смѣется надъ ней и старой нянькой, ласково, добродушно смѣется. И отъ этого смѣха еще веселѣе пробуждается дружная весна Востока, зеленѣе становятся деревья, ярче и роскошнѣе сіяетъ солнце, слаще дышатъ первые весенніе цвѣты...





Девятое сказаніе старой Барбалэ.

ВЕРНУЛАСЬ весна.

Вспыхнуло солнце, заголубѣло небо вверху, зазеленѣли внизу долины, зацвѣли персиковыя деревья, зашумѣлъ старый орѣшникъ, защелкалъ въ его зеленой чащѣ соловей...

Казалось бы, въ весенніе дни не должно быть тоски и грусти.

Но княжна Нина груститъ, тоскуетъ... Печальна княжна.

— Что съ моей яркой звѣздочкой? Что съ моимъ лучомъ Востока?—спрашиваетъ старая Барбалэ.

— Ахъ, сердце мое, видѣла я нынче коня въ ущельяхъ!.. Вотъ конь, Барбалэ, красоты чудесной!

— Лучше Шалаго?—спрашиваетъ, улыбаясь и дѣлая изумленное лицо, старуха.

— Шалый свой, любимый! А тотъ чужой, но на него зарятся взоры... Хочу такого! Ахъ, пріобрѣсти бы

намъ его! Не конь, а молнія!.. Все бы, кажется, отдала за такого коня! Вороной онъ, черный, какъ ночь въ стремнинахъ, глаза—стрѣлы...

— Молчи, молчи, джанъ черноокая! не говори такъ!—измѣняясь въ лицѣ, въ испугѣ шепчетъ старуха.—Развѣ не знаешь, какого коня ты встрѣтила нынче? Не слыхала развѣ, какой конь-молнія встрѣчается въ горныхъ тѣснинахъ.

— Какой конь? Какой конь, старушка моя?

И загорается любопытствомъ и безъ того горячій, какъ угольки, взоръ Нины.

Барбалэ глядитъ на свою питомицу, потомъ крестится и шепчетъ, переводя взоръ на небо:

— Храни святая Нина, великая защитница Грузіи нашей, отъ встрѣчи съ такимъ конемъ. Онъ отъ Шайтана посланъ, отъ самого Шайтана, отъ чернаго духа бездны... Княжна, радость моя, храни тебя Господь отъ встрѣчи съ такимъ конемъ! Разсказать тебѣ о немъ, свѣтъ очей моихъ, розанъ нашей долины?

— Разскажи, разскажи, конечно... Скорѣе разсказывай, старая Барбалэ!

И, какъ была въ бешметѣ и шальварахъ, съ казацкой нагайкой въ рукѣ, не успѣвъ переодѣться послѣ бѣшеной скачки верхомъ по горамъ и долинамъ, княжна Нина опустилась на тахту и тѣми же горящими любопытствомъ глазами впилась въ лицо няньки.

И старая Барбалэ начала свой разсказъ.

Высоко, высоко, точно ласточкино гнѣздо, къ откосу одной изъ самыхъ высокихъ горъ Дагестана, прилѣпился богатый аулъ со множествомъ красивыхъ саклей.

Внизу, у откоса, зловѣще чернѣла огромная пропасть, на днѣ которой мутно-сѣрою лентою крикливо бѣжали пѣнящіяся, бурливыя волны рѣки Койсу. Изъ аула доносились крики, веселые, торжествующіе, точно тамъ праздновали побѣду надъ врагами.

На площади аула, почти надъ самой пропастью, были разложены костры, на которыхъ жарилось любимое кушанье горцевъ Дагестана—шашлыкъ изъ баранины. Кругомъ костровъ разсѣлись старики, вспоминая про былые походы, и, отъ времени до времени, раздавались старинныя пѣсни, въ которыхъ восхвалялась храбрость дагестанцевъ.

Но вотъ на площадь вышли юноши и вывели своихъ коней.

Быстрые, ловкіе, огневые, выстроились кони. Ноздрями поводятъ, глазами сверкаютъ, такъ и рвутся впередъ—не удержать.

Вскочили на своихъ коней юные наѣздники-абреки, взметнули нагайками и понеслись впередъ, какъ тучи, какъ вѣтеръ, какъ стрѣлы...

Несутся юноши, то спускаясь съ сѣдла на землю, то

опять поднимаясь. Одинъ только отсталъ, позади всѣхъ плетется...

Смѣются надъ нимъ абреки, смѣются старцы, смѣются дѣвушки, которыя высыпали на крыши, чтобы посмотрѣть, какъ джигитуютъ юные жители аула.

— Гарунъ! Гарунъ!—кричатъ отовсюду неудачливому всаднику.—Ты коня себѣ на спину посади, такъ скорѣе доскачешь...

— Ну и конь, ну и всадникъ!—смѣются дѣвушки.—Шашлыкъ тебѣ жарить, Гарунъ, а не съ юными абреками по горамъ гоняться.

Точно кинжалъ врѣзался въ сердце Гаруна,—такой обидой отозвались въ немъ эти крики.

Самъ онъ знаетъ, что конь у него плохой, но что подѣлаешь? Гдѣ достать ему другого коня? Бѣденъ онъ, Гарунъ. У отца его нѣтъ денегъ, чтобы купить сыну другого коня.

Доб ая лошадь у каждаго жителя Дагестана—его добрая слава. Но такая лошадь, какъ та, что у Гаруна, не можетъ считаться „доброю славою“.

Больно, обидно Гаруну. Изъ себя онъ красавецъ, статный, сильный, черноокій, а конь плохъ...

Дѣвушки смотрятъ, пальцами на Гаруна указываютъ, смѣются...

— Ну и конь, ну и всадникъ!—кричатъ онѣ.—Куда ты съ такимъ конемъ съ другими соперничать вздумалъ!

Достань коня лучше, тогда можешь и гоняться съ абреками во славу Аллаха.

Засверкали глаза Гаруна отъ гнѣва, лицо поблѣднѣло отъ злости.

Соскочилъ онъ съ коня, бросилъ его посреди дороги, а самъ бѣгомъ пустился въ сторону отъ аула, въ глухое горное ущелье, куда нога человѣческая не проникала, гдѣ бродили стадами горные туры и козы.

Бросился на землю у самаго края бездны Гарунъ и взвылъ, какъ дикій, на все ущелье:

— Гдѣ достать коня?.. Негдѣ взять... Бѣдны мы.. Нѣтъ денегъ въ саклѣ отца, чтобы купить Гаруну коня другого... Изведутъ Гаруна лютыя насмѣшки... Не жить Гаруну на свѣтѣ... Лучше горному туру живется, лучше чекалкѣ дышится, лучше змѣямъ и гадамъ, нежели Гаруну-беку-Наида...

И зарыдалъ Гарунъ. Зарыдалъ такъ громко, что, казалось, зарыдали и горы, и бездны, и самая земля вмѣстѣ съ нимъ.

И вдругъ, въ плотно обступившихъ горы вечернихъ сумеркахъ стало надвигаться что то огромное, сѣрое, выплывая прямо изъ бездны.

Стало это сѣрое надвигаться на Гаруна, все еще распростертаго на краю бездны. Вотъ уже принимать формы стало... Вотъ уже различить можно: лохматая голова съ сѣдыми волосами, черныя крылья, огромные

глаза и козлиные рога на темени. Руки костлявыя, цѣпкія; пальцы, словно вѣтви деревъ, обнаженныя отъ листьевъ. Огромный хвостъ черным потокомъ по краю бездны струится.

— Гарунъ! Гарунъ!—позвало горное чудище.

Вскочилъ на ноги Гарунъ. Вскинулъ глазами на страшилище, да какъ вскрикнетъ...

Даже волосы у него дыбомъ поднялись отъ страха. Весь дрожитъ, слова вымолвить не можетъ, только зубами лязгаетъ, какъ волкъ въ горной тѣснинѣ.

А страшное чудище снова говоритъ:

— Не бойся меня, Гарунъ-бекъ-Наида. Зла я тебѣ не сдѣлаю... Я Шайтанъ, духъ бездны... Я владѣю всѣми этими пропастями и стремнинами... Могучъ и славенъ духъ бездны и все дастъ тебѣ, чего ты ни попросишь... Если горе у тебя, юноша,—горе унесетъ за собою въ бездну Шайтанъ; если просьба есть,—выкладывай. Всякую просьбу исполнитъ... А горе у тебя навѣрное есть... Не даромъ же ты здѣсь ночью надъ пропастью рыдаешь. Говори свою просьбу. Помогу тебѣ.

Точно лучъ свѣта пронизалъ ночную тьму, такою радостью наполнилась душа Гаруна. Куда и страхъ дѣлся.

— Дай мнѣ, великій Шайтанъ, добраго коня,— проситъ Гарунъ,—такого коня, чтобъ я на немъ всѣхъ абрековъ перегналъ и далеко ихъ всѣхъ позади себя

оставилъ, чтобы слава о моемъ конѣ пронеслась по всему нагорному Дагестану, чтобы люди дивились, на него глядя...

Подумалъ духъ бездны и сказалъ:

— Хорошо, юноша; дамъ я тебѣ такого коня. Изъ моихъ подземныхъ конюшенъ подарю я тебѣ перваго, лучшаго скакуна, подъ однимъ, однако, условіемъ: ты за это обѣщай со мной покумиться... Клятву дай быть моимъ кумомъ, кунакомъ значитъ... И перваго сына, который у тебя будетъ, какъ только ему шестнадцать лѣтъ стукнетъ, мнѣ въ полное владѣніе обѣщай отдать... Слышись, въ полное! Я его къ себѣ уведу и принцемъ бездны сдѣлаю.

Замолкъ Шайтанъ, а Гарунъ бѣлѣе своего бѣлаго бешмета сталъ...

Такъ вотъ за какую плату ему лучшаго скакуна подаритъ Шайтанъ!

Страшно стало Гаруну, такъ страшно, что захотѣлось бѣжать въ аулъ къ людямъ, только бы не видѣть горнаго чудища, не слышать его страшныхъ словъ.

И вдругъ тихое, ласковое ржаніе достигло до слуха Гаруна.

Оглянулся Гарунъ и... не выдержалъ, вскрикнулъ отъ восторга.

Мѣсяцъ выплылъ изъ-за тучи и освѣтилъ своимъ

Мѣсяцъ освѣтилъ коня...

нѣжнымъ сіяніемъ красавца-коня, внезапно появившагося передъ нимъ.

Не конь то былъ, а диво. Тонконогій, породистый, глаза—молніи, ноздри—алыя азаліи со дна ущелій, грива—шелкъ пушистый, хвостъ—бахрома; самъ весь такъ и лоснится и отливаетъ серебромъ.

Вздрогнулъ Гарунъ, затрепеталъ отъ счастья. Глазами впился въ коня-красавца.

Много коней на своемъ вѣку видѣлъ Гарунъ, а такого не видалъ. Нѣтъ даже у самого турецкаго султана коня такого...

А духъ бездны видитъ восторгъ Гаруна и шепчетъ ему лукаво:

— Хорошъ мой подарокъ? Бери-же его! Онъ твой! И за этого коня я отъ тебя требую лишь, ежели будетъ сынъ у тебя,—чтобы ты мнѣ его отдалъ. А только вѣдь у тебя сына можетъ и не быть... Не женишься—и договоръ нашъ пустимъ по вѣтру... А конь то все-же твой будетъ... Гляди, хорошъ конь... Ни у кого такого нѣтъ и не будетъ.

Вспыхнулъ отъ радости Гарунъ.

Его конь! Его!

Ему одному принадлежитъ красавецъ долгогривый. А сына у него можетъ и не быть. Правду говоритъ духъ бездны. Не женится онъ, Гарунъ, да и все тутъ.

И, не помня себя, вскочилъ на коня Гарунъ, при-

жался головой къ его тонкой, блестящей шеѣ и лепечетъ, какъ дитя, съ счастливымъ смѣхомъ въ самыя уши коню:

— Радость очей моихъ, гордость сердца моего, золотой лучъ звѣзды восточной!.. Ты мой!.. Ты мой!..

А духъ бездны уже не прежнимъ, а новымъ суровымъ голосомъ говоритъ снова:

— Помни, какъ минетъ твоему сыну шестнадцать лѣтъ, присылай его сюда. А не то самъ приду и возьму. А какъ силкомъ его возьму—худо ему будетъ. Не принцемъ бездны его уже тогда сдѣлаю, а моимъ рабомъ—слугою послѣднимъ.

И снова, слыша эти слова, преисполнился страха Гарунъ. Но ненадолго. Вспомнилъ онъ, что никто его жениться не неволитъ. Не будетъ сына у него—и договоръ съ Шайтаномъ одной сказкой будетъ, сказкой, какою маленькихъ ребятъ пугаютъ въ аулахъ.

А конь у него останется. И какой конь!..

И, не помня себя отъ радости, ударилъ слегка коня Гарунъ и, громко крикнувъ:—„Принимаю договоръ. Прощай, духъ бездны!“—въ одинъ мигъ скрылся изъ виду.

А вслѣдъ ему громъ ударилъ и покатился по горамъ дикимъ, страшнымъ рокотомъ...

На разные голоса повторили ударъ этотъ горы и бездны, стремнины и пропасти.

Дѣти проснулись въ сакляхъ аула и заплакали со страха...

А духъ бездны захохоталъ и радовался всю ночь до утра и праздновалъ, кружась по горамъ въ вихрѣ бури, свой новый договоръ съ человѣкомъ...

□

Не обманулъ Шайтанъ. Далъ такого коня Гарунубеку, какого въ цѣломъ мірѣ днемъ съ огнемъ не сыщешь.

Первымъ джигитомъ сталъ, благодаря этому коню, Гарунъ. Никто его перегнать не можетъ, никто состязаться съ нимъ теперь не смѣетъ.

Со всего Дагестана сначала, а потомъ со всего Кавказа и другихъ странъ стали съѣзжаться на праздникъ, прослышавъ про удивительнаго коня.

Большія деньги давали Гаруну, лишь бы продалъ своего коня. Большія деньги давали, когда о закладъ бились насчетъ быстроты бѣга Гарунова скакуна. Лучшихъ коней приводили изъ конюшенъ и персидскаго шаха, и турецкаго султана, и Бѣлаго Царя—и всѣхъ перегонялъ конь Гаруна.

И деньги сыпались въ карманъ его бешмета, какъ золотой песокъ съ берега моря.

Сталъ богатымъ бекомъ Гарунъ. Сталъ знатнымъ. Ѣстъ на серебряной посудѣ, носитъ золотомъ шитые бешметы, коврами персидскими всю свою саклю укра-

силъ. Оружіе въ драгоцѣнной оправѣ по стѣнамъ развѣсилъ; а коня, всю сбрую, сѣдло и поводъ—все камнями самоцвѣтными разукрасилъ...

□ □ □

Прошелъ годъ... Прошелъ другой... и третій...

Прослылъ Гарунъ непобѣдимымъ абрекомъ.

Старики всѣхъ сосѣднихъ и дальнихъ ауловъ дочерей своихъ ему въ жены прочатъ.

А только хорошо помнитъ договоръ съ шайтаномъ Гарунъ. Не женится онъ ни за что... И рѣшилъ никогда не жениться.

Такъ рѣшилъ Гарунъ, а судьба думала иначе.

Осѣдлалъ какъ то разъ Гарунъ своего скакуна и поѣхалъ съ нимъ въ горы. Долго ѣздилъ. Жарко было. Солнце пекло и накаливало утесы. Притомился Гарунъ и подъѣхалъ къ горному ключу напиться.

Подъѣхалъ, спѣшился, подошелъ къ ключу и отступилъ отъ неожиданности...

— Что это? Сонъ или правда?

У ключа, наполняя глиняный кувшинъ студеной водою, наклонилась дѣвушка.

Такой красавицы Гарунъ еще не видывалъ.

Очи дѣвушки, словно два отточенныя лезвія дагестанскихъ кинжаловъ, такъ и блещутъ, такъ и сверкаютъ. Черныя рѣсницы шелковыми навѣсами ихъ накрыли; лицо у дѣвушки—снѣгъ стремнинъ горныхъ;

волосы черные, какъ тьма ночей восточныхъ; уста— двѣ дикія пурпуровыя розы горныхъ стремнинъ.

— Кто ты, звѣздочка неба восточнаго?—спрашиваетъ Гарунъ.

— Леилой-Зарой зовутъ меня, — отвѣчаетъ дѣвушка.

Голосъ у нея сладкій. Въ самое сердце онъ Гаруна проникаетъ.

Впился глазами въ Леилу-Зару Гарунъ, любуется.

— Вотъ бы мнѣ такую жену!—думаетъ онъ.

И вдругъ вспомнилъ про договоръ съ Шайтаномъ. Нельзя ему полюбить ни одной дѣвушки, нельзя жениться...

Вспомнилъ это Гарунъ, вскочилъ на коня, гикнулъ и исчезъ изъ виду.

Только не одинъ ускакалъ Гарунъ: понеслась за нимъ слѣдомъ и любовь къ Леилѣ-Зарѣ.

Вошла вмѣстѣ съ Гаруномъ любовь въ его аулъ, въ его саклю. Не даетъ покоя Гаруну,—все про красавицу Леилу-Зару ему напоминаетъ.

Не ѣстъ, не спитъ Гарунъ. И про коня забылъ. Никуда его не тянетъ, сидитъ въ саклѣ и печальную думу думаетъ.

Много сутокъ прошло, извелся, изстрадался Гарунъ. Не выдержалъ, осѣдлалъ коня и поѣхалъ опять къ источнику.

Хоть однимъ глазкомъ захотѣлось взглянуть на Леилу-Зару. Однимъ глазкомъ.

Пріѣхалъ, дождался ея, какъ она къ горному ключу за водой пришла. Увидѣлъ и рѣшилъ, что жить безъ нея не можетъ.

Сказалъ Леилѣ:—„Будь моей женой!“

Согласилась дѣвушка. Ей самой крѣпко полюбился Гарунъ черноокій на быстромъ, какъ вихрь, конѣ.

Леила-Зара была сирота; она поѣхала съ нимъ въ его аулъ, въ саклю Гаруна, къ его матери и отцу.

Свадьбу отпраздновали весело. Плакала чіангури, звенѣлъ саазъ, дѣвушки плясали лезгинку, а на улицѣ абреки джигитовали до утра и стрѣляли изъ винтовокъ.

Женился Гарунъ на Леилѣ-Зарѣ.

□□□

Прошелъ годъ.

И опять плакала чіангури и заливался саазъ. И опять стрѣляли изъ винтовокъ, джигитуя, абреки, а дѣвушки плясали лезгинку...

Въ честь сына Гаруна и Леилы-Зары былъ устроенъ праздникъ.

У Леилы-Зары и Гаруна родился сынъ, Магома.

И всѣ веселились при его рожденіи: и старики, и юноши, и дѣти... Только одинъ отецъ новорожденнаго малютки, Гарунъ, не веселился. Не ѣлъ, не пилъ, сидѣлъ блѣдный и суровый.

Въ эту ночь надъ ауломъ гроза разразилась, какой старики не запомнятъ. Громъ гремѣлъ по горамъ такъ, что горы шатались...

Это духъ бездны радовался рожденію Магомы...

Хорошенькій былъ ребенокъ Магома-крошка, а какъ подрастать сталъ, всѣ на него дивились.

Смѣлое, гордое у него личико, точно онъ, Магома, не сынъ простого бека, а дитя самого султана; безстрашные черные глазки такъ и сверкаютъ мыслью и смѣлостью. Бешметъ на немъ сидитъ, какъ вылитый, а улыбнется — словно золотая звѣздочка кивнетъ съ неба.

Какъ цвѣтокъ горной азаліи красивъ Магома... А самъ онъ смѣлый и отважный—ничего не боится. Шести лѣтъ на любомъ скакунѣ проскачетъ... Съ утеса на утесъ, какъ дикая коза, надъ самой глубокой бездной перепрыгнетъ... А бороться съ мальчиками начнетъ— всѣхъ ихъ побѣдитъ, всѣхъ переборетъ.

Гордостью и красотою всего аула считается Магома. Всѣ-то его любятъ, всѣ на него не надышатся. Всѣ, на него глядя, улыбаются счастливо, довольно.

Одинъ отецъ не улыбается. Одинъ Гарунъ смотритъ печальными глазами на сына...

Незамѣтно, какъ горный цвѣтокъ, растетъ Магома. И чѣмъ старше, чѣмъ краше онъ становится, тѣмъ печальнѣе, тѣмъ мрачнѣе на душѣ Гаруна.

Вотъ уже пятнадцать лѣтъ стукнуло Магомѣ. Не ѣстъ, не пьетъ Гарунъ. Смотритъ на сына, и дрожитъ. Такъ и слышится ему постоянно голосъ духа бездны:

„Какъ только стукнетъ твоему сыну шестнадцать лѣтъ въ полное владѣніе мнѣ его отдашь!..“

Отъ жены Гарунъ таитъ свое горе. Пусть ужъ онъ одинъ страдаетъ. Зачѣмъ смущать душу Леилы-Зары.

Замѣтила Леила-Зара, что неладное что-то творится съ мужемъ, и какъ-то вечеромъ, когда они были одни въ саклѣ, спрашиваетъ:

— Зачѣмъ печальны глаза твои? Что гнететъ твое сердце?

Отвернулъ отъ жены лицо Гарунъ, брови нахмурилъ, молчитъ, глаза отъ нея прячетъ.

Но Леила-Зара обняла мужа, заглянула ему въ лицо и говоритъ:

— Не таи отъ меня горя! Милостью Аллаха легче тебѣ будетъ, если раздѣлишь печаль твою со мной.

Взглянулъ на жену Гарунъ, увидѣлъ передъ собою встревоженное, взволнованное личико, увидѣлъ добрыя, любящія очи, готовыя раздѣлить съ нимъ горе... Не выдержалъ и все разсказалъ, все повѣдалъ женѣ—и про встрѣчу съ духомъ бездны, и про коня, и про договоръ съ Шайтаномъ.

Горько плакала въ этотъ вечеръ Лепла-Зара, узнавъ отъ мужа его страшную тайну. Громко рыдала она въ тишинѣ сакли, пока наконецъ, обезсиленная слезами, уснула.

Тутъ поднялся со своего ложа юный Магома и неслышно скользнулъ за дверь сакли.

Все отъ слова до слова слышалъ Магома, что разсказывалъ отецъ и теперь твердо рѣшилъ пойти на край пропасти, вызвать духа бездны и упросить его измѣнить свое рѣшеніе.

А въ горахъ стояла черная-черная ночь... Непроглядной пеленою накрыла она все кругомъ. Только далекій мѣсяцъ указывалъ юному Магомѣ путь куда идти. Онъ смотрѣлъ на мѣсяцъ, шелъ впередъ и думалъ:

— Вызову духа бездны, предложу ему другое условіе и избавлю отца отъ его печали.

Очень любилъ отца Магома и всей душой хотѣлъ помочь ему.

А ночь все надвигалась, все темнѣе, непроглядиѣе...

Пришелъ къ страшной пропасти Магома, сѣлъ на обломокъ скалы подлѣ самой бездны, да какъ крикнетъ:

— Эй, ты, Шайтанъ, выползай, что-ли! Къ тебѣ по дѣлу пришелъ! Не всю-же ночь тебя дожидаться!

Звонкимъ эхомъ пронесся по горамъ звукъ молодого чистаго голоса.

Всколыхнулъ онъ горы.

Духъ бездны проснулся, разбуженный имъ, поднялся со своей постели и, расправивъ черныя крылья, сталъ медленно подниматься надъ пропастью.

Выплылъ весь изъ бездны и неожиданно очутился передъ Магомой.

Вздрогнулъ Магома при видѣ Шайтана, хотѣлъ бѣжать, да вспомнилъ зачѣмъ пришелъ сюда и, какъ прикованный, остался на мѣстѣ.

— Эге! Вотъ ты какой,—говоритъ;—а и страшный-же ты, Шайтанъ!

— Зачѣмъ ты побезпокоилъ меня, мальчишка?—суровымъ, страшнымъ голосомъ обратился духъ бездны къ Магомѣ.

— А ты не сердись, господинъ! Не даромъ я тебя вызвалъ,—произнесъ Магома и тутъ-же разсказалъ Шайтану все про горе отца.

— Чего-жъ ты хочешь отъ меня?—выслушавъ его, спросилъ духъ бездны.

— Избавь отца отъ лютаго горя. Не дай проливаться слезамъ матери. Поставь, какія хочешь, условія, только не отнимай меня отъ родителей,—попросилъ Магома.

Захохоталъ духъ бездны. Захохотали съ нимъ вмѣстѣ и горы, и небо, и ночь, и пропасти...

— Такъ вотъ оно что!—произнесъ онъ,—ну, такъ

знай, избавить отца твоего отъ прежняго договора я могу, только если ты, юноша, найдешь въ себѣ силы вынести испытанія, которымъ я тебя подвергну. Какъ-бы ни были они страшны, ты долженъ ихъ вынести безъ единаго крика и просьбы о помилованіи. Если вынесешь, то останешься съ твоими родителями, и я откажусь отъ тебя навсегда. Если-же ты испугаешься, крикнешь, станешь молить о пощадѣ,—ты погубленъ навѣки и въ эту-же ночь, ранѣе положеннаго срока, не успѣвъ попрощаться съ отцомъ и матерью, будешь моимъ. Согласенъ?

— Согласенъ!—безстрашно отвѣчалъ Магома.

Едва только успѣлъ онъ произнести это слово, какъ страшный раскатъ грома пронесся по горамъ и потрясъ ихъ. И въ тотъ же мигъ откуда-то изъ подъ земли выскочилъ огненный конь.

Пламя вылетало у него изо рта, ноздрей, глазъ и ушей. Онъ издавалъ страшное ржаніе и билъ копытами о землю. Молніи вырывались изъ-подъ копытъ и искрами сыпались во всѣ стороны. Огненнымъ пламенемъ стоялъ хвостъ чудовища-коня за его спиной.

— Садись на него!—приказалъ духъ бездны Магомѣ.

Едва только мальчикъ успѣлъ вскочить на коня, какъ тотъ взвился на дыбы, сдѣлалъ отчаянный скачекъ и понесся съ быстротою вѣтра по горамъ и ущельямъ, по горнымъ тропамъ и утесамъ, перепрыгивая бездны и

пропасти, то взвиваясь къ самымъ вершинамъ горъ, то опускаясь внизъ въ долины.

Духъ захватывало у Магомы. Крѣпко вцѣпился онъ руками въ гриву коня, рискуя каждую минуту свалиться и разбиться на-смерть, или удариться головою о встрѣчные утесы и скалы.

Огненный конь летѣлъ все быстрѣе и быстрѣе съ каждой минутой, обдавая Магому пламенемъ.

Мальчикъ задыхался. Потъ градомъ лился съ него. Руки и ноги слабѣли съ каждой минутой. Голова кружилась. Вотъ-вотъ онъ выпуститъ гриву, и все пропало...

А конь все ускоряетъ шагъ... Уже быстрѣе стрѣлы вьется онъ надъ самой бездной...

Холодный ужасъ сковываетъ Магому, леденитъ его кровь. Онъ готовъ крикнуть, готовъ молить о помощи и тогда разомъ прервется эта бѣшеная скачка, и онъ спасенъ...

Да, онъ спасенъ. Онъ будетъ тогда любимымъ сыномъ духа бездны... Но его отецъ? Мать? О, они изойдутъ слезами, они зачахнутъ съ горя...

Нѣтъ, нѣтъ! Онъ, Магома, не допуститъ этого, хотя бы цѣлый годъ длилась эта бѣшеная скачка.

Едва успѣлъ подумать это юноша, какъ конь взлетѣлъ выше горъ, подъ самыя облака, и оттуда ринулся въ бездну, на самое дно ея...

Магома до крови закусилъ губы, чтобы не крикнуть, и зажмурилъ глаза.

Когда онъ открылъ ихъ, то нѣчто худшее, нежели огненный конь, представилось его взору.

Вокругъ него на днѣ пропасти толпились чудовища. Страшныя, съ человѣчьими головами, огромныя жабы, исполинскія змѣи, костлявыя старухи въ образѣ вѣдьмъ, худые скелеты съ улыбающимися черепами, маленькіе духи бездны съ высунутыми языками...

Все это прыгало, плясало и кривлялось, составивъ огромный хороводъ вокругъ него—Магомы. Они рычали, пѣли что-то загробными голосами, и съ каждой секундой кругъ ихъ все суживался и суживался, и они приближались все быстрѣе и быстрѣе, тѣсня Магому. Они жадно смотрѣли на него, щелкая зубами, готовые растерзать его каждую минуту. Они протягивали къ нему мохнатыя лапы и костлявые пальцы и вопили дикими голосами на тысячу ладовъ.

— Подари намъ мальчика, духъ бездны!

И вотъ послышался вдругъ страшный голосъ Шайтана:

— Берите его! Онъ вашъ!

Застылъ отъ ужаса Магома, готовый вскрикнуть, молить о пощадѣ, но тутъ же передъ нимъ мелькнуло измученное лицо отца, и онъ сдержался.

Зато страшный ревъ испустили чудовища и ринулись на него.

Но тутъ чьи-то невидимыя руки подхватили Магому и вынесли его изъ бездны.

Одинъ мигъ—и онъ очутился на землѣ и жадно вдыхалъ горный воздухъ.

— Иди!—послышался страшный голосъ Шайтана,—и счастье твое, если ты вынесешь еще послѣднее испытаніе по дорогѣ...

Магома, чуть стоявшій на ногахъ отъ перенесенныхъ ужасовъ и усталости, двинулся по горной тропинкѣ... И вдругъ огромная сѣрая скала выросла на его дорогѣ.

Испуганный и изумленный неожиданностью, онъ сдѣлалъ шагъ направо—новая скала встала передъ его глазами, налѣво—такой же точно утесъ выросъ передъ испуганнымъ мальчикомъ. Повернулъ назадъ Магома,—а сзади надъ нимъ вздымается такая же гранитная стѣна, ростомъ до самыхъ небесъ...

Точно живыя, надвигаются на него со всѣхъ сторонъ скалы, заключивъ его въ узкую маленькую, пещеру.

Куда ни шагнетъ Магома, всюду натыкается на холодный, твердый, непроницаемый камень.

А скалы подвигаются все ближе и ближе къ нему. Вотъ онѣ сейчасъ надвинутся вплотную, сейчасъ задавятъ его своей каменной грудью... Вотъ ему уже трудно, почти невозможно, дышать... Онъ чуетъ холодъ

смерти... Но голова еще работаетъ, мысль кипитъ... Онъ еще живъ, онъ дышитъ—юноша Магома.

— „Стоитъ только крикнуть, и я спасенъ,—мелькаетъ въ его мысляхъ:—Духъ бездны избавитъ меня отъ смерти, сдѣлаетъ меня принцемъ своихъ пропастей и стремнинъ, и я не буду больше переживать этого ужаса".

И онъ готовъ уже испустить крикъ мольбы о пощадѣ, но, точно наяву, представляется ему убитое горемъ лицо отца, рыдающая мать, ихъ горе...

— Нѣтъ! Нѣтъ! Ни за что!.. Пусть мнѣ грозитъ смерть—я не крикну! Я не дамъ торжествовать духу бездны!—громко и безстрашно произнесъ Магома.— Пусть умру, раздавленный здѣсь горами, мои родители узнаютъ, что я не въ рукахъ Шайтана, и Аллахъ сниметъ съ отца его вину,—заключилъ чуть живой, полузадушенный мальчикъ...

Едва онъ сказалъ это, какъ страшный гулъ пронесся надъ горами. Рухнули стѣны вокругъ мальчика... Золотыя звѣзды сверкнули съ неба. Цѣлая струя свѣжаго воздуха влилась въ грудь Магома.

Онъ былъ на свободѣ.

Духъ бездны снова появился передъ нимъ.

— Храбрый юноша,—произнесъ духъ бездны,— пойди въ свою саклю и скажи отцу, что ты спасъ его отъ большого горя. Духъ бездны избавляетъ Гарунабека-Наида отъ его клятвы.

И со страшнымъ гуломъ исчезъ на днѣ пропасти Шайтанъ.

Магома не шелъ, а летѣлъ домой, какъ на крыльяхъ, точно невидимые свѣтлые духи несли его на рукахъ.

Вотъ аулъ... Вотъ и родная сакля... У дверей ея отецъ съ матерью сидятъ въ ожиданіи Магомы.

Вспыхнулъ Магома, весь загорѣлся счастьемъ. Бросился на грудь отца и прокричалъ громкимъ голосомъ:

— Духъ бездны беретъ назадъ свое слово, батюшка. Мы спасены!—и разсказалъ все, что перенесъ, и слова Шайтана.

Не взвидѣлъ свѣта отъ счастья Гарунъ послѣ разсказа сына. Леила-Зара съ рыданіемъ обняла Магому.

Сошелся народъ къ ихъ саклѣ. Дѣвушки запѣли пѣсни, абреки стрѣляли изъ винтовокъ.

Всѣ славили Магому.

Только подъ утро разошлись по саклямъ.

А когда сошлись всѣ снова обсудить на досугѣ храбрый поступокъ Магомы, то узнали странную новость: сбѣжалъ, исчезъ изъ-подъ навѣса сакли конь Гаруна, подаренный Шайтаномъ.

Но Гарунъ не жалѣлъ его, не грустилъ по немъ, не томился...

Потерялъ коня Гарунъ, зато пріобрѣлъ спокойствіе и счастье.

□□□

Замолчала старая Барбалэ.

Закончила свое сказанье...

Молчитъ, вся охваченная волненіемъ, и молоденькая княжна.

Темнѣя, спускается вечеръ... Точно гигантская черная птица, пролетая надъ усадьбой, прикрыла ее своимъ темнымъ крыломъ...

Нежданно тихое ржаніе долетаетъ изъ конюшни... Заслыша его, вздрагиваетъ Нина, вскакиваетъ съ тахты и бѣжитъ туда.

— Шалый мой! Шалый!—шепчетъ она минутой позднѣе,—какъ могла я пожелать другого друга, имѣя тебя!

И она обнимаетъ сильную шею коня и прижимается къ головѣ лошади своей чернокудрой головкой.

— Одинъ ты у меня былъ, одинъ и останешься навсегда, алмазъ души моей, Шалый!

И она нѣжно гладитъ блестящую спину любимца-коня...

КОНЕЦЪ

Г.П.Б. в Лнгр.
1938 г.
Акт № 196/9

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вмѣсто вступленія. 5

Первое сказаніе старой Барбалэ 9
Безумецъ Бессо.

Второе сказаніе старой Барбалэ 29
Старый Гудъ.

Третье сказаніе старой Барбалэ 49
Каменный джигитъ.

Четвертое сказаніе старой Барбалэ 78
Кинжалъ Сафара.

Пятое сказаніе старой Барбалэ 99
Послѣдняя пѣснь Хочбара.

Шестое сказаніе старой Барбалэ. 117
Глупый Девъ.

Седьмое сказаніе старой Барбалэ 137
Невѣста водяного царя.

Восьмое сказаніе старой Барбалэ 151
Веселый джинъ.

Девятое сказаніе старой Барбалэ 164
Кунаки Шайтана.

а 37
афъ 34.
ка 6 № 39